

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

ISSN0130—2620

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

184

**ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
КАВКАЗА, СРЕДНЕЙ АЗИИ И СИБИРИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

184

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК КАВКАЗА, СРЕДНЕЙ АЗИИ И СИБИРИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1985

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

Г. А. МАКСИМЕНКОВ
И. Н. ХЛОПИН

СТАТЬИ

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУРЫ
ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ
В VII—VI ВВ. ДО Н. Э.

Комплексы VII—VI вв. до н. э. в лесостепном Прииртышье крайне немногочисленны. По мнению В. Е. Стояновца, к этому времени здесь относятся памятники розановского типа¹. Однако, как показали наши исследования², подтвержденные затем Л. Н. Коряковой³, эти памятники являются поселенческими комплексами саргатской культуры конца I тысячелетия до н. э.—рубежа нашей эры. Поэтому все материалы начала эпохи железа представляют большой интерес для характеристики культуры рассматриваемого региона. Актуальность изучения этой эпохи диктуется также тем обстоятельством, что она сейчас выглядит лакуной между относительно хорошо изученными памятниками финальной бронзы⁴ и саргатской культуры второй половины V в. до н. э.—II—III вв. н. э.

К началу раннего железа на левобережье лесостепного Прииртышья относится три впускных погребения в курганной группе Калачевка II⁵, одно из которых сопровождалось бронзовым двулопастным ромбическим втульчатым наконечником стрелы с шипом, характерным для этого периода⁶. Все три погребения располагались в насыпи кургана диаметрами 14 и 12,3 м, высотой 1 м на глубине 0,5—0,6 м. Два погребения, в том числе захоронение с наконечником стрелы, представлены черепами и уложенными около них в направлении северо-запад—юго-восток трубчатыми костями конечностей без эпифизов, что наводит на мысль о вторичном захоронении. Подобный обряд перезахоронения свойствен ряду сибирских народов⁷. В третьем погребении обнаружен костяк, лежавший на спине черепом на северо-запад, с подогнутыми в коленях ногами, завалившимися вправо. Левая рука вытянута, правая чуть согнута в локте. По-видимому, несколько старше, но хронологически близко к описанным основное погребение этого кургана. Оно располагалось на уровне древнего горизонта в прямоугольном бревенчатом срубе или в обкладке в один венец. Сверху оно было перекрыто продольными плахами. Погребальное сооружение было ориентировано длинными сторонами в направлении север—юг. Само погребение оказалось разграбленным, так что о позе костяков судить невозможно. В захоронении встречены глиняный мисковидный круглодонный сосуд с орнаментом из двух рядов ямок, горизонтальных каннелюр по шейке и меандровидных фигур на тулове, выполненных оттисками крупнозубчатого штампа, а также бронзовый нож с круглым навершием рукояти. Аналогии ему имеются среди ножей лесостепного Приобья периода финальной бронзы, в частности, в комплексе одного из погребений могильника Камышенка на верхней Оби, датированного VIII—VII вв. до н. э.⁸ Радиоуглеродный анализ древесины из основного погребения кургана Калачевки II определил близкую дату — 2800±60 лет до наших дней (JE-788).

Материал описанных погребений дает ограниченное представление об облике культуры населения лесостепного Прииртышья VIII—VI вв. до н. э. Найденный здесь сосуд имеет черты, характерные еще для местных культур периода поздней бронзы. Это подлощенная поверхность, меандроидные фигуры в орнаменте, реповидная форма. Но круглодонность сближает его с керамикой эпохи железа. Помещение умершего в сруб, северная и северо-западная ориентировка погребенных имеют определенные параллели с погребальным ритуалом саргатской культуры⁹. Принимая во внимание хронологическую близость и общность ряда черт ритуала, можно предположить, что население, оставившее указанные комплексы, вошло в состав носителей саргатской культуры.

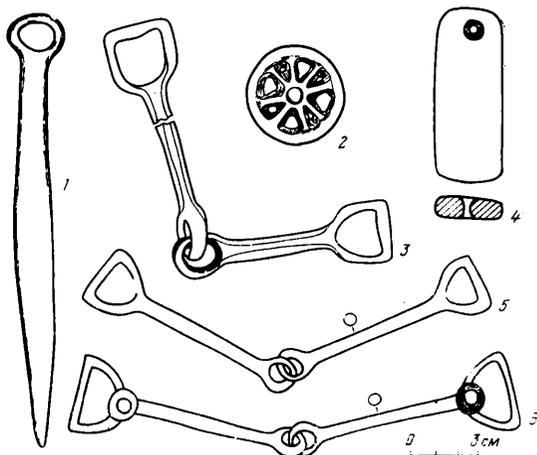
К VII—VI вв. до н. э. относятся также отдельные вещи, указывающие на контакты населения лесостепного Прииртышья с кочевниками степей. Из окрестностей Омска происходит бронзовый нож с кольчатым навершием и слегка горбатой спинкой (рис. 1, 1), аналогии которому известны в материалах могильника Уйгарак и памятников тасмолинской культуры¹⁰. На берегу Иртыша близ Омска найдены оселок с отверстием для подвешивания (рис. 1, 4) и бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и дополнительным кольцом для крепления псаля (рис. 1, 6). Двое бронзовых удил со стремечковидными концами найдены у станции Москаленки на левобережье Оби и в окрестностях Омска (рис. 1, 3, 5). Аналогии этим предметам известны во многих памятниках конца VIII—VI в. до н. э. степей Евразии: в материалах кургана Аржан, памятников майэмирской и тасмолинской культур, ранних саков и др.¹¹ В Омске, близ б. завода Юргенсона, при случайных обстоятельствах найден бронзовый колесовидный амулет (или пряслице; рис. 1, 2), относящийся, вероятно, к разрушенному погребению. Подобные «амулеты» встречены в савроматских памятниках VI—V вв. до н. э.¹²

Хотя перечисленные вещи найдены вне комплексов, они свидетельствуют о заселенности лесостепного Прииртышья в VII—VI вв. до н. э. и о его связях с кочевниками тасмолинской культуры Казахстана и, по-видимому опосредованно, с савроматами. Связи с савроматами документируются также находками каменных жертвенников-«столиков» на двух и четырех ножках, обнаруженных в погребениях Богдановки III (курган 1) и Карташова II (курган 11, погребение 3), датированных соответственно V и предположительно IV—III вв. до н. э.¹³ Последняя дата не согласуется с датировкой «столиков» на четырех ножках у савроматов¹⁴. Возможно, этот предмет попал в погребение могильника Карташово II спустя длительное время после изготовления, долго сохраняясь в обиходе или обрядовых церемониях. Примечательно, что захоронение в кургане 1 могильника Богдановка III находилось под шатровым бревенчатый перекрытием, которые известны у савроматов, но в целом не характерны для саргатской культуры Прииртышья¹⁵. Это может свидетельствовать об инфильтрации савроматских элементов в V в. до н. э. на северо-восток, вплоть до Омского Прииртышья. О том же говорят наличие в погребениях саргатской культуры меловой подсыпки, краски, проявление культа огня и некоторые другие особенности погребального ритуала¹⁶. Находки бронзовых удил, ножа, амулета, демонстрирующие связи со степным миром, известны только в южной части лесостепного Прииртышья, до широты Омска. Можно сказать, что они отражают определенную скотоводческую направленность хозяйства этой территории, обусловленную экологическими условиями региона и тесными контактами с населением Казахстана.

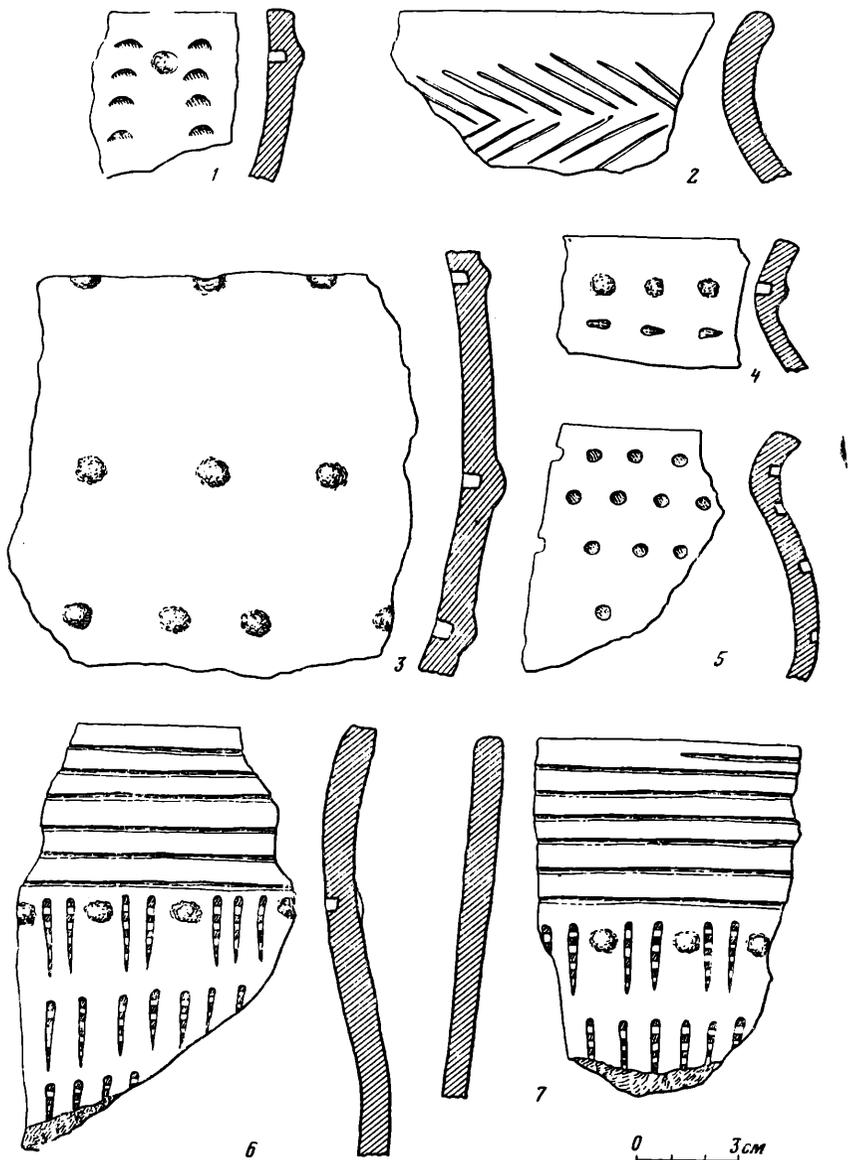
По-видимому, облик культуры населения лесостепи Прииртышья в VII—VI вв. до н. э. не был одинаковым в разных местах. В районах лесостепи к северу от Омска, захваченных в переходный период от бронзы к железу продвижением к югу лесных племен¹⁷, должно было ощущаться воздействие их культуры, не распространившееся далее к югу. Специфичные черты культуры прииртышского населения к северу от

Рис. 1. Случайные находки начала эпохи железа из Омского Прииртышья

- 1, 3 — окрестности Омска;
 2 — Омск, близ б. завода Юргенсона;
 4, 6 — берег Иртыша близ Омска;
 5 — станция Москаленки Омской обл.;
 1 — 3, 5, 6 — бронза;
 4 — камень

Рис. 2. Керамика поселения Битые Горки (1—7)

Омска можно проследить по керамическому комплексу поселения Битые Горки¹⁸. Здесь представлена керамика саргатской культуры и предшествующая ей. Последняя характеризуется слабопрофилированными плоскостными сосудами баночной или горшковидной формы, орнаментированными рядами круглых ямок, «жемчужин», полулунных вдавлений, горизонтальных каннелюр, а также узорами, выполненными крупным зубчатым штампом, типа рядов вертикальных или слегка наклонных вдавлений и многорядовой «елочки» (рис. 2). Характер орнаментации и в значительной мере формы этих сосудов чужды керамике южных степных памятников, зато находят соответствия в более северных лесных памятниках Обь-Иртышского региона, где баночные и слабопрофилированные горшковидные и котловидные формы сосудов, а также орнамент в виде рядов ямок, «жемчужин» и оттисков зубчатого штампа были широко распространены в начале раннего железного века¹⁹. Очевидно, своеобразие описываемой керамики отражает северный этнический компонент, продвинувшийся в переходное время от бронзового века к железному в лесостепь Прииртышья до широт Омска и сохранивший с некоторыми изменениями свои особенности в VII—VI вв. до н. э.

Таким образом, к V в. до н. э. в лесостепном Прииртышье можно констатировать, с одной стороны, возрождение в трансформированном виде местных лесостепных элементов, сложившихся в прошлом на андроновской основе при активном участии северных элементов, а с другой — активное воздействие и инфильтрацию кочевников сако-савроматского мира. Эти факторы, действуя во взаимосвязи, привели к общей нивелировке культурных проявлений и обусловили сложение в V в. до н. э. довольно монолитных по облику саргатской и гороховской культур.

- ¹ *Стоянов В. Е.* Ранний железный век западносибирской лесостепи (опыт классификации и периодизации). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969, с. 13; *Он же.* Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 248, 249.
- ² *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа. — В кн.: Проблемы хронологии..., с. 177, 179.
- ³ *Корякова Л. Н.* Саргатская культура раннего железного века западносибирской лесостепи. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981, с. 16.
- ⁴ *Чернецов В. Н., Мошинская В. И.* Городище Большой Лог. — КСИИМК, 1951, 37, с. 86, рис. 29; *Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С.* Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. — В кн.: Проблемы хронологии..., с. 44—51.
- ⁵ *Могильников В. А.* Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II. — КСИА, 1968, 114.
- ⁶ *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980, рис. 11; 12; *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана. М., 1965, рис. 6, 4, 8.
- ⁷ *Костров Н.* Нарымский край. Томск, 1872, с. 48; *Прокофьева Е. Д.* Мамонт по представлениям селькупов. — СМАЭ, 1949, т. 11, с. 363; *Чернецов В. Н.* Представление о душе у обских угров. — ТИЭ, 1959, нов. сер., т. LI, с. 154; *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972, с. 72, 73.
- ⁸ *Членова Н. Л.* Ирменское погребение с богатым инвентарем. — КСИА, 1981, 167, с. 105, рис. 2, 2.
- ⁹ *Могильников В. А.* Коконовские и Саргатские курганы — памятники эпохи раннего железа в западносибирской лесостепи. — В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 124; *Корякова Л. Н.* Ансамбль некрополя саргатской культуры (статистическая характеристика). — В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 145.
- ¹⁰ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, табл. VI, 5; XXI, 11; *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алмата, 1966, рис. 38, 5.
- ¹¹ *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. — КСИИМК, 1947, 18, рис. 3, 7—9; *Он же.* Аржан..., рис. 12, 1; 20, 2, 23; 28; *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры, рис. 7, 3, 4; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., табл. XX, 5.
- ¹² *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, рис. 71, 3—5.
- ¹³ *Могильников В. А., Колесников А. Д., Куйбышев А. В.* Работы в Приир-

тыше.— АО 1976 г. М., 1977; *Могильников В. А.* Работы Алтайской экспедиции.— АО 1981 г. М., 1982.

¹⁴ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 162.

¹⁵ Там же, с. 89; *Могильников В. А., Колесников А. Д., Куйбышев А. В.* Работы в Прииртыше.

¹⁶ *Корякова Л. Н.* Ансамбль некрополя..., с. 147, 148.

¹⁷ *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981, с. 193, 203.

¹⁸ *Левашова В. П.* Предварительное сообщение об археологических исследованиях музея за 1926—1927 гг.— В кн.: Изв. Западносибирского музея. Омск, 1928, вып. 1, с. 158.

¹⁹ *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби.— МИА, 1956, 48, табл. XIII, 5, 6; *Елькина М. В.* Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье.— В кн.: Археологические исследования на Урале..., рис. 5, 3; *Троицкая Т. Н.* Новосибирское Приобье в VII—VI вв. до н. э.— В кн.: Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972, 38, рис. 1, б, в; *Челякин Ю. П.* Городища Барсов Городок I/13 и I/14.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981, рис. 2, 8.

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

ТАШТЫКСКИЕ НАКОСНИКИ И ПРИЧЕСКИ

В Оглахтинском могильнике, раскопанном А. В. Адриановым в 1903 г., было много редких находок: мумии с масками, погребальные куклы, уварь, модели оружия, шелковые ткани. Первая информация о находках опубликована в том же году и в дальнейшем без изменения использовалась исследователями при обращении к материалам могильника¹. Между тем, получившая широкую известность авторская интерпретация серии изделий слишком поспешна. О найденных в могильнике резных окрашенных плакетках-«идольчиках» уже писал Л. Р. Кызласов. По его справедливому определению, они были не культовыми предметами, а деревянными моделями мечей и кинжалов². Новой интерпретации требуют так называемые ритуальные туески и шелковые ладонки. Возможно, их семантика имеет две стороны: мифологическую ритуальную и функциональную. В статье речь пойдет лишь о функциональной стороне, но любая раскрытая функция предмета сокращает объем неизвестности мифологической семантики.

Ритуальными Адрианов называет небольшие берестяные туески, которые ставили за головой покойника «с ритуальной целью». Подобное обозначение утвердилось за этими предметами и сохраняется по сей день в музейных описях и литературе. Лишь А. М. Тальгрэн проявил осторожность, назвав их туесками, или берестяными мешочками³. Между тем, требует уточнения даже точное место изделия в могиле. Обратимся к первоисточникам. В своей публикации Адрианов указал: «Между другими предметами на первом месте стоит один, встречающийся в каждой могиле и на определенном месте. Это маленький берестяной туесок в 2—3 вершка высотой и 1,5 диаметром. На одном конце пришито донышко, а около другого туесок пронизан насквозь тремя-четырьмя деревянными спицами; снаружи туесок обтягивался шелковой материей, на двух экземплярах, лучше сохранившихся, можно видеть замечательно красивый и оригинальный рисунок ткани. Туески находились непосредственно за черепом»⁴. В то же время при описании одной могилы в отчете Адрианов констатирует, что «за черепами лежало по маленькому берестяному туеску, один из которых обтянут шелковой материей с сохранившимся местами превосходным рисунком, отличающимся изяществом и яркими красками»⁵. Видимо, Адрианов обратил внимание, что «туески» всегда находятся за черепом, но их лежачее положение вплотную к черепу принял за вторичное, полагая, что «туески» упали, и не решив, что является верхней, а что — нижней частью туеска. А это имеет принципиальное значение. Хотя публикаций этих предметов нет, они достаточно стан-

Рис. 1. Берестяные колпачки-накосники. Фрагменты причесок

1—6 — берестяные колпачки-накосники; 7 — накладная коса, вплетенная в собственную; 8—10 — трубочки-накосники; 11 — фрагменты причесок (Жомарково, могила 16); 12 — фрагмент рисунка на планке из склепа Тепсей III

дартны, и можно ограничиться их суммарным описанием, прилагая рисунок каждого. Общее число найденных Адриановым «туесков» неизвестно, в настоящее время они представлены в музеях пятью целыми или почти целыми экземплярами и фрагментами еще трех⁶. Последние фрагменты ныне невыразительны, но их подробное описание имеется в описи, составленной автором раскопок, что дает возможность использовать их при общей характеристике предметов. Все «туески» изготовлены из куса бересты, свернутой в цилиндр, высотой от 9,5 до 12 см. Оба края куса сшивали, а затем к одному основанию цилиндра пришивали берестяной

кружочек. Наружный диаметр 7,5–8,5 см, внутренний — 7–7,5 см. Изнутри цилиндр обшивали или обклеивали тонкой шелковой тканью. Кусочки ткани сохранились на внутренней части каждого берестяного кружка и есть на внутренних стенках одного из цилиндров (ГИМ, кол. 43931,1). Применяли как однотонный, так и разноцветный шелк. Имеется описание двух кусочков. Один — бордово-красный, сотканый в виде рогожки; край подогнут и обметан ниткой из сырца (КМ, кол. 24, № 19). Другой — серый, на нем нарисованы темно-коричневые квадратики, расположенные линиями, сложенные углами и образующие какие-то группы⁷.

Снаружи цилиндры также обтягивали тканью, но не тонкой, а толстым трехцветным шелком. Сохранилась ткань поверх двух предметов, причем по два фрагмента. Первый «туесок» был обшит фрагментами двух разных тканей (ГИМ, кол. 43931,9). Наибольший фрагмент выполнен двумя основами: фоновая основа — полоса зеленого, синего и коричневого цветов, по ней — узор в виде светло-желтых квадратиков, образующих ромбы (рис. 1, 4)⁸. Оба фрагмента ткани, покрывавшей второй «туесок», выполнены тремя основами темно-коричневого, светло-коричневого и темно-синего цветов. По этому фону идет орнамент из «облачных» лент, волют с зубцами, зверей, в промежутке между которыми вытканы иероглифы, составляющие надпись благожелательного характера (ГИМ, кол. 43931,1)⁹. Концы фрагментов ткани, покрывавшей «туески», подогнуты, во многих местах имеют следы сшивания, лишь один край подрублен. Ткань пришивали к обоим краям цилиндра, и, судя по дырочкам от прошивки, не два, а по крайней мере четыре из пяти сохранившихся экземпляров были первоначально снаружи покрыты тканью. Кроме следов прошивки, имеются сквозные дырочки диаметром 3–5 мм у края, противоположного «донышку». Дырочек по одной-две спереди, на трех предметах — еще по две сзади. На лицевой стороне дырочки расположены на расстоянии 3–3,5 см от края, а на задней — совсем у края. В трех дырочках сохранились костяной и два деревянных стерженька (ГИМ, кол. 43931; АИМГУ, кол. 31,6). Костяные хорошо заполированные стерженьки являются наиболее массовой находкой в таштыкских грунтовых могилах. Их длина достигает от 4 до 10 см, но преобладают экземпляры длиной 5,5–7,5 см, диаметром 3–5 мм. Нижний конец стерженьков заострен, а верхний закруглен либо имеет шляпку разнообразной формы: гвоздевидной, круглой, круглоуплощенной, молоточкообразной и цилиндрической. По первым находкам они названы булавками или шильями, предположительно происходящими от бронзовых тагарских шильев¹⁰. Сейчас стерженьков найдено около 90. Даже в грабленных могилах они находятся, как правило, у женского черепа, а в неграбленных — с определенной стороны черепа. Следовательно, их следует считать булавками для закрепления прически. Таким образом, в Оглахтинских гробницах берестяные цилиндрики, или «туески», лежали вплотную к темени погребенного, «донышком» вверх, и закалывались у головы спереди и сзади булавками-шпильками, которые должны были закреплять свернутые на темени в узел волосы или косичку. Значит, эти предметы служили колпачком для волос или косы, т. е. своеобразным накосником.

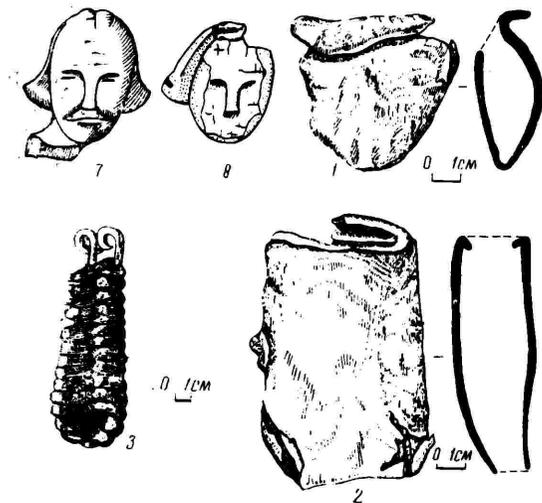
Подтверждение подобной интерпретации «туесков» находим в новых открытиях. При раскопках Комарковского могильника в 1975 г. обнаружен берестяной цилиндрический футляр высотой 11 см и диаметром 7 см, лежавший вплотную к женскому черепу (Комаркова Песчаная, могила 16). Расположение и размеры цилиндра свидетельствуют о его полной аналогии с оглахтинскими (рис. 1, 11; 2). Похожий цилиндр изображен на голове женщины, силуэт которой вырезан на одной из знаменитых планок, найденных в Тепсейском склепе (рис. 1, 12)¹¹. Указанный предмет покрывал макушку. Остальные волосы женщины собраны у затылка в виде косы, или «хвоста», и спущены на плечи. Здесь мы встречаемся с вариантом прически, объясняющей еще одну деталь накосника, о которой выше не говорилось и которая служит еще одним доказательством

Рис. 2. Комарковский могильник, могила 16. Головные уборы и лицевые маски

Рис. 3. Таштыкские прически с кожными накосниками

1, 2 — кожные накосники;
3 — накладная коса;
4-6 — фрагменты рисунков на планках из склепа Тепсей III;
7 — деревянная скульптурка из Уйбатского чаа-гаса;
8 — головной убор мумии у д. Береш

выдвигаемой интерпретации предмета. Дело в том, что у трех оглахтинских «туесков» на задней стороне снизу, между дырочками от «шпилек», имеется прямоугольный вырез. Размеры отверстия $1,5 \times 1,5$ и 2×3 см. Подобное отверстие есть на «туеске», найденном в могиле вместе с двумя косами (Оглахты, могила 1). Одна коса — шиньон, т. е. пряди волос обвиты вокруг кожного жгута (ГИМ, кол. 43931, 2;

рис. 3, 3). Длина косы 14,5 см. Другая коса — накладная, сплетена в три пряди волос, длиной 32 см (ГИМ, кол. 43931, 25). В середине одной из прядей есть заплетенная косичка толщиной не более 1 см. Видимо, она вплеталась в пряди накладных волос для создания толстой косы (рис. 1, 7). Берестяной колпачок-накосник слишком мал, чтобы закрывать свернутую на затылке косу. В то же время отверстие на задней стороне накосника почти совпадает по толщине с малой, туго заплетенной косичкой. Очевидно, кончик косы из собственных волос, свернутой и закрытой накосником, продевался через это отверстие и прикреплялся тем или иным способом к накладной косе.

О широком применении накосников свидетельствуют следующие наблюдения. Как правило, у черепов лежит по одной-две, реже — по три-

четыре булавки, т. е. их число соответствует числу дырочек в наконнике. По сохранившимся булавкам можно предполагать несохранившийся наконник. Даже с учетом только костяных, а не деревянных булавок выясняется, что наконники носили многие женщины.

Колпачки на косичку изготавливались не только из бересты. В Оглахтинском могильнике найдены кожаные миниатюрные мешочки, набитые травой или человеческими волосами. Они не привлекали внимания исследователей. Первый мешочек длиной 6 см и внутренним диаметром 1,8 см имел круглое дно, наверху сужен, а в нижнем конце расшилен. Мешочек сшит через край тонкими жилами, туго набит на $\frac{3}{4}$ травой¹². Второй мешочек шириной 5 см, глубиной 4,5 см имеет овальное дно. Сшит он из двух кусочков кожи, короткий подогнут внутрь и подрублен, длинный оторочен снаружи и охвачен ремешком. В мешочке — короткие пряди человеческих волос (КМ, кол. 24, № 33; рис. 3, 1). Третий мешочек цилиндрической формы длиной 8,5 см и шириной 5,5 см — с прошитым донышком. Сшит из одного куска твердой кожи, верхний край чуть загнут внутрь. В мешочке находятся заплетенные в тоненькую косичку волосы и деревянная булавка — шпилька длиной 3,5 см. По сведениям Адрианова, ранее в нем были две-три булавки (КМ, кол. 24, № 35; рис. 3, 2). Мешочки встречены в могилах, где похоронено по две человеческие мумии и не менее двух кукол-манекенов (могила 1). С мумиями найдены берестяные наконники и длинные косы. Значит, тоненькие косички в кожаных мешочках следует связывать с куклами.

Напомним, что погребальным куклам стремились придать индивидуальные черты умершего. Для этого куклу одевали в одежду покойника, лицо покрывали портретной маской, прикрепляли к голове волосы покойного. О последнем свидетельствуют две куклы, обнаруженные при вторичном исследовании Оглахтинского могильника Л. Р. Кызласовым. На голове одной был человеческий скальп с волосами, а к темени второй пришита подковообразно уложенная косичка из человеческих волос¹³. Следовательно, есть все основания видеть в кожаных мешочках (с волосами и булавками) часть головного убора куклы — имитацию наконника. О способе крепления кожаных наконников на голове говорит сам покрой мешочков. Они надевались на косичку донышком вверх, закалывались булавкой или завязывались у корня волос ремешком, продетым вдоль нижнего края.

Обращают на себя внимание разная форма и разные размеры кожаных наконников. Наибольший из них по размерам и форме похож на берестяные, а наименьший — на «ладонки». Ими Адрианов считал два шелковых миниатюрных (4×4,5; 5,5×4,5 см) мешочка, засаленных и пропитанных каким-то органическим веществом. Оба обнаружены в одной могиле, поблизости от голов кукол¹⁴. Важно, что в этом срубе на голове мумий были берестяные наконники, а кожаные вообще не обнаружены (могила 2). Вполне вероятно, что здесь к головам кукол были пришиты не кожаные, а шелковые мешочки, выполнявшие роль тех же колпачков, которые надевали сверху на свернутую косичку, пришитую к темени куклы. Видимо, шелковый наконник имела одна из кукол, найденных Л. Р. Кызласовым, ибо на ее голове сохранился кусочек шелковой полихромной ткани размерами 4×4,5 см¹⁵. Именно такие размеры имели адриановские шелковые «ладонки». Гипотеза о кожаных и шелковых наконниках подкрепляется некоторыми таштыкскими рисунками. Вновь обратимся к тепсейским планкам. На них изображены воины с длинными волосами, связанными на затылке, а на темени у воинов — неповытная «шишечка», сверху плоская, к корню волос зауженная. Одна из «шишечек» у корня волос проткнута длинной булавкой, другая завязана длинным ремешком (рис. 3, 4—6)¹⁶. Формой и размерами эти «шишечки» очень похожи на сплюснутые колпачки, надевавшиеся сверху на свернутую косичку.

Таким образом, у таштыкцев были оригинальные и своеобразные способы крепления волос с помощью колпачков, надевавшихся на уложен-

ную на макушке косичку. Колпачки-накосники шили из бересты, кожи, шелка. Но были и другие способы крепления волос. Каркасом высокой прически одной покойницы в Комарковском могильнике служила берестяная трубочка диаметром 1—1,5 см и высотой 5,5 см (рис. 1, 11; 2). Она лежала вертикально к темени, а выше веером располагались 12 костяных булавок. Сбоку и ниже трубочки было рассыпано около 300 бисерин и бусин. Судя по расстоянию от наверхия булавок до черепа, высота прически составляла не менее 10 см. Вероятно, сквозь трубочку продевалась часть собственных волос, а затем вплетались дополнительные, образуя большой узел, закреплявшийся булавками и украшенный низкими бус. По конструкции это напоминает прическу женщины из Пазырыкского кургана. У алтайской покойницы волосы, заплетенные в косицы, продевались сквозь отверстия плоской деревянной шапочки, затем соединялись, обматываясь искусственными волосами и полосками войлока, а потом завязывались в узел, закрепленный железной булавкой¹⁷.

В таштыкских могилах найдены еще три аналогичные трубочки, но костяные. Их диаметр по 1 см, высота — 5,5 см, а обломанной — чуть более 2 см. Две покрыты орнаментом (рис. 1, 8—10). Трубочки тех же размеров встречаются в гуннских погребениях Забайкалья. Их назначение пока неясно¹⁸. Может быть, их следует связывать с головными уборами? Правда, не все они лежат у головы погребенного, встречаются также у руки, между бедер, у колена. Возможно, эти трубочки иногда служили каркасом прически типа комарковской, а в других случаях надевались на конец длинной привязанной косы, подобно известным в археологии узким накосникам из металла¹⁹.

Исследование разнообразных накосников позволяет суммировать некоторые представления о прическах того времени. Своеобразие заключается в ношении косы как женщинами, так и мужчинами, но разных величин и способа крепления на голове. Берестяные накосники, судя по сохранившимся от них булавкам, найденным в могилах у женских черепов, носили женщины. Все сохранившиеся экземпляры колпачков извлечены из могил, где были похоронены женщины. Если в могиле найдено два колпачка, то похоронены там две женщины (Оглахты, 1903, могила 2). Величина накосника определялась размерами свернутой под ним косы. Вторым вариантом той же прически была привязанная коса, вплетенная в конец свернутой на макушке собственной. В этом случае берестяной колпачок-накосник не только закрывал косу на голове, но служил своеобразной перемычкой между собственными и вплетенными волосами. Более сложные прически делали на голове, вплетая дополнительные волосы или прикрепляя шиньоны. Но всегда женские прически были высокими. Возможно, поэтому погребенных хоронили с высоко поднятыми головами, а под головы подкладывали твердые предметы: камни, обрубки дерева, деревянные, берестяные и кожаные подушки, набитые жесткой травой.

Мужские прически имели характерную деталь — косичку, заплетенную на макушке или темени из собственных волос, иногда настолько тоненькую, что без сомнения все остальные волосы с висков и затылка сбрасывали. Имитацией подобной прически является уложенная косичка, пришитая к голове куклы. Подлинная прическа сохранилась на одной мужской мумии (Оглахты, 1969, могила 4). У мужчины волосы с висков были выбриты, а на темени оставлены и собраны в слабо заплетенную косу. Гипсовая маска, закрывавшая лицо, в теменной части имеет специальный вырез для косы, уложенной вдоль головы. На затылке черепа сохранились короткие подстриженные волосы²⁰. Чтобы уложенная или свернутая и закрепленная булавками косичка не рассыпалась, не лезла в глаза, не была помехой при движении, на нее надевали колпачок, сшитый из мягкого материала, а снизу завязывали или закрепляли дополнительной булавкой. Иногда к собственной косице прикрепляли накладную. Вариант мужской прически предложен С. В. Киселевым по деревянной

головке от скульптурки мужчины из склепа Уйбатского чаа-таса. Здесь от темени ко лбу уложена двойная овальная коса, подобная найденной в могиле, плетеной на каркасе (рис. 3, 7). Голова воина очень похожа на голову мужской мумии, обнаруженной нами в позднетагарском кургане у д. Береш в 1982 г. Мумия имела на лице глиняную маску, закрытую кожаной, а сверху — второй глиняной. Голова вмонтирована в глиняный убор, напоминающий убор уйбатской фигурки. Но главное сходство в том, что к макушке мумии был прикреплен кожаный футляр, а в нем — свернутая тоненькая косичка (рис. 3, 8).

Дополнительные разновидности как женских, так и мужских причесок показаны на планках из склепа Тепсей III, где острием ножа вырезаны сцены общественной охоты, угона военной добычи, батальные картины, передающие какие-то легендарные или исторические события²¹. Некоторые люди изображены с распущенными до плеч волосами, либо волосы связаны на затылке, а концы распущены по плечам в виде «конского хвоста». При этом волосы на макушке показаны горизонтальными черточками, иногда сочетающимися с поперечными и полукруглыми линиями. Создается впечатление, что переданы пряди волос, уложенные в замысловатую прическу, либо что к голове прикреплен парик. Люди в «париках» спасаются от погони, в них стреляют, их ранят. Они не имеют в руках оружия, иногда — только лук. Поэтому есть некоторое основание предполагать, что в данном случае изображены женщины, но основная группа людей со щитами, колчанами, луками и стрелами представляет, безусловно, мужчин-воинов. У некоторых воинов длинные волосы просто завязаны на затылке, но у многих, как говорилось, есть «шишка» — накосник, покрывающий косичку. Значит, эти воины волос с головы не сбрасывали.

Разнообразие женских и мужских причесок, видимо, не случайно, а отражает возраст, общественное положение, этнический состав населения. Варианты женских причесок, коса и пышный узел волос, по материалам наиболее полно исследованного Комарковского могильника могут предварительно определяться возрастом. Дело в том, что берестяные накосники, очевидно, носили взрослые замужние женщины, так как булавок от накосников в могилах подростков и детей нет. В то же время в одной могиле похоронены женщина 18 лет с пышной, богато украшенной прической, женщина 25—40 лет, на голове которой сохранился накосник, и мужская кукла с пеплом (сохранился только пепел). Напомним, что при раскопках на верхней Оби М. П. Грязнов отметил погребение девушки моложе 20 лет, отличавшейся прической от замужних женщин²². Варианты мужских причесок — собственная или накладная коса на полубритой голове, или косичка на темени при длинных волосах — пока не имеют объяснения. Мужские трупы хоронили редко, гораздо чаще хоронили пепел в манекене-кукле. Две оглаختинские куклы подробно не опубликованы, без чего нельзя извлечь полную информацию из тепсейских рисунков, изображавших, видимо, разные группы мужского таштыкского населения.

¹ Адрианов А. В. Оглахтинский могильник. — Сибирская жизнь, XXIX илл. прилож., 1903, № 249—254; *Сосновский Г. П.* О находках Оглахтинского могильника. — ПИМК, 1933, 7/8; *Tallgren A. M.* The South Siberian of Oglakty from Nan period. — ESA, 1937, XI; *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951; *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха. М., 1960.

² *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха, с. 111.

³ *Tallgren A. M.* The South Siberian..., p. 76.

⁴ *Адрианов А. В.* Оглахтинский могильник, № 254.

⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, 1903, д. 33.

⁶ Архив МАЭСТГУ, 1948, д. 55, кол. 24. Целые туески хранятся: ГИМ, кол. 43931; АИМГУ, кол. 31.

⁷ Архив МАЭСТГУ, 1948, д. 55, с. 19.

⁸ *Рибо К., Лубо-Лесниченко Е. И.* Оглахты и Лоулань (две группы древних художественных тканей). — В кн.: Страны и народы Востока, 1973, вып. XV, с. 274.

⁹ Там же, с. 273.

¹⁰ *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха, с. 111.

¹¹ *Грязнов М. П.* Таштыкская культура. — В кн.: Комплекс археологических

- памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
- ¹² Архив МАЭСТГУ, д. 55, кол. 24, № 77 (не сохранился).
- ¹³ *Кызласов Л. Р.* Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад? — Наука и жизнь, 1969, № 12, с. 96.
- ¹⁴ По описи А. В. Адрианова; КМ, кол. 24, № 90; мешочки хранятся в пакетах вместе с обломками лицевых масок.
- ¹⁵ *Рибо К., Лубо-Лесниченко Е. И.* Оглахты и Лоулань..., с. 272, 277.
- ¹⁶ *Грязнов М. П.* Таштыкская культура, рис. 61, планка 2, 5, 6; планка 3, 4—7.
- ¹⁷ *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. Л., 1952, с. 115.
- ¹⁸ *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Погребальные памятники. Улан-Удэ, 1976, табл. VIII, 7—10.
- ¹⁹ *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— МИА, 1958, 68, с. 66, 67.
- ²⁰ *Коваленко Т.* Реставрация гипсовых погребальных масок.— Сообщения ГЭ, 1972, вып. XXXV, с. 78.
- ²¹ *Грязнов М. П.* Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 г.).— АСГЭ, 1971, вып. XIII, с. 104.
- ²² *Грязнов М. П.* История древних племен верхвей Оби.— МИА, 1956, 48.

В. А. ГАЛИБИН

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ФАЯНСОВЫХ И СТЕКЛЯННЫХ УКРАШЕНИЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ V В. ДО Н. Э.— I В. Н. Э.

(ПО ДАННЫМ КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА)

В могильниках железного века на территории Южной Сибири и прилегающих районов Северного Казахстана украшения из фаянса, стекла и природных материалов обнаруживаются в больших количествах. При их изучении применяются два метода: 1) типологическое исследование формы и определение материала, из которого они изготовлены, по внешним признакам, без разрушения самого предмета; 2) определение состава материала химическими и физическими методами анализа с разрушением предмета в большей или меньшей степени. Сочетание этих двух методов исследования позволяет извлечь из предмета максимум полезной информации.

Методика типологического исследования украшений разработана детально для античного времени по материалам из памятников Северного Причерноморья Е. М. Алексеевой¹. Подробная классификация украшений из стекла, фаянса и природных материалов сопровождается указанием на хронологический интервал их бытования. Особенно эффективен такой метод в случае, когда исследователь имеет дело с украшениями характерного облика, фигурной формы и орнаментации. В случае же простых форм бус, бисера и пронизок, бытовавших в течение тысячелетий, их типологическое исследование дает мало, тем более что пока еще не создана типологическая система украшений из памятников Сибири.

Исследование состава находок обычно начинается визуальным осмотром. Опытный глаз может выделить из общей массы украшения, сделанные из коралла, кости, агата, горного хрусталя и некоторых других минералов и пород. Если же речь идет о предметах из вещества белого цвета с шероховатой поверхностью, то археологи чаще всего называют такой материал «пастой», хотя это могут быть стеатит, аргиллит, мрамор, известняк, а также фаянс или стекло, которое под действием грунтовых вод и времени разрушается и покрывается слоем патины, большей частью белого цвета.

Конечно, без специального минералогического и химического исследования не всегда можно определить, с каким материалом мы имеем дело, но все же термин «паста» лучше использовать в узко специальном смысле для обозначения стекла, имитирующего цветные камни.

Применение разрушающих методов анализа ограничивается теми случаями, когда отбор пробы на анализ не наносит непоправимого ущерба предмету. Для уникальных образцов древнего искусства эти методы не применяются. Однако для массового материала анализ дубликата вполне допустим и полезен. Когда же речь идет о мелких обломках бус, пронизок, осколков сосудов, то их анализ может дать очень ценную, порой единственную, информацию о предмете. Применение метода количественного спектрального анализа из малой навески (0,01 г) расширяет возможности исследования археологических объектов, нанося им минимальный ущерб.

Количественному спектральному анализу было подвергнуто около 200 образцов украшений из фаянса и стекла — бисера, бус, пронизок и подвесок — из следующих памятников: Колок, Комарково, Медведка, Степновка, Тесь I (Хакасская а.о., Красноярский кр.); Ашпыл, Береш (Красноярский кр.); Дырестуйский и Иволгинский могильники (Бурятская АССР); Быстровка 4, Каменный Мыс, Ордынское I (Новосибирская обл.); Ак-Тау, Графские Развалины, Улубай, Якши-Янгизтау (Северный Казахстан) *.

Осмотр и выборочный анализ украшений показал, что доля предметов из фаянса и стекла увеличивается от более древних памятников к менее древним. Так, в памятниках древнее V в. до н. э. стекло и фаянс вообще не обнаружены, и найденные в них украшения — бусы и пронизки — сделаны из природных материалов, главным образом из стеатита. В материалах из памятников V—III вв. до н. э. много мелкоцилиндрического бисера из фаянса, а также крупных округлых бус и удлиненных пронизок из бирюзового стекла. Полихромные глазчатые бусы очень редки. В памятниках рубежа нашей эры стеклянные бусы, бисер, подвески и пронизки встречаются уже в большом количестве, причем многие из них полихромны, а некоторые сходны с типами, учтенными в своде Е. М. Алексеевой. Есть также и новые типы.

Фаянс — один из самых древних искусственных материалов. Исследователь ремесла Древнего Египта А. Лукас восстановил технологию изготовления египетского фаянса². Обломки кварца или кварцевый песок дробятся до порошкообразного состояния. Порошок пропитывается крепким раствором природной соды. Сформированные из пластичной массы изделия после прокаливании спекаются и приобретают твердость. При такой обработке в фаянсе остается около 2% Na_2O . Такого количества щелочей недостаточно для образования стекла, и этот материал скорее ближе к керамике. Как и керамические сосуды, крупные предметы из фаянса покрывались глазурью. Мелкие же предметы — бисер и бусы — либо не покрывались глазурью, либо ее тонкий слой мог полностью разрушиться³.

Кроме кремния, в фаянсе обнаруживаются небольшие количества кальция, железа, алюминия и натрия (в сумме до 2—3%). Главным красителем является медь (до 3% CuO), которая могла попасть в фаянс от бронзовых предметов уже после захоронения⁴. Анализ фаянсовых бус из памятников Южной Сибири обнаруживает интересную особенность, позволяющую считать ее характерным хронологическим признаком. Так, во всех 11 проанализированных образцах мелкоцилиндрического бисера из памятников сарагашинского этапа тагарской культуры — Медведка I (могила 1, погребение 1; могила 4, погребение 1), Медведка II (могила 1, погребение 1) и Ашпыл (могила 26, погребение 1) — обнаружено 0,09—0,6% CoO . В лаборатории ЛОИА автор проанализировал около 1 тыс. украшений из фаянса из памятников Северного Причерноморья, Поволжья, Кавказа, Средней Азии и Сибири от конца III тысячелетия до

* Автор выражает благодарность археологам, предоставившим материал для анализа из своих коллекций последних лет, — Э. Б. Вадецкой, С. Б. Гультову, С. С. Миняеву, Е. Д. Паульсу, В. И. Седых, А. В. Субботину (ЛОИА), Е. А. Сидорову, Т. Н. Троицкой (Новосибирск), И. Б. Коновалову (Улан-Удэ), Г. Б. Здапновичу (Челябинск).

н. э. до рубежа нашей эры. Кобальт встретился только среди образцов мелкоцилиндрического бисера из скифских могильников конца V—III в. до н. э. (Чернянка, Новотроицкое II, Ольговка, Софиевка, Гюновка, Верхнетарасовка и Буторы) в количестве 0,13—0,55% CoO. Возможно, первоначально кобальт входил в состав глазури, покрывавшей фаянсовый бисер. После разрушения поливы в процессе патинизации кобальт впитался в пористый материал фаянса. Вероятно, возможно и другое объяснение происхождения кобальта в фаянсе, тем более что в нем также содержатся медь (0,2—3,0% CuO) и марганец (до 0,55% MnO), который мог попасть в фаянс вместе с кобальтом (см. ниже).

Присутствие кобальта в фаянсе из могильников одного времени (V—III вв. до н. э.), расположенных на большом расстоянии, говорит об одном источнике «снабжения» фаянсовыми украшениями. Скорее всего центром производства фаянса был бассейн Средиземного моря, откуда он шел в район Северного Причерноморья и далее, вплоть до Восточной Сибири. Дальнейшее исследование состава фаянса разного происхождения позволит выяснить, в какой мере наличие кобальта в фаянсе можно считать надежным хронологическим критерием.

Процесс выработки и изготовление изделий из стекла, по сравнению с фаянсом, требуют значительно более обширных и разнообразных знаний и специфического сырья. Овладение секретами стеклоделия знаменует собой определенный этап в развитии ремесла древнего общества.

В качестве сырья для производства стекла в древности использовали песок, природную соду, растительную золу, поташ, свинец. Выбор тех или иных компонентов шихты определялся традициями стеклоделия в данном географическом районе, которые складывались в зависимости от наличия сырьевых материалов (соды или золы) или от возможности получить их извне и от достигнутого уровня знаний.

Состав стеклянных предметов сообщает нам как о происхождении стекла, так и о времени его изготовления. По мере накопления аналитического материала возможности его использования для получения исторических выводов повышаются.

Классификация аналитической информации невозможна без разработанной системы химических типов стекла, которая позволила бы определить особенности его состава, присущие определенным школам стеклоделия. Эта система должна выделить закономерность среди случайных факторов, которые могут исказить картину (например, ошибки анализа, случайные примеси к сырью и т. д.).

М. А. Безбородов на основании 762 химических анализов древнего стекла предложил свою систему химических типов⁵. Эта система очень проста: отнесение стекла к тому или иному химическому типу определяется по тем элементам, содержание которых в пересчете на окисел по данным анализа превосходит границу 3%. Такой подход снижает ценность этой системы, так как не учитывает соотношения основных стеклообразующих элементов в стекле: натрий—калий и кальций—магний. По этой системе в одну группу попадают стекла совершенно различного происхождения. Кроме того, к элементам, определяющим химический тип стекла, наряду со стеклообразующими — кремнием, алюминием, натрием, калием, кальцием, магнием и свинцом — отнесены и такие, как медь, сурьма, марганец, железо, которые определяют цвет и прозрачность. В результате получается очень большое количество комбинаций элементов, соответствующих разным химическим типам. Эти комбинации очень трудно применить для решения конкретных задач.

В лаборатории спектрального анализа ЛОИА автор выполнил около 7 тыс. количественных анализов археологических объектов из стекла, фаянса, а также глазури, сырья и отходов производства стекла (растительной золы, шлаков, песка и т. д.) более чем из 300 памятников со всей территории СССР от Западной Украины до Дальнего Востока и от Архангельской обл. до южной Туркмении в хронологическом интервале от середины III тысячелетия до н. э. до позднего средневековья. Для

классификации этого аналитического материала, а также опубликованных ранее данных анализа древнего стекла понадобилось усовершенствовать систему химических типов, предложенную Безбородовым. Предлагаются следующие принципы:

1. Определяющими химический тип стекла являются стеклообразующие элементы, которые своим повышенным содержанием оказывают

Таблица 1

Границы химических типов и подтипов щелочных стекол

Химический тип (подтип) стекла	Границы и интервалы	
	концентрации окислов (%)	отношение концентрации окислов (%)
Si	$\leq 3,0$ Al_2O_3	
S:(Al)	3,0—5,0 »	
Si, Al	$> 5,0$ »	
Na	$< 1,5$ K_2O	$> 7,5$ Na_2O/K_2O
Na(K)	1,5—5,0 »	7,5—2,0 »
Na, K	3,5—10 »	2,0—0,5 »
K(Na)	1,5—5,0 Na_2O	2,0—7,5 K_2O/Na_2O
K	$< 1,5$ »	$> 7,5$ »
Ca	$< 1,5$ MgO	$> 7,5$ CaO/MgO
Ca(Mg)	1,5—5,0 »	7,5—2,0 »
Ca, Mg	4,0—10 »	
	10—4,0 CaO	2,0—0,5 »
(Ca)	$< 3,0$ »	

влияние на температуру плавления стекла. Это кремний, алюминий, натрий, калий, кальций, магний, свинец.

2. Система химических типов должна учитывать соотношение главных пар стеклообразующих элементов, которое отражает вид сырья (природную соду, разновидности растительной золы, поташ и т. д.).

3. Элементы, которые влияют только на цвет и степень прозрачности стекла, не определяют химического типа стекла, каково бы ни было их содержание в стекле.

4. Выделяются основные *химические типы* стекла, определяющие главные виды сырьевых материалов (сода, поташ, зола разных видов растений и т. д.), и *геобиохимические подтипы* стекла, соответствующие конкретным особенностям сырьевых материалов (песок, зола одного типа растений и т. д.).

5. Применяется простая система обозначений, отражающая главную и вспомогательную роль тех элементов, которые образуют химические типы и подтипы стекла.

В табл. 1 приводятся критерии подразделения состава стекла на химические типы для щелочных стекол.

Применять систему химических типов можно только используя точные результаты анализа древних стекол. Существует много различных мнений относительно того, какие методы анализа наиболее пригодны для исследования состава древних стекол. Одни исследователи отдают предпочтение методам химического анализа⁶, другие — качественным⁷ и полукваликативным⁸ методам спектрального анализа или комбинации химических и других методов. Длительный опыт работы автора в области спектрального анализа самых разнообразных объектов⁹ показывает, что метод количественного спектрального анализа наиболее пригоден для определения состава древнего стекла. Основные достоинства ~~методики~~ анализа, применяемой в спектральной лаборатории ЛОИА, таковы:

Таблица 2

Химические типы стеклинных украшений из памятников Южной Сибири

Вид щелочного сырья	Соотношение Na/K	Химический тип (геохимический подтип) стекла	V—III вв. до н. э.									
			Медведка	Колок	Тесь I	Стеновка	Ашпыл	Ак-Тау	Графские развалины	Уллубай	Якши-Янгигау	
Природная сода	$Na \gg K$	Si—Na—Ca	5			3						2
		Si—Na—Ca, Mg				2						
		Si—Na—Ca—Pb										
засушливой зоны	$Na > K$	Si—Na(K)—Ca(Mg)	10	1	4	1	9	14	1	1		2
		Si—Na(K)—Ca, Mg	6	2	2							
		Si—Na(K)—Ca	1									
средней полосы	$K \gg Na$	Si—K—(Ca)										
		Si—K(Na)—(Ca)										
		Si—K, Na—Ca										
Бесщелочное	$K \gg Na$	Si—K(Na)—Ca										
		Si—K(Na)—Ca—Pb										
		Si—Pb										
Количество проанализированных проб			22	3	6	6	9	14	1	1	4	

Содержание

Окончание

Вид щелочного сырья	Составление Na/K	Химический тип (геохимический подтип) стекла	II в. до н. э. — I в. н. э.						Всего проб	
			Береш	Комарково	Иволгинский молельник	Цирестунский молельник	Сыстройна	Каменный Мыс		Ордынский I
Природная сода	Na ≫ K	Si—Na—Ca	7	7					24	
		Si—Na—Ca, Mg							2	
		Si—Na—Ca—Pb	1						1	
засушливой зоны	Na > K	Si—Na(K)—Ca(Mg)	22	6	53	2		2	132	
		Si—Na(K)—Ca, Mg	3	5				1	20	
		Si—Na(K)—Ca							1	
средней полосы	K ≫ Na	Si—K—(Ca)	2		5		2		9	
		Si—K(Na)—(Ca)	1						1	
	K ≫ Na	Si—K, Na—Ca			2				2	
		Si—K(Na)—Ca			3				3	
		Si—K(Na)—Ca—Pb			2				2	
Бесщелочное		Si—Pb		1					1	
Количество проанализированных проб			28	20	72	2	2	3	5	198

Зона растения

1. Широкий круг анализируемых элементов одновременно из одной навески — алюминий, натрий, калий, кальций, магний, железо, марганец, фосфор, титан, бор, барий, свинец, медь, сурьма, серебро, золото, висмут, никель, хром, мышьяк, кобальт, т. е. практически все элементы, встречающиеся в стекле, кроме кремния, содержание которого можно вычислить по разности.

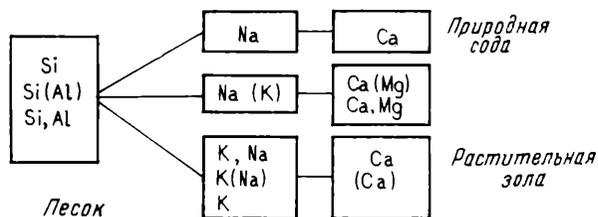
2. Очень малая навеска пробы (0,01 г) позволяет анализировать даже самые мелкие окрашенные зоны полихромных бус, поливы или рисунка на сосудах. В большинстве случаев анализируемый объект остается практически неповрежденным.

3. Высокая производительность анализа позволяет анализировать большие партии образцов.

4. Применение метода трех эталонов со съемкой эталонов на одну фотопластинку с пробами и построение аналитических графиков для каждой фотопластинки позволяют добиться достаточной точности анализа (относительная ошибка 10—20%, независимо от концентрации в интервале от чувствительности анализа до максимального содержания элемента в стекле).

5. Использование полного дожига пробы в дуге при силе тока 18—20 А позволяет добиться независимости результатов анализа от валового состава пробы.

В табл. 2 приведено распределение проанализированных образцов стекла по химическим типам, соответствующим различным видам щелочного сырья. Всю систему химических типов, отраженную в табл. 2, можно объединить одной схематической формулой (рис.).

В этой формуле в рамках объединены различные соотношения пар стеклообразующих элементов щелочного стекла (кремний — алюминий, натрий — калий, кальций — магний), соответствующие разновидностям геохимических подтипов.

Первый химический тип, Si—Na—Ca, соответствует стеклу, сваренному по так называемому античному рецепту. Стекло этого типа изготавливалось на природной соде в мастерских Египта, Греции, на островах Эгейского моря и, возможно, в античных городах Северного Причерноморья. Эта школа стеклоделия характеризуется использованием сурьмы в качестве осветителя бесцветного стекла и в качестве красителя молочно-белого и желтого цвета (в сочетании со свинцом). В синих стеклах этого типа вместе с красителем кобальтом присутствует марганец — спутник кобальта в некоторых минералах (например, в кобальтовой черни).

Самым распространенным химическим типом (свыше 75% образцов) является тип стекла с преобладанием натрия над калием, приготовленный с использованием золы растений засушливых районов. Стекло такого типа встречается во всех памятниках Древнего Востока и прилегающих районов начиная с III тысячелетия до н. э. до средних веков. Вероятные источники украшений из стекла этого типа — Средняя Азия и Ближний Восток. Для восточной школы стеклоделия характерно использование олова в качестве красителя молочно-белого и желтого стекла (вместе со свинцом) и марганца в качестве обесцвечивателя стекла и красителя винно-красного цвета. В синих стеклах в качестве красителя используется кобальт из персидских месторождений¹⁰. Его особенностью

является отсутствие марганца, который в кобальтовых рудах из этого источника не встречается.

Следующий химический тип стекла, сваренного на растительной золе, с преобладанием калия над натрием и с необычно малым содержанием кальция (всего 1,5–3% CaO), исключительно редок, что делает его хронологическим признаком, характерным для памятников рубежа нашей эры Южной Сибири. Интересно, что все образцы фиолетового бисера (краситель — марганец) изготовлены только из стекла этого типа. Индивидуальные особенности состава (присутствие во всех образцах микроэлемента молибдена) говорят о том, что все изделия изготовлены из сырья специфического состава и, вполне вероятно, в одной мастерской.

Щелочное стекло последнего типа — с большим содержанием калия и кальция — соответствует рецепту, распространенному в средние века в Западной Европе, основанному на использовании золы древесины средней полосы (например, бука). Все эти образцы взяты из одного погребения Иволгинского могильника (могила 8), которое относится ко времени поздних кочевников.

Наконец, обнаружена единственная бусина свинцового бесщелочного стекла (Комарково). Этот тип выделен нами в скифских памятниках Северного Причерноморья и позднее появляется только в древней Руси в конце X в. н. э.

¹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья, вып. 1–3.— САИ, 1975–1982, вып. Г1–12.

² Лукас А. Материалы и ремесленное производство Древнего Египта. М., 1958, с. 257–260.

³ Stone J. F. S., Tomas L. C. The use and distribution of Faience in Ancien East and Prehistoric Europa.— PPS, 1956, t. 22, p. 37–84.

⁴ Галибин В. А. Спектральный анализ находок из Сумбарских могильников.— В кн.: Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983, с. 224–226.

⁵ Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.

⁶ Безбородов М. А. Химическое и спектроскопическое изучение древних и

средневековых стекол.— В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963, с. 100–114.

⁷ Шапова Ю. Л. О применении качественного спектрального анализа при изучении стеклоделия древней Руси.— СА, 1960, № 1, с. 91–101.

⁸ Наумов Д. В. Опыт количественного спектрального анализа древнего стекла.— СА, 1962, № 4, с. 115–120.

⁹ Галибин В. А. Количественный спектральный анализ микроэлементов в породах и минералах и отношений элементов в минералах переменного состава. Автореф. дис. ... канд. хим. наук. Л., 1974.

¹⁰ Сайко Э. В. Рентгеновские лучи в археологии.— В кн.: Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979, с. 66–75.

С. С. МИНЯЕВ

К ТОПОГРАФИИ КУРГАННЫХ ПАМЯТНИКОВ СЮННУ

Курганные погребения¹ — наиболее массовый вид археологических памятников сюнну. К настоящему времени из нескольких тысяч курганов на территории Монголии и Забайкалья их раскопано немногим более 200, почти все они ограблены. Чтобы извлечь максимально полную информацию, свойственную погребальному обряду как археологическому источнику², необходимы полевые исследования, спланированные с учетом особенностей сюннских погребальных памятников, в первую очередь их топографии.

Некоторые черты внешней топографии курганных могильников сюнну уже отмечались в литературе³. Как правило, такие могильники расположены в горных распадках, вдалеке от крупных рек. Внутренняя же топография, т. е. размещение погребений на площади могильного поля,

не рассматривалась, так как принято считать, что сюннуские курганы расположены бессистемно. Такое представление приводит к выборочным раскопкам⁴, что значительно снижает ценность полученного материала.

Особенности расположения сюннуских курганов проявляются при сравнении наиболее крупных из известных сейчас могильных полей сюнну в горах Ноин-Ула (к северу от Улан-Батора) и Баин-Цзурхэ (к северу от Кяхты), насчитывающих более 300 курганов каждое. Оба поля размещаются на водоразделах Селенги и ее притоков, в распадках горных массивов, господствующих над окружающей местностью. На площади могильных полей зафиксировано несколько могильников, находящихся неподалеку друг от друга, но отделенных невысокими горными хребтами. В Ноин-Уле — Судзуктэ, Гуджиртэ и Цзурумтэ, в 3 км друг от друга; в Баин-Цзурхэ — в падах Ильмовая, Черемуховая и Суджи, в 1,5—2 км друг от друга⁵.

Расположение курганов на площади перечисленных могильников дает возможность наметить ряд закономерностей. Рассмотрим вначале внутреннюю топографию наиболее крупных из них — в падах Ильмовая (Баин-Цзурхэ) и Судзуктэ (Ноин-Ула). Оба могильника находятся в горных распадках, по дну которых протекали небольшие, ныне пересохшие речки. Судзуктэ насчитывает около 100 курганов, Ильмовая падь — свыше 200⁶. Как в одной, так и в другой пади могильники занимают обширные северные склоны, которые разделены руслами сухих ручьев на три участка. Курганы расположены примерно поровну на восточном, центральном и западном участках. Это обстоятельство, видимо, не случайно: особенности рельефа использованы, возможно, для того, чтобы подчеркнуть обособленность погребений каждого участка. В пользу такого предположения говорит совпадение этой топографической детали в обоих рассматриваемых могильниках (рис. 1).

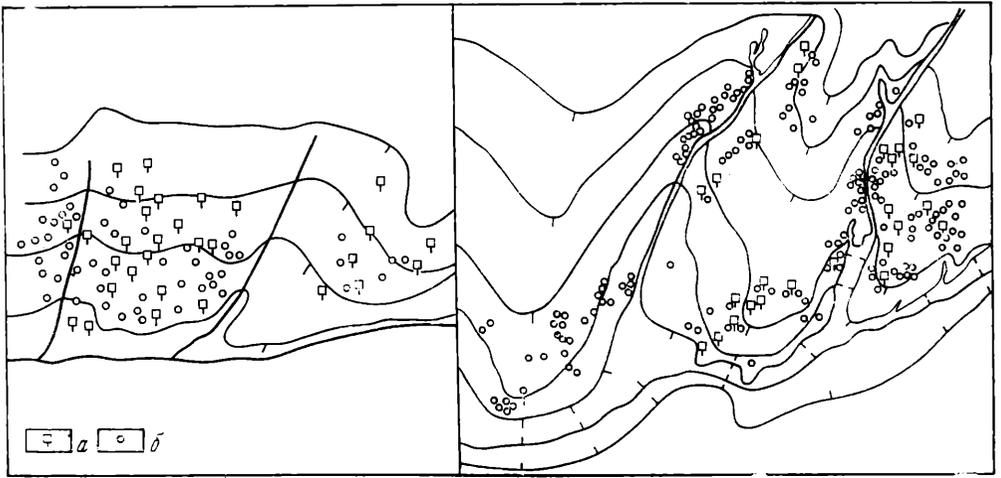
На площади каждого участка как в Ильмовой пади, так и в Судзуктэ находится ряд более мелких курганных групп, отделенных друг от друга на сравнительно ровной поверхности склонов значительным расстоянием, иногда в несколько сот метров (рис. 1).

Другие могильники в Баин-Цзурхэ и Ноин-Уле по внутренней топографии аналогичны наиболее крупным — они также разделяются на обособленные группы. В пади Суджи их отмечено пять групп, около 10 курганов в каждой⁷; в Черемуховой пади курганы расположены более компактно, однако и здесь можно наметить ряд групп, в частности, четко обособленную восточную (рис. 2). Ноинулинский могильник Гуджиртэ, как и Судзуктэ, разделен на три участка, на каждом из которых находится несколько курганных групп⁸.

В Ильмовой пади на восточном и центральном участках группы состоят, как правило, из большого и расположенных рядом с ним меньших курганов⁹. На западном участке могильника зафиксированы пока только малые курганы, также стоящие группами на расстоянии нескольких десятков или даже сот метров друг от друга. Отсутствие здесь групп с большими курганами еще раз подчеркивает, вероятно, преднамеренную обособленность участков Ильмовой пади. В Судзуктэ большие курганы тоже сосредоточены на центральном и восточном участках, тогда как на западном зафиксирован лишь один большой курган (рис. 1).

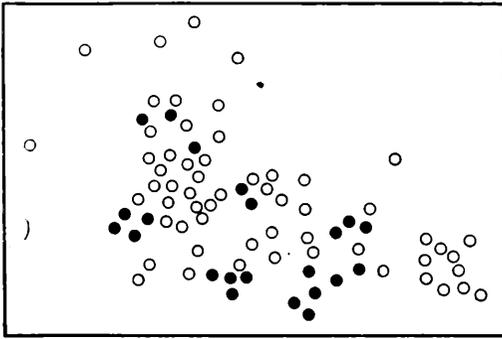
В пади Суджи, как и на западном участке Ильмовой пади, больших курганов нет, группы состоят здесь из «рядовых» погребений сюнну, отмеченных на поверхности каменной кладкой округлой формы. Подробное описание могильников Гуджиртэ и Цзурумтэ отсутствует, поэтому дать характеристику находящихся здесь курганов трудно.

Более мелкие курганные могильники сюнну, насчитывающие 20—30 погребений, расположены также в небольших распадках, которые открываются устьем к долине реки и по абсолютным отметкам находятся значительно ниже, чем крупные могильные поля. Однако по внутренней топографии такие могильники как бы копируют отдельные участки более крупных памятников. Так, например, могильники в падах Царам и Ур-

Рис. 1. Планы могильников

Слева — в Судзуктэ (по И. Эрдели, 1962, рис. 3);
справа — в Ильмовой пади (по съемке В. П. Шилова)
а — курганы с дромосом и кладкой квадратной формы;
б — курганы с округлой каменной кладкой

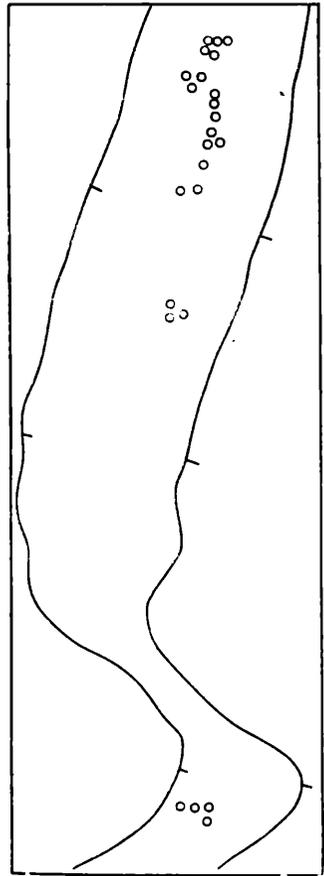

Рис. 2. План могильника в Черемуховой пади (по съемке П. Н. Рябова)

Залيفкой отмечены раскопанные курганы

Рис. 3. Схематический план погребений, раскопанных Ю. Д. Талько-Гринцевичем в Дырестуйском култуке

Восстановлен автором по описанию Талько-Гринцевича

гун-Худуй занимают небольшие распадки, открытые в долину Селенги, соответственно в 6 и 2 км от реки. Оба насчитывают около 20 погребений, среди которых выделяется несколько больших курганов. В пади Царам такие курганы расположены на расстоянии друг от друга и окружены меньшими¹⁰.

Небольшие могильники, где представлены только «рядовые» погребения с округлой каменной кладкой (Бурдун, Эдуй, Липовское), также разделяются на несколько групп, обособленных расстоянием. Аналогичным образом расположены погребения и в Дырестуйском култуке, где в излучине Джиды находится по существу три отдельных могильника, расстояние между которыми 1,5–2 км¹¹. Погребения каждого могильника, отмеченные на поверхности редкой каменной кладкой, разделяются на несколько групп и расположены всего лишь в нескольких метрах от

воды (рис. 3), занимая самое низкое (по отметкам абсолютных высот) положение по отношению к остальным могильникам.

Таким образом, вопреки существующим представлениям, во внутренней топографии сюннских курганных могильников можно наметить определенную систему, выраженную в расположении курганов обособленными группами и последовательном объединении этих групп в более крупные памятники. Одна группа (7—10 погребений) может составить отдельный могильник. Несколько групп, отделенных расстоянием, образуют как небольшие памятники (20—30 погребений), так и могильники средней величины (60—70 погребений). Крупные могильники состоят как бы из нескольких средних, разделенных рельефом или расстоянием. Наиболее четко намеченная система прослеживается на примере могильных полей сюнну, которые последовательно делятся на могильники, участки могильников и курганные группы¹².

Отдельно стоящие курганы, зафиксированные практически в каждом могильнике, были, возможно, основой незавершенных курганных групп.

Вероятно, намеченная система была связана с требованиями погребальной практики сюнну. Не исключено, что эти требования опосредованно отражали сложную внутреннюю структуру сюннского общества, фрагментарные сведения о которой имеются в письменных источниках¹³. Подробно обосновать это предположение пока трудно. На основе имеющегося материала можно лишь дать краткую характеристику составляющих группы погребений и высказать ряд предположений.

Суммарные данные по всем могильникам позволяют выделить два варианта курганных групп: 1) с большим курганом и окружающими его меньшими; 2) из однотипных небольших курганов. В группах первого варианта наблюдаются различия не только в размерах, но и в устройстве внутримогильного и надмогильного сооружений, а также в инвентаре погребений. Надмогильные сооружения больших курганов представлены квадратной каменной кладкой высотой 0,8—1 м, с юга к ней примыкает трапециевидный шлейф, отмечающий на поверхности дромос, который ведет в глубокую (до 14—16 м) яму, перегороженную на всю глубину несколькими продольными и одной поперечной перегородками из камня. Средние размеры кладки 20×20 м при средней длине дромоса 15 м. Внутримогильное сооружение — камера из бревен в семь-восемь венцов (иногда ее заменял накатик в несколько рядов бревен), где находится сруб в два-три венца, а в срубе — гроб из досок. Расположенные рядом меньшие курганы отмечены на поверхности каменной кладкой округлой формы диаметром 8—10 м и высотой 0,4—0,5 м. Средняя глубина ямы 3—4 м. Внутримогильное сооружение — сруб в два-три венца, в котором находится гроб. В некоторых курганах, имеющих небольшую (5—6 м) округлую кладку, внутримогильное сооружение состоит из одного гроба, помещенного в неглубокую (1,5—1,4 м) яму.

При существенной разнице в устройстве внутри- и надмогильных сооружений рассматриваемые типы курганов во всех могильниках объединяют одинаковая поза погребенных и ориентировка: вытянуто на спине; северный сектор (90% случаев).

Несмотря на ограбленность почти всех погребений, можно установить, что инвентарь больших курганов, наиболее сложных по конструкции, значительно богаче и разнообразнее: часто встречаются изделия из драгоценных металлов и различные импортные предметы. Особо отметим в инвентаре больших курганов символы власти: печати, бронзовые жезлы, флаги и вымпелы, а также детали колесниц.

Курганы с квадратной кладкой, дромосом и тройной погребальной камерой сооружались для высшей сюннской знати — шаньюев и их приближенных. Об этом свидетельствует ряд фактов, детально разобранных в литературе¹⁴. Можно предположить, что менее сложные по конструкции погребения со сравнительно бедным инвентарем сооружались для групп населения, стоявших на более низких ступенях социальной лестницы. В таком случае в планировке курганных групп с большим курга-

ном в центре и окружающими его меньшими «рядовыми» погребениями опосредованно отражены основные социальные градации сюннуского общества. Такую систему расположения курганов условно можно назвать «социальной топографией».

Ряд деталей, выявленных при раскопках курганной группы в Ильмовой пади, позволяет предположить, что большой и малые курганы располагались в определенном порядке. В центре группы — характерный большой курган (54) с квадратной каменной кладкой, дромосом и могильной ямой, перекрытой на глубине 7 м накатником из продольных и поперечных бревен; на дне ямы — обложенный камнем сруб, а внутри него — гроб. Погребение ограблено, однако, судя по отдельным находкам (бронзовый жезл, розетки для обивки гроба, ленты золотой фольги, ткани нескольких видов)¹⁵, инвентарь кургана 54 был богатым и разнообразным, соответствующим инвентарю курганов такого типа.

У юго-западного и юго-восточного углов этого кургана, справа и слева от дромоса, находились два погребения, простых по конструкции и бедных по инвентарю. Погребение 54а (у юго-западного угла) отмечено на поверхности каменной кладкой округлой формы диаметром 6 м. В яме глубиной 1,4 м — гроб из досок, в нем — погребенный молодого возраста. У юго-восточного угла большого кургана (справа от дромоса) находилось погребение 54б, практически не отмеченное на поверхности. В яме глубиной 1,5 м, наполовину заложеной камнями, стоял гроб, в котором находилось неграбленное погребение подростка. На его ногах были путы из железной цепочки¹⁶. Это обстоятельство, а также возраст погребенного позволяют предположить, что он умер насильственной смертью.

Расположение простых по конструкции и бедных по инвентарю погребений по углам большого кургана, справа и слева от дромоса, повторяется, видимо, и в других группах. Так, у юго-западного угла большого кургана 55 (аналогичного кургану 54), слева от дромоса, вскрыто погребение 55а, отмеченное на поверхности каменной кладкой диаметром 6 м; в яме глубиной 1,5 м находился деревянный гроб¹⁷. Это погребение однотипно с погребением 54а.

Приведенные наблюдения показывают, что при размещении погребений на площади курганной группы соблюдались, вероятно, определенные планировочные принципы, которые пока не могут быть охарактеризованы подробно из-за недостатка материала — ни одна из курганных групп не раскопана полностью. Рядом с большим курганом могли находиться и другие погребения, связанные с ним в одну систему. Недавние раскопки в Ноин-Уле показали, что на площади курганной группы в межкурганном пространстве располагались жертвенные или поминальные комплексы. В пади Судзуктэ вокруг одного из больших курганов обнаружены неглубокие ямы, обставленные камнями; в ямах — кости лошади или детали сбруи, иногда сосуды¹⁸.

Группы второго варианта, где нет больших курганов, образуют могильники, погребения которых отмечены на поверхности однотипными каменными кладками округлой формы. Внутримогильные сооружения в этих погребениях представлены либо двойной камерой (гроб в срубе — Черемуховая падь, Суджи), либо гробом (Дырестуй). Погребения в гробах значительно беднее по инвентарю, чем погребения в двойной камере: нет импортных зеркал и лакированной посуды, оружия и доспехов из железа, предметов из драгоценных камней. Могильники, состоящие из таких групп, находятся по отметкам абсолютных высот гораздо ниже, чем другие курганные памятники сюнну. Возможно, такие различия в инвентаре и внешней топографии опосредованно отражают сложную внутреннюю структуру сюннуского общества. Более подробно группы с «рядовыми» погребениями пока не могут быть охарактеризованы: ни одна из них не раскопана полностью. Отметим интересные, хотя и фрагментарные (из-за ограбленности могил), половозрастные определения погребенных в Черемуховой пади¹⁹, где произвольно раскопана примерно четвертая часть погребений²⁰. В курганах, составляющих, возможно, одну группу (48—

51 и 59), погребены мужчина и женщина (оба — *Maturus*), юноша, ребенок пяти-шести лет и престарелая женщина. В курганах 61 и 62, расположенных рядом друг с другом, но относящихся, безусловно, к другой предполагаемой группе, зафиксированы останки мужчины (*Maturus*), а также девушки и молодой женщины. Последние, по определению Н. Н. Мамоновой, родные сестры, были погребены в гробу, разделенном продольной перегородкой²¹. Приведенные половозрастные определения позволяют предположить, что в курганных группах из «рядовых» могил могли быть похоронены мужчины и женщины разного возраста, представляющие различные поколения, в ряде случаев это могли быть близкие родственники.

Намеченная в статье система расположения курганов в сюннских могильниках должна пройти проверку новыми материалами. Следует уделить особое внимание внутренней топографии, изучать погребения не выборочно, а курганные группы — полностью. Курганные группы необходимо вскрывать сплошной площадью, чтобы выявить объекты, входящие в систему групп, но практически не отмеченные на поверхности. В существовании таких объектов убеждает погребение 546 в Ильмовой пади, которое в комплексе с погребением 54а указывает на обычай захоронения лиц молодого возраста у входа в погребальную камеру больших курганов²². Почти не фиксировались на поверхности и жертвенники с останками коней и деталями конской сбруи (символические погребения коней?) в Ноин-Уле. Между тем, эти детали значительно дополняют наши представления о погребальных обычаях сюнну и позволяют наметить связь этих обычаев с погребальным обрядом скотоводческих племен, обитавших в степном поясе Евразии в скифское время.

Полное изучение нескольких курганных групп в разных по величине и внутренней топографии могильниках позволит существенно расширить наши знания о погребальной практике сюнну²³ и сюннском обществе в целом.

¹ В статье используется традиционный термин «курган», хотя сюннские погребения отмечены на поверхности лишь невысокой каменной кладкой и не имеют насыпи, характерной для курганов.

² *Алекшин В. А.* Погребальный обряд как археологический источник.— КСИА, 1971, 167, с. 3—9.

³ *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами.— В кн.: Тр. ТКОПОРГО, 1905. СПб., 1906, т. VIII, вып. 1, с. 37; *Сосновский Г. П.* Дэрестуйский могильник.— ПИДО, 1935, № 1/2, с. 173.

⁴ *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Погребальные памятники. Улан-Удэ, 1976, с. 27, 82.

⁵ *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади.— В кн.: Тр. ТКОПОРГО, 1898. М., 1899, т. I, вып. 2, с. 2; *Он же.* Материалы по палеоэтнологии Забайкалья, III.— Там же. М., 1900, т. I, вып. 3, с. 32—44, табл. XII; Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии. Л., 1925.

⁶ *Козлов П. К.* Северная Монголия. Ноин-улинские памятники.— В кн.: Краткие отчеты..., с. 1; *Сосновский Г. П.* Раскопки Ильмовой пади.— СА, 1946, VIII, с. 51.

⁷ *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Материалы по палеоэтнологии Забайкалья, III, с. 60.

⁸ *Эрдели И.* Раскопки в Ноин-Уле.— ААН, 1962, т. 14, р. 231.

⁹ *Сосновский Г. П.* Раскопки Ильмовой пади, с. 51, 52.

¹⁰ *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Материалы по палеоэтнологии Забайкалья, VII.— В кн.: Тр. ТКОПОРГО, 1903. СПб., 1904, т. VI, вып. 2, с. 8—12.

¹¹ *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Материалы по палеоэтнологии Забайкалья, VI.— В кн.: Тр. ТКОПОРГО, 1901. М., 1902, т. IV, вып. 2, с. 26.

¹² Известные сейчас могильные поля состоят из трех могильников, а самые крупные из этих могильников делятся на три участка. Деление на три части, возможно, характерно для сюннских могильников (выше упоминалась трехчастная структура Гуджиртэ и Дырестуя).

¹³ *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну. М., 1973, вып. 2, с. 12.

¹⁴ *Бернштам А. Н.* Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение.— В кн.: Изв. АН СССР, сер. ООИ, 1937, № 4, с. 947; *Он же.* Очерк истории гуннов. Л., 1951, с. 32—41.

¹⁵ *Коновалов П. Б.* Раскопки кургана в Ильмовой пади.— АО 1975 г. М., 1976, с. 247, 248.

¹⁶ *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье..., с. 63—70.

¹⁷ Там же, с. 70.

¹⁸ *Доржсүрэн Ц.* Раскопки могил хунну в Ноин-Уле на р. Хуни-Гол.— В кн.:

- Монгольский археологич. сб. М., 1962, с. 40.
- ¹⁹ Мамонова Н. Н. К антропологии гуннов Забайкалья.— В кн.: Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974, с. 111—123.
- ²⁰ Мамонова Н. Н., Тугутов Р. Ф. Раскопки гуннского могильника в Черемуховой пади.— В кн.: Археологич. сб. БКНИИ. Улан-Удэ, 1959, с. 74; Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье..., с. 80—130. На плане П. Н. Рябова, опубликованном Коноваловым, отмечено 22 раскопанных погребения, тогда как в тексте книги говорится лишь о 20. Ср.: Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье..., с. 50, с. 82.
- ²¹ Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье..., рис. 99.
- ²² Письменные источники сообщают о погребении со знатными лицами «любимых слуг» (*Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну. М., 1968, вып. 1, с. 40), что не обнаружено при исследовании курганов сюннуской знати. Это противоречие объясняется, возможно, тем, что таких «слуг» хоронили не в одной яме со знатным лицом, а в расположенных рядом небольших могилах, как это зафиксировано в Ильмовой пади.
- ²³ Так, не исключено, что крупные могильные поля типа Ноин-Улы или Байн-Цаурхэ являются кладбищами группировок сюннуской знати. Такие группировки обозначены в источниках термином «син» (фамилия): Лапъ (Ляунди), Хуань, Сюйбу и др. (*Таскин В. С.* Материалы..., вып. 1, с. 40). Если это предположение справедливо, то сравнительный анализ археологических материалов поможет, вероятно, точнее определить характер таких группировок.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

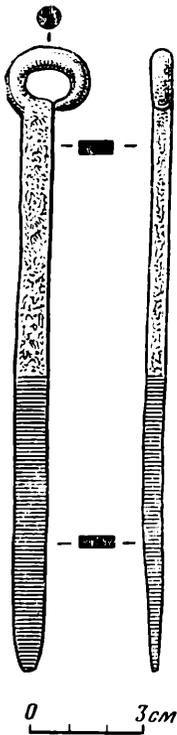
ГУННСКИЙ НАПИЛЬНИК

Труды советских археологов коренным образом изменили представления о центральноазиатских гуннах. Анализ полученных раскопками материалов приводит к выводу о существовании развитого централизованного государства гуннов, экономической основой которого было комплексное хозяйство, сочетавшее кочевое и пастушеское скотоводство, пашенное земледелие, разнообразные ремесла и торговлю¹. Гунны создали сеть крупных ремесленно-земледельческих поселений (Иволгинское городище, Дурёны), сами начали разработку железных и иных месторождений (например, в урочище Кара-Суг в Туве) и выплавку черного металла (шлаки, крицы и сыродутный горн Иволгинского городища и Дурён), организовали производство бронзовых изделий.

Ныне в музейных собраниях хорошо представлены разнообразные и многочисленные орудия земледельческого труда и некоторых ремесел гуннов (в основном происходящие из подъемных материалов и раскопок А. В. Давыдовой: сошники, серпы, мотыги, топоры-кельты, ножи, шилья и т. д.). Подверглись типологическому и спектральному анализу изделия бронзолитейного производства (работы С. С. Миняева). Однако орудия металлообработки все еще остаются малоизвестными. Их роль в правильном понимании уровня ремесленного производства, а значит, и социально-экономического уровня развития общества, трудно переоценить. Считаю необходимым опубликовать первый такой инструмент гуннских мастеров, ставший известным науке. Он обнаружен мной при изучении фондов Кяхтинского краеведческого музея в 1983 г.

В коллекции случайных находок, собранных в 1925 г. на песчаных выдувах у д. Дурёны П. С. Михно, под инвентарным № 3012/117 (3439/117) хранится цельножелезный напильник (рис.). Он выкован из полосы прямоугольного сечения и имеет длину 16,6 см. Рукоять (длина 8,7 см) плавно переходит в рабочую часть (длина 7,9 см), она лишь немного уже последней. Толщина инструмента всюду одинакова (4 мм). Все четыре стороны напильника имеют параллельную однорядную насечку, нанесенную на широких плоскостях довольно редко — с частотой одной-двух борозд на 1 мм (у заметно суживающегося конца борозды нанесены гуще), а на узких — чаще, две-три линии на 1 мм.

Рис. Гуннский напильник II—I вв. до н. э.

Отнесение этого инструмента к материальной культуре гуннов проистекает не только из факта находки его на месте крупнейшего их поселения у современной д. Дурёны на Чикое, но и из характерной детали оформления рукояти напильника — кольцевидного завершения. Оно представляет собой изогнутый овальным сомкнутым крючком конец того же железного прута, из которого изготовлено все орудие (ковкой ему придано здесь округлое сечение). Такое завершение типично для многих железных орудий раннего дырестуйского этапа археологической культуры гуннов II—I вв. до н. э. (Иволгинские городище и могильник, могильник в Ильмовой пади и др.). Наиболее часто встречается у шильев². В литературе неоднократно указывались в качестве датирующих аналогий этим гуннским материалам железные ножи из курганов тагарско-таштыкского переходного периода (II — середина I в. до н. э.)³. Такие ножи были в употреблении и у носителей раннего этапа шурмакской культуры Тувы (II—I вв. до н. э.)⁴. Среди случайных находок в Хакасско-Минусинской котловине известны и подобно оформленные шилья⁵.

Приведенные аналогии позволяют уверенно датировать публикуемый гуннский напильник II—I вв. до н. э.

Обнаружение среди разнообразных гуннских инструментов напильника подтверждает азиатскими материалами важный историко-культурный вывод, до сих пор обоснованный только вещественными источниками Южной и Западной Европы I тысячелетия до н. э. «Появление в это время напильников позволяет утверждать, что горячая обработка железа дополнялась почти с самого начала холодной обработкой. Древнейшие напильники, греческие, римские, галльские, употреблялись совершенно так же, как современные, и имели подобную насечку (разница в том, что насечка была однорядная, а не перекрестная)»⁶. Все работы, посвященные металлообработке Древней Греции, Рима и связанных с античным миром районов, отмечают использование однорядной насечки (горизонтальной — как в нашем случае, или косой)⁷. Типологически гуннский напильник Кяхтинского музея очень близок западным и отличается от одновременных ему европейских только более мелкими общими размерами и более тонкой и густой насечкой. Вероятно, сравниваемые инструменты использовались при разных ремесленных работах: западные — при подсобных кузнечных и отделившихся от них слесарных⁸, а забайкальский — при более тонких и тщательных, возможно ювелирных, операциях.

Среди случайных находок, собранных на среднем Енисее, мной выделена серия таштыкских ювелирных инструментов (I в. до н. э. — V в. н. э.), совмещающих в себе молотки и напильники⁹. Их сближают с гуннским экземпляром не крупные размеры (от 14,6 до 17,7 см), насеченность всех четырех граней рабочей полосы тонкими бороздками. Подобное сходство позволяет определять и гуннский напильник как ювелирный инструмент. Как и таштыкские напильники, забайкальский экземпляр, вероятно, носили подвешенным на поясе (для этого служило кольцевидное завершение его рукояти). Важное типологическое единство сопоставляемых материалов — плавность перехода от квадратных железных рукоятей к чуть более широким напильникам, узость их рабочей части — вероятно, является хронологическим и историко-культурным показателем металлообрабатывающих инструментов Южной Сибири и

Центральной Азии гунно-сарматского времени. Дело в том, что у заведомо более поздних металлообрабатывающих инструментов этого района, развивающих местную традицию и преемственно связанных с изучаемыми ранними формами, переход железной рукояти в напильник всегда хорошо выражен: рабочее полотно заметно шире ручки, отделено от нее ясно выступающими плечиками¹⁰.

Нельзя не отметить и ряд существенных особенностей, отличающих известные древнехакасские и гуннский напильники. Прежде всего, таштыкские инструменты более совершенны: во-первых, они представляют собой сложные орудия, совмещающие в себе два основных инструмента ювелира — и молоточки, и напильники; во-вторых, их рабочие поверхности покрыты не только более мелкой (три-четыре бороздки на 1 мм), но и перекрещивающейся насечкой, позволяющей с наименьшими затратами производить более тонкую обработку поверхностей. Эти наблюдения привели к постановке вопроса об отделении в ту эпоху ювелирного ремесла в древнехакасском обществе и о связи перекрестной насечки первоначально не со слесарными¹¹, а с ювелирными работами, а также позволили значительно «удревнить» процесс появления этого важного в развитии металлообрабатывающего инструмента нововведения¹².

Вполне вероятно, что в гуннском ремесле существовали и напильники, имевшие неоднородную насечку, так же как в таштыкском — несомбинированные с молоточками напильники обычного вида с параллельным расположением борозд. Только получив представительные серии различного инструмента, можно будет ответить на этот вопрос¹³. С нашей точки зрения, при учете выраженных самостоятельных традиций металлообработки, издревле развивавшихся как в Южной Сибири, так и в Центральной Азии и хорошо выявляемых на примере бронзолитейного производства¹⁴, можно уже сейчас предполагать и существование местных традиций в изготовлении характерного ремесленного инструмента. Отметим, что, кроме указанных черт, при сравнении таштыкских и гуннского напильников забайкальский экземпляр обособляется тем, что длина его рабочего полотна равна половине общих размеров инструмента, в то время как у древнехакасских это соотношение составляет $\frac{2}{3}$.

В настоящее время нет других возможностей для сравнительного анализа публикуемого напильника центральноазиатских гуннов. Металлообрабатывающие инструменты подобного рода, относящиеся к гунно-сарматской эпохе, до сих пор известны только из долины среднего Енисея и далекого Средиземноморья с культурно связанными с ним районами Европы.

Основное значение публикуемого гуннского напильника состоит в том, что этот экземпляр демонстрирует высокий уровень металлообрабатывающего и инструментального ремесла центральноазиатских гуннов, вполне сопоставимого с одновременным производством других районов тогдашнего цивилизованного мира. Население Центральной Азии и Южной Сибири в ту эпоху создало самобытную и высокую культуру, опирающуюся на лучшие достижения своих предков.

¹ *Кызласов Л. Р.* О памятниках ранних гуннов. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 120—122; *Давыдова А. В.* Иволгинское городище. К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье. — СА, 1956, XXV, с. 273, 274, 287, рис. 7; *Она же.* К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну. — КСИА, 1978, 154, с. 57—59; *Миняев С. С.* Бронзовые изделия хунну. Типология, производство, распространение. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982, с. 9—17.

² *Davydova A. V.* The Ivolga gorodishche. — ААН, 1968, t. 20, fig. 16, 12—19; *Давыдова А. В.* К вопросу о хуннских

художественных бронзах. — СА, 1974, № 1, рис. 8, 32; *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Погребальные памятники. Улан-Удэ, 1976, с. 201, табл. XVI, 12.

³ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 279, 480, табл. XXIII, 26; XLV, 11. Ср. случайные находки (*Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979, с. 21, табл. 1, 1—3).

⁴ *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979, с. 110, 111, табл. III, 27; рис. 72, 1.

⁵ Например, ГЭ, собрание А. В. Адрианова, инв. № 1126/483; Музей антрополо-

- гии и этнографии, инв. № 252/144.
- ⁶ Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954, с. 107.
- ⁷ Шмидт Р. В. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции.— ИГАИМК, 1935, т. 108; Максимова М. И. Металлообработка.— В кн.: Эллинистическая техника. М.; Л., 1948, с. 196, 205; Блаватский В. Д. Античная археология. М., 1961, с. 46; Финогенова С. И. Металлообрабатывающее производство в античном мире.— ВМУ, сер. История, 1968, № 4, с. 60 сл.; Pleiner R. Základy slovanského železarského hutnictví v českých zemích. Praha, 1958, ris. 18, 4.
- ⁸ Арциховский А. В. Введение в археологию. М., 1947, с. 117.
- ⁹ Кызласов И. Л. Орудия таштыкских ювелиров. К истории ремесленного производства в Южной Сибири.— СА, 1985, № 1.
- ¹⁰ Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XVII, 11; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965, рис. 13, 7.
- ¹¹ Кореневский Э. Из истории инструмента.— В кн.: История техники. Л., 1934, вып. II, с. 211—214; Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 214, 215; Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, 1953, 32, с. 69.
- ¹² Кызласов И. Л. Орудия таштыкских ювелиров...
- ¹³ В собрании гуннских древностей публикуемый напильник, возможно, не одинок. Если часть уцелевших железных ручек с кольчатым завершением и прямоугольным поперечным сечением происходит от ножей (Давыдова А. В. Иволгинское городище..., рис. 18, 2, 3; Она же. Раскопки Иволгинского городища в 1955 г.— В кн.: Зап. Бурят-Монгольского НИИ культуры. Улан-Удэ, 1956, т. XXII, рис. VI, 9), то некоторые опубликованные изделия могут оказаться и не распознанными из-за плохой сохранности напильниками (Давыдова А. В. The Ivolga gorodishche, fig. 16, 18).
- ¹⁴ Миняев С. С. Бронзовые изделия хунну...

В. П. НИКОНОВ

РАЗВИТИЕ КОНСКОГО ЗАЩИТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

Огромную роль в истории военного искусства древнего мира сыграло появление панциря. Ф. Энгельс поставил это событие в один ряд с такими выдающимися техническими достижениями человечества в области военного дела, как появление каменного, бронзового и железного оружия, конницы, пороха, нарезных ружей¹. Первоначально изготовлявшийся из толстой плотной кожи, панцирный доспех с середины III тысячелетия до н. э. стал усиливаться металлическими пластинами. Появление и распространение панциря, усиленного металлом, обычно связывают с начавшимся широким применением на Переднем Востоке боевых колесниц и сложных луков². Естественно, что это нововведение в конечном итоге затронуло и кавалерию: судя по ассирийским рельефам, в Ассирии уже в IX—VII вв. до н. э. существовала тяжелая конница, всадники которой были облачены в панцири. Другой стороной процесса внедрения защитного вооружения в кавалерию было возникновение и развитие доспеха для коня.

Родиной конского доспеха была Месопотамия. Здесь еще во II тысячелетии до н. э. изготавливались для коней покрытия из кожи, усиленные мелкими металлическими пластинками³. Подобный доспех, очевидно, применялся и в северной Сирии. Об этом свидетельствует рельеф VIII в. до н. э. из Сакчегезу, где изображена колесница с конем, покрытым от хвоста до основания шеи плотно облегающим его туловище пластинчатым панцирем⁴, по-видимому попоной из кожи или плотного материала, на которые были нашиты металлические пластины. Этот сплошной панцирный доспех, не закрывающий только голову и ноги животного, по всей вероятности, применялся главным образом для защиты колесничных лошадей. Об использовании в более позднее время колесниц с за-

пряженными в них покрытыми броней конями упоминают Ксенофонт (Сугор., VI, I, 51) и Вегеций (III, 24).

У коней ассирийской тяжелой кавалерии IX—VII вв. до н. э. было сравнительно более легкое защитное снаряжение. На рельефе из нимрудского дворца Ашшурназирпала II (884—859 гг. до н. э.) изображен тяжеловооруженный всадник, лошадь которого имеет попоную, закрывающую ее спину и бока, и нагрудник типа фартука⁵. Кони тяжелой кавалерии Сеннахериба (705—681 гг. до н. э.) были защищены попоной, иногда соединенной с покрытием шеи животных⁶. Подобное оборонительное вооружение имеют также кони ассирийских всадников на рельефах Ашшурбанипала (669—626 гг. до н. э.)⁷. Царские кони в сценах львиной охоты Ашшурбанипала показаны в нагрудниках различной конструкции⁸. Очевидно, для изготовления конских доспехов в ассирийской армии применялись плотная ткань или кожа, порой усиленные медью или бронзой.

С падением Ассирийской державы конский доспех в Двуречье дальнейшего развития не получил. В контракте из архива дома Мурану (из Вавилонии), датированном вторым годом правления Дария II (423 г. до н. э.), в составе снаряжения тяжеловооруженного всадника конский доспех не назван⁹.

Первым в нарративной традиции защитное конское снаряжение упоминает Геродот (I, 215). По его словам, среднеазиатские массагеты «надевают коням медные панцири-нагрудники». Отдельные находки конской брони (массивные бронзовые налобники, большие бронзовые пластины и т. п.) позволяют предположить, что причерноморские скифы использовали средства тяжелой защиты для боевых коней уже в VI—V вв. до н. э.¹⁰ Золотой гребень из кургана Солоха определенно свидетельствует о том, что с IV в. до н. э. в качестве защитного конского вооружения скифы широко применяли налобники и, возможно, нагрудные панцири¹¹. Конский доспех, состоящий из налобника и нагрудника, имел достаточно широкое распространение в античном мире. Об этом позволяют судить бронзовые налобник и нагрудник из южной Италии (V в. до н. э.) и изображения аналогичных доспехов из Пергама (II в. до н. э.)¹².

По словам Ксенофонта (Anab., I, 8, 7) в армии Кира Младшего в битве при Кунаксе (401 г. до н. э.) участвовали 600 панцирных всадников, кони которых имели налобники и нагрудники. В других произведениях Ксенофонт подробно описывает конский доспех персов, в состав которого входили также набедренники, служившие одновременно защитой всаднику и коню, и попоны¹³.

Панцирная персидская конница противостояла армии Александра Македонского в сражениях при Иссе и Гавгамелах¹⁴, причем Курций Руф сообщает, что кони тяжелой кавалерии Дария III, подобно их седокам, имели железные пластинчатые панцири.

Отряды закованных в латы всадников — катафрактариев¹⁵ — имелись также в селевкидской коннице. Полибий (XXXI, 3, 9) указывает, что в армию Антиоха IV Эпифана (175—163 гг. до н. э.) входила панцирная кавалерия, «в которой, как следует из самого названия, кони и люди были защищены доспехами». Впрочем, реконструировать хотя бы приблизительно такой конский доспех ввиду отсутствия других источников, главное археологических, не представляется возможным.

Гораздо больше сведений о конском защитном вооружении дошло до нас от I в. до н. э. В 69 г. до н. э. в битве у Тигранакерта солдатам Лукулла противостояла тяжелая армянская конница Тиграна Великого, всадники и кони которой были закованы в железо¹⁶. Интересное описание конской брони, применявшейся в армии Тиграна, оставил Саллюстий (Hist., fr. 65). По его словам, армяне надевали на коней покрывала, к полотняной основе которых крепились железные пластинки, похожие на чешую. Страбон (XI, 4, 9; XI, 4, 4) также упоминал о защищенных доспехами боевых конях у армян, мидийцев и кавказских албанов.

Грозную боевую силу представляла знаменитая парфянская панцирная кавалерия. Ее защитное вооружение подробно описано в античной литературе. По свидетельству Юстина (XLI, 2, 10), «защитой самим парфянам и их коням служат чешуйчатые панцири, которые закрывают все тело и того, и другого». По словам Плутарха (Grass., 24), кони парфян были покрыты медными и железными покровами. Арриан (Parth., fr. 20) утверждает, что парфянские латники «снаряжают сходным образом и всего коня — железом до копыт». В нашем распоряжении имеются изображения парфянских катафрактариев, сидящих на защищенных доспехах лошадей. На рельефе колонны Траяна представлен, по всей вероятности, парфянский конский чешуйчатый доспех, покрывающий животного с головы до копыт (рис. 1), — прекрасная иллюстрация к описаниям Юстина и Арриана. На граффити из Дура-Европос (рис. 2) изображен тяжеловооруженный парфянин, скачущий на защищенном броней коне, чей доспех, очевидно, очень близок описанию Плутарха. Остатки железных пластинчатых панцирей для воинов и коней обнаружены во время раскопок в Старой Нисе¹⁷.

Раскопки на городище Халчаян позволили выявить особенности кушано-бактрийского защитного вооружения. Судя по фрагментам халчаянской скульптуры, на рубеже нашей эры в армию кушанских правителей входили отряды конных латников, обязательным предметом экипировки которых являлся конский доспех, состоявший из чешуйчатой маски, плотно облегавшей морду коня и имевшей отверстия для глаз, пластинчатого нашейного щитка и чешуйчатой попоны¹⁸. Впрочем, маска, по-видимому, не всегда входила в кушано-бактрийское конское защитное снаряжение¹⁹.

В сарматскую эпоху в Северном Причерноморье защитное конское вооружение, видимо, не получило сколько-нибудь значительного развития. По крайней мере в письменных источниках нет вполне определенных указаний на использование сарматами доспехов для коней²⁰. Возможно, что лошадям принадлежало несколько крупных кольчатых и чешуйчатых катафрактов, найденных в сарматских могилах у станиц Ярославская и Елизаветинская и в одном из курганов Калиновского могильника²¹. Однако на рельефе арки Галерия в Салониках, на котором, вне всякого сомнения, присутствуют сарматские катафрактари, лошади изображены без защитного доспеха²². Впрочем, по-видимому, следует признать, что конский доспех не получил широкого распространения среди сарматских племен. Возможно также, отсутствие достоверных находок сарматских лошадиных катафрактов объясняется тем, что они чаще всего изготовлялись из кожи и украшались, а вместе с тем и усиливались фаларами.

По образцу сарматской была реорганизована тяжелая конница на Боспоре. Однако и здесь, судя по памятникам материальной культуры, защитный доспех для боевого коня почти не применялся²³.

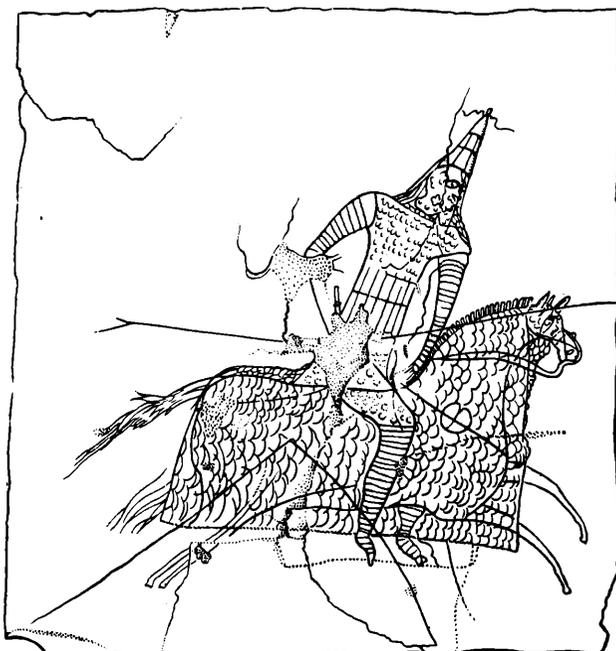
В первые века нашей эры выросло значение тяжелой кавалерии и в римской армии. При императоре Веспасиане (69—79) в составе римской конницы появились тяжеловооруженные кавалеристы, одетые в шлемы и панцири и вооруженные очень тяжелой пикой. Судя по изображениям на рельефах Трофея Траяна в Адамклисси, колонны Марка Аврелия в Риме и погребальных стелах членов катафрактатных подразделений, такой тип катафрактариев — конных копейщиков, одетых в шлемы и кольчужные рубашки, но сидевших на не защищенных доспехами конях, — был преобладающим в римской панцирной кавалерии II—IV вв.²⁴

Примерно около середины III в. н. э. в римской армии появились клибанарии — панцирные всадники, одетые в броню с головы до ног и имевшие коней, также защищенных доспехами. Судить об этом позволяют результаты раскопок в Дура-Европос. Так, на одном фрагменте сасанидской фрески изображен римский всадник в полном доспехе²⁵. Главными для нас являются находки трех конских катафрактов, представляющих собой полотняные попоны, на которые нашиты металлические че-

Рис. 1. Парфянские катафрактары, преследуемые римской конницей

Прорисовка рельефа колонны Траяна в Риме

Рис. 2. Парфянский тяжелооруженный всадник

Граффити из Дура-Европос

шуйки, в одном случае бронзовые, в другом — железные²⁶. Также III в. н. э. датируются трехчастные металлические римские налобники²⁷. Описание снаряжения клибанариев оставил нам ритор Назарий в панегирике Константину Августу: «Кони и люди равным образом защищены железным покровом... Сверх того что защищены люди, броня, спускаясь на грудь коней и ниспадая до их голеней, защищает их без помехи для движения от вреда раны»²⁸.

По всей вероятности, клибанарии составляли лишь небольшую часть панцирной кавалерии римлян. Древние авторы порой используют термины «клибанарий» и «катафрактий» как слова-синонимы²⁹. К тому же, конский доспех, очевидно, не всегда являлся непременным атрибутом снаряжения клибанариев.

Многое известно о конской броне, применявшейся в сасанидской армии. Впервые в нарративной традиции о ней упоминает Гелиодор в «Эфиопике» (IX, 15). Он пишет, что персы надевают боевым коням поножи, налобник и покрывают их попоной, обшитой железом, «спускающейся по бокам от спины до живота, так что она и защищает коня,

и вместе с тем не мешает ему и не затрудняет бег». На фирузабадском наскальном рельефе, изображающем победу Арташира I над последним парфянским царем Артабаном V, персидские кони покрыты попонами, вероятно, из кожи или стеганой материи, украшенными (а также усиленными) металлическими эмблемами³⁰. По сообщению Аммиана Марцеллина (XXIV, 6, 8), лошади персидских катафрактариев «были ...защищены кожаными покровами».

По мнению Ф. Брауна, оперировавшего как литературным, так и археологическим материалом (в частности, данными сасанидских рельефов), типичный полный конский доспех III в. н. э. включал попоны из чешуйчатой брони или кольчуги для тела коня, нашейный щиток из тех же материалов и налобник-маску из листового металла или сыромятной кожи. В дальнейшем конское снаряжение было видоизменено. Его стремились облегчить с целью повышения мобильности панцирной кавалерии. Металлические доспехи были заменены попонами из войлока или выделанной кожи и защищали лишь переднюю часть коня³¹. Первое изменение произошло в III—IV вв., а второе прекрасно иллюстрируется сасанидским рельефом из Так- и Бустана, изображающим шаханшаха Хосрова II Парвеза верхом на коне Шабдизе (около 620 г.)³². Грудь и передняя часть туловища коня защищены панцирем.

Итак, конский доспех античной эпохи прошел в своем развитии несколько этапов. Возникнув в Месопотамии по II тысячелетию до н. э. в виде кожаной попоны, он, по-видимому, не применялся в кавалерии. В ассирийской тяжелой коннице использовали матерчатые или кожаные попоны, возможно, усиленные металлическими пластинами. В VI—V вв. до н. э. в Средней Азии, Северном Причерноморье и Италии появляется новый конский доспех, состоящий из налобника и нагрудного панциря. В конце V—IV в. до н. э. в его состав добавляются попоны из полотна и набедренники, одновременно защищавшие и всадника, и коня. Этот доспех прослеживается до II в. до н. э., а затем усложняется. Уже, по-видимому, в тяжелой коннице последних Ахеменидов применялась попоны, усиленная железными пластинами. Она преобладает, главным образом на Востоке, вплоть до III—IV вв. Кроме сплошной металлической попоны, применяли налобник-маску и нашейный щиток. Утяжеление доспеха, естественно, требовало создания специальной породы лошадей, способных в боевых условиях выдерживать тяжесть доспеха и вес закованного в латы седока. Такая порода, очевидно, была выведена в позднепарфянский период, а затем распространена по всему античному миру³³. Однако ввиду малой подвижности панцирной конницы уже с III—IV вв. начинается модификация конской брони, призванная повысить мобильность тяжелой кавалерии, причем наблюдается стремление максимально сохранить защитные свойства конского доспеха.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 650.

² Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968, с. 123, 124.

³ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 130.

⁴ Klengel H. Geschichte und Kultur Altsyriens. Leipzig, 1979, Taf. 67.

⁵ Barnett R. D., Forman W. Assyrische Palastreliefs. Prague, 1959, Taf. 27.

⁶ Ibid., Taf. 119; 120; 122; 129.

⁷ Ibid., Taf. 108; 112, 113.

⁸ Ibid., Taf. 83—85; 87; 89; 99.

⁹ Ebeling E. Die Rüstung eines babylonischen Panzerreiters nach einem Vertrage aus der Zeit Darius II.—In: Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, Berlin, 1952, Bd 16 (50), S. 208.

¹⁰ Черненко Е. В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях

Евразии.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 37.

¹¹ Rostovtzeff M. Graffiti.— In: The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Fourth Season of Work (October 1930 — March 1931). New Haven; London; Oxford, 1933, p. 218.

¹² Robinson H. R. The Armour of Imperial Rome. London, 1975, p. 190, fig. 196—200.

¹³ Xenoph. De re eq., XII, 8, 9; Cyrop., VI, 1, 50; 4, 1; VII, 1, 2; VIII, 8, 22.

¹⁴ Curt., III, 11, 15; IV, 9, 3; 13, 1; Arrian. Anab., III, 13, 4.

¹⁵ Так называет панцирных всадников Антиоха III Тит Ливий (Liv., XXXV, 48; XXXVIII, 40). Сам же термин «катафракта» (или «катафрактарий») произошел от слова *катафракта*, впервые отмеченного в деловых доку-

- ментах эллинистического Египта начала III в. до н. э. и обозначавшего доспех воина тяжелой кавалерии (Rostovtzeff M. Graffiti, p. 217, 218, N 15).
- ¹⁶ Sallust. Hist., lib. IV, cap. 4, fr. 64—66; Eutrop., VI, 9, 1; Fest. Brev., 15. Последние двое называют армянских панцирных всадников *clibanarii* (о вооружении клибанариев см.: XII Paneg. lat., IV, 22, 4). О тяжелой армянской коннице см.: Plut. Lucull, 26, 28 и примеч. 24.
- ¹⁷ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы.— В кн.: Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1959, т. IV, с. 20.
- ¹⁸ Пугаченкова Г. А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства.— ВДИ, 1966, № 2, с. 38—43, рис. 12.
- ¹⁹ См.: Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979, рис. 103 (первая композиция сверху).
- ²⁰ Тацит (Hist., I, 79), довольно подробно описавший вооружение сарматов-роксолан, вторгнувшихся в 69 г. в Мезию, не упоминает о катафрактах их лошадей. Впрочем, возможно, что Арриан (Tact., 4, 1—3), говоря о броненосной коннице, кони которой в сравнении с легкой кавалерией были защищены боковыми доспехами (*παραλευριδιος*) и налобниками (*προετωλιδιος*), имел в виду также сарматских катафрактаев.
- ²¹ См.: Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 87.
- ²² Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, т. I, с. 333, табл. LXXXVI, 1, 2.
- ²³ Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 141—145, рис. 66—68. Правда, известно изображение короткой чешуйчатой конской катафракты на погребальной стеле Афения, сына Мена (см.: Хазанов А. М. Очерки..., с. 86).
- ²⁴ Подробнее см.: Eadie J. W. The Development of Roman Mailed Cavalry.— JRS, 1967, v. 57, p. 166—169, pl. X, 1; XI, 1.
- ²⁵ Little A. M. G. The Sassanian Fresco.— In: The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report..., p. 191.
- ²⁶ Brown F. E. Arms and Armor.— In: The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Sixth Season of Work (October 1932—March 1933). New Haven; London; Oxford; Prague, 1936, p. 440—443, 448, pl. XXI; XXII; Robinson H. R. The Armour of Imperial Rome, pl. 529, 530.
- ²⁷ Robinson H. R. The Armour of Imperial Rome, pl. 522—528.
- ²⁸ XII Paneg. lat., IV, 22, 4.
- ²⁹ SHA, Alex. Sev., 56, 5; Amm. Marc., XVI, 10, 8.
- ³⁰ Vanden Berghe L. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, pl. 71; Robinson H. R. Oriental Armour. London, 1967, p. 22, fig. 9, A, B.
- ³¹ Brown F. E. Arms and Armor, p. 446—447.
- ³² Robinson H. R. Oriental Armour, fig. 11, A.
- ³³ Rostovtzeff M. Graffiti, p. 221.

В. А. МЕШКЕРИС

ЗМЕЯ — ХТОНИЧЕСКИЙ АТРИБУТ МАРГИАНСКОЙ БОГИНИ

В настоящей статье речь будет идти о статуэтках парфянской эпохи известного типа маргианской богини с зеркалом, которые неоднократно изучались исследователями древней коропластики Туркменистана¹. Ранее раскрытая семантическая сущность образа и его своеобразие подтвердилось вновь выявленным качественным признаком. Этот признак трактовали либо как «вьющийся пояс», ниспадающий от живота вниз, либо как «ломаные складки»².

При изучении подлинников и тщательном их сопоставлении выяснилось, что эта деталь — не случайный элемент одежды, а изображение у ног богини змей или змееподобных существ, которые обязательно присутствуют в ее иконографии (рис. 1—3).

Первая разновидность изображений: одна змея. а) Одна тоненькая змейка, поднимающаяся с земли между ногами богини (рис. 1, 2), показана прерывистыми угловатыми ломаными линиями. Богиня держит два зеркала. В левой опущенной руке зеркало изображено с расходящимися частыми волнообразными лучами. Статуя богини — на подставке с развилкой, украшенной налепами-лепешками³. б) Четко вырисовывается довольно крупная головка змеи с открытой пастью у лона богини⁴. в) Небольшая, поднимающаяся в стойке на загнутом хвосте змея распо-

Рис. 1. Типология изображений змей на статуэтках маргианской богини
 1—3, 5, 6 — Ин-т искусствоведения им. Хамзы УзССР; 4 — Ист.-краевед. музей Ашхабада

лагается внизу, между ног, от ступней до уровня колен (рис. 1, 1; 3, 1)⁵. г) Толстое извивающееся туловище рептилии поднимается между схематично трактованными, широко расставленными ногами богини. Волнообразность движения туловища иногда подчеркнута волнистой линией, делящей змеиное туловище. В этом случае хорошо различаются форма головки змеи и углубленный глаз. В опущенной левой руке богини — шаровидный кувшинчик, в правой согнутой — круглое зеркало или плод растения (рис. 1, 5; 3, 3)⁶.

Вторая разновидность: две змеи у ног богини. Длинное извивающееся туловище рептилии, расположенное между ног, внизу сливается с толстой змеей, пятнистое туловище которой, обвивая кольцами горизонтальную планку постамента, крутыми волнами поднимается сбоку, с внешней стороны левой ноги богини, приблизительно до уровня колена. Хорошо различаются голова с широко раскрытой пастью и длинное жало⁷. Левая нога богини поверх сборчатых шаровар обвита ленточной перевязью с утолщением на конце, напоминающей змею (рис. 1, 6).

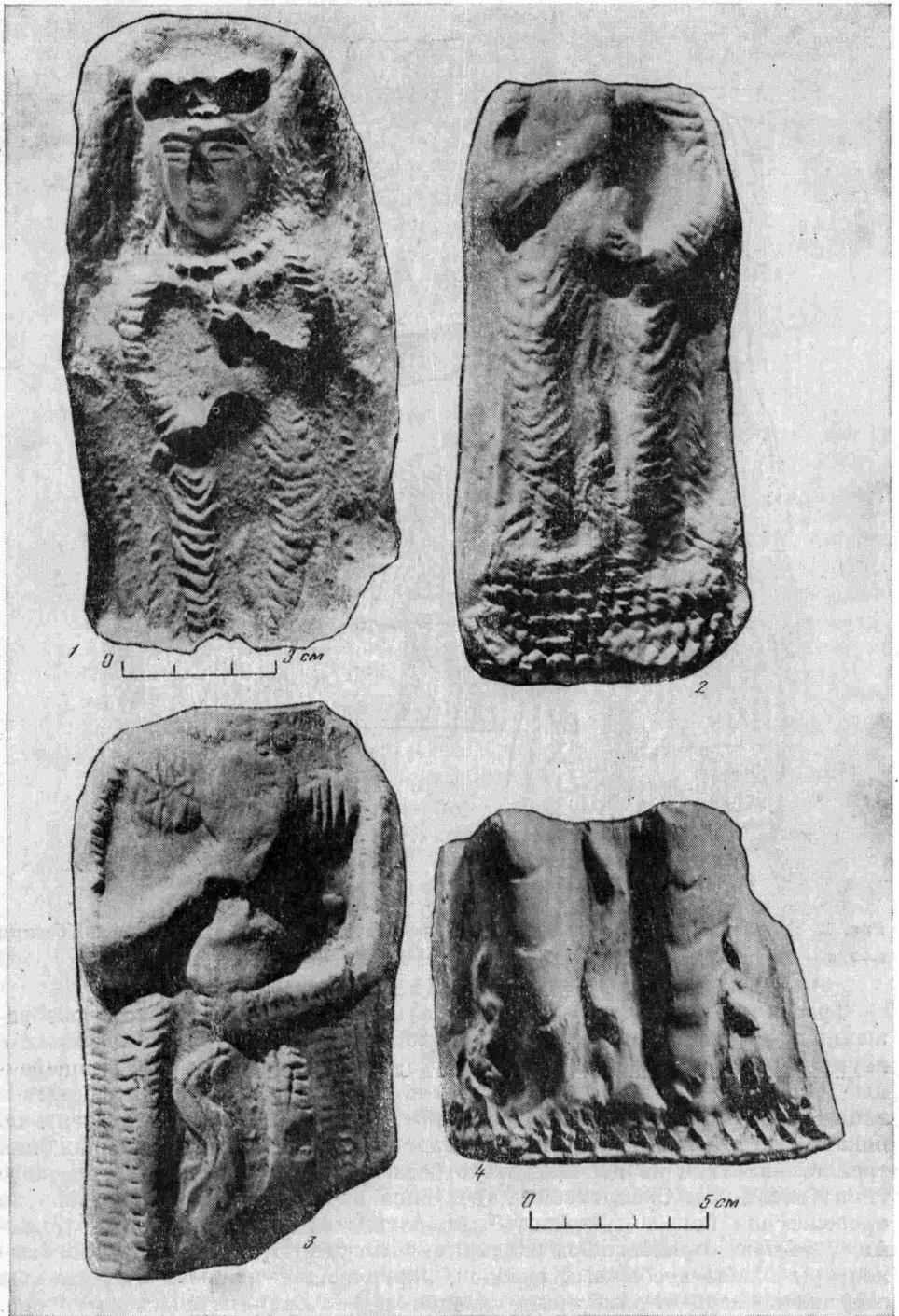
На фрагменте из Ашхабадского музея⁸ четко изображены две опирающиеся на согнутые крючком хвосты змей, поднимающиеся эластичными волнами вверх вдоль ног: крупная змея — между ног, а сбоку, вдоль левой ноги — небольшая змейка, поднимающаяся до уровня колен (рис. 1, 4).

Рис. 2. Типология изображений змей и драконов на статуэтках маргианской богини
 1—4, 6 — Ин-т искусствознания им. Хамзы УзССР; 5 — Ист.-краевед. музей Ашхабада

Третья разновидность: три змеи. а) Вариант схематического изображения трех тонких змей. Традиционный иконографический тип богини с двумя зеркалами. Ноги облачены в ткань, собранную в частые поперечные складки. Средняя тонкая змея поднимается с земли и достигает лона богини. Маленькие, петлеобразно изогнутые змейки изображены по бокам у ступней (рис. 2, 1)⁹. б) Вариант схематического изображения трех тонких змей на подоле хитона богини с зеркалом эллинистического типа (рис. 1, 3). Схематизация трех змей на подоле хитона доведена до предела: они показаны рельефными, волнистыми или ломаными линиями¹⁰, которые принимались за динамичные геометриванные угловатые контуры якобы необычных складок, нарушающих привычную гармонию рисунка каскада ниспадающих складок подола эллинистического хитона. Схема расположения змей такая же, как и в предыдущих вариантах: одна — посредине, между ног богини, а две другие — по бокам. В отличие от предыдущих вариантов, змеи одинаковой величины, динамично поднимаются от земли ввысь, к краю гиматия, и, пересекая вертикальные складки хитона, заканчиваются одинаково утолщенной змеиной головкой, иногда с раскрытой пастью.

Видимо, не случайно на постаментах некоторых статуэток нанесены частые змеевидные диагональные линии, которые также отражают органическую связь хтонического культа змеи с культом женского божества плодородия (рис. 2, 2)¹¹.

Рис. 3. Змеи и драконы на статуэтках маргианской богини (1—4)

Ин-т искусствоведения им. Хамзы УзССР

Четвертая разновидность — дракон и змея. а) Двуглавый дракон и змея (рис. 2, б; 3, 2). Традиционный тип богини с двумя зеркалами. Ткань платья на ногах соборится частыми поперечными складками. Между ног — сложное сочетание дракона и змеи. Правой ногой богиня упирается в спину дракона. Его поднятый двойной хвост и изогнутая змея-

подобная шея обрамляют ногу богини с двух сторон. Змеиная голова дракона с раскрытой пастью увенчана второй крупной головой, тоже с широко раскрытой пастью на извивающейся змееподобной шее. Узкое туловище дракона с протянутыми передними лапами плотно лежит на постаменте, составленном из нескольких жгутоподобных, плотно сложенных «петель», напоминающих туловище змеи, свернутое в несколько рядов (пластически передано рифлеными рельефными линиями). У левой ноги богини — по-видимому, маленькая змейка, ползущая к ноге¹². б) Двуглавый крылатый дракон и змея у ног богини (рис. 2, 3). В данном случае дракон крылатый. Мысовидные крылья расположены у основания шеи. Его голову венчает вторая большая голова с раскрытой пастью и жалом. Углубленной точкой с черточкой намечен глаз. Насечки вдоль изогнутой длинной змеиной шеи второй головы воспринимаются как «шпы» дракона. С внешней стороны ноги богини — небольшая змейка¹³. Спина дракона изогнута под тяжестью правой ноги богини, мощный хвост поднят, передние лапы протянуты вперед. в) Крылатый дракон и сопутствующая змейка¹⁴. Внизу у ног богини — лежащий дракон с длинным туловищем и протянутыми вперед лапами, задние лапы поджаты. Спина дракона изогнута, задняя часть туловища поднята и заканчивается хвостом в виде веерообразной пальметки. На спине, у самой шеи, поднятое крыло, показанное мысовидным выступом. Змееподобная изогнутая шея дракона, поднимающаяся вверх между ног богини, переходит в крупную голову с раскрытой пастью. Глаз удлиненного разреза подчеркнут черточкой-линией. Голову венчает вертикально стоящая пальметка-трилистник, возможно ветвистый рог. Различается змейка, ползущая вверх по левой ноге богини (рис. 2, 5). г) Композиция из крылатого дракона и двух змей (рис. 2, 4; 3, 2). Фрагмент плитки¹⁵ имеет исключительный интерес. Он бесспорно свидетельствует в пользу предположенной расшифровки семантики рассматриваемой детали. В объемной реалистической манере переданы широко расставленные ноги богини, задрапированные в ткань, которая ложится по-гандхарски, угловатыми складками. Боковые змеи воспроизведены не только с реалистической достоверностью, но и с натуралистическими подробностями (частыми вдавленными точками показана чешуя на их извивающихся туловищах). В центре — длинная змеевидная шея крылатого дракона, плавно переходящая в туловище, которое как бы сплющено под тяжестью правой ноги богини. Две круто извивающиеся пятнистые змеи с левой и правой сторон изображены опирающимися на кончики хвостов.

Новая интерпретация существенной детали иконографии богини подтверждает устойчивость местных традиционных верований, уходящих корнями в глубокую древность Маргианы, где культ змеи играл существенную роль.

Широкий семантико-иконографический параллелизм раскрывает органическую взаимосвязь культа женского божества плодородия с культом змеи на ранних стадиях примитивных верований у различных народов в широких географических границах, и эта взаимосвязь вполне закономерна.

К эпохе Триполья относится статуэтка богини из святилища на Южном Буге. Богиня держит в руках змею, голова которой касается ее лица. Образ змеи — носительницы добра, оберегающей влагу и все самое ценное, — занимает центральное место в трипольском искусстве. Змеи охраняют чрево, вынашивающее плод. На трипольских статуэтках можно видеть пару змей, изображенных в области живота¹⁶. Трипольская линейная символика, видимо, восходит к еще более древним образцам.

В Балкано-Дунайском регионе на архаических статуэтках V тысячелетия до н. э. встречаются изображения змей то в виде линейной полуспиральи (Винча), то в виде зигзагообразных вертикальных линий, имевших тот же синкретический смысл соединения живительной влаги и рептилии (тисская культура южной Венгрии)¹⁷.

Передняя Азия с IV—III тысячелетий до н. э. дает синкретический

слитный образ богини-змеи. Таковы погребальные статуэтки из Ура: богиня-мать с ребенком на руках имеет змеиную голову, увенчанную женской прической¹⁸.

На Крите в неолитический период изготавливались статуэтки женского божества со змееподобными свернутыми и поджатыми ногами¹⁹. «Богини со змеями» из святилища дворца в Кноссе XVI в. до н. э. также иллюстрируют слитность женского образа со змеей. Кроме знаменитой статуэтки богини, держащей в широко расставленных руках двух змей, привлекает внимание кносская статуэтка богини или жрицы, туловище и руки которой обильно оплетены змеями²⁰. Слитность культов женского божества и змеи отражена в искусстве Фракии середины I тысячелетия до н. э. К V—IV вв. до н. э. относится статуэтка богини, локоны которой представляют две змеи, а туловище оформлено с двух сторон спереди двумя драконами²¹.

Обильно увиты змеями нагини — традиционные змеиные божества Индии. На статуэтках нагинь начала I тысячелетия до н. э. змеи выползают изголовного убора, обвивают плечи, шею, грудь, веерообразно украшая колоколообразный подол, сосредоточиваются головками около узкой талии²².

По многочисленным индийским легендам, женщина-змея Нагиня, появляющаяся среди людей в прекрасном антропоморфном облике, могла каждую ночь возвращаться в змеиную форму. Она внушала благоговение как «дающая дождь», особенно во время засухи, ибо Нагиня органически была связана с водой и влажными местами. Статуи Нагини воздвигали весной около прудов, и они должны были охранять влагу. Традиционный образ королевы-змеи воспроизведен и в монументальной скульптуре X в.²³

На территории Европы в I тысячелетии до н. э., в эпоху становления кочевого скотоводства, когда на огромных пространствах появились кочевники-скифы, продолжал главенствовать культовый образ божества — полудевы-полузмеи. Змееногая богиня считалась родоначальницей скифов²⁴. У этой богини змеиные извивы ног переходят в растительный орнамент, иногда «заканчиваются головками львиных грифонов и змей»²⁵. Изображение змееногого женского божества можно видеть на бляшках из Куль-Обы, Большой Близницы, на чертомлыцком блюде, на конской сбруе из кургана Цимбалка²⁶. Динамика синкретического образа состоит в том, что, с одной стороны, «антропоморфный образ божества уже оторвался от образа зверя, а с другой — еще не вытеснил образ животного»²⁷. Интересно, что главным атрибутом скифской богини Аргимпасы М. И. Артамонов считал зеркало, которое было символом плодородия и бракосочетания²⁸.

Образ скифской богини проник далеко на восток, в сакский мир, судя по аналогичной иконографии мужского персонажа на золотой подвеске из Тиллятепе на севере Афганистана²⁹. На Аскызской стеле из Южной Сибири изображена богиня плодородия, держащая в обеих руках по извивающейся змее, змеи показаны и на одеянии этого божества³⁰.

В Средней Азии каменное изваяние змей открыто в кишлаке Сох в Фергане³¹. Устойчивость культа змеи отражена в росписях Пенджикепта, в посвященной женщине-змее хорезмийской легенде, сходной с легендой об индийской Нагине, которая принимала то антропоморфный, то зооморфный облик³².

Истоки культа змеи, связанного с идеей плодородия, в Южной Туркмении восходят к эпохе энеолита. В IV тысячелетии до н. э. изображения змей помещаются на сосудах. Слитность культа женского божества плодородия с культом змеи наблюдается с III тысячелетия до н. э. К этому периоду относятся статуэтка со змеей на бедре, фрагмент сосуда из Алтындепе с живописной сценой, где представлена женская фигурка со змеей³³. В большом изобилии изображения драконов и змей с людьми и животными можно видеть на амулетах эпохи бронзы страны Маргуш. Интересны генетические параллели в воспроизведении змей: на мургаб-

ских амулетах они также поднимаются с земли и часто присасываются к животу животных и похищают животительное семя³⁴. Эта же тема отражена на ритуальном сосуде эпохи бронзы из поселения Тоголок: налестные змеи, поднимаясь со дна, достигают животов идущих по краю животных³⁵.

Антропоморфно-зооморфный синтез получает своеобразное воплощение в многочисленных статуэтках II тысячелетия до н. э., лица которых обрамлены косами-змеями, спускающимися на плечи и грудь (Намазгадепе, Алтындепе)³⁶.

Маргианская богиня олицетворяет плодородие не только в широком, но и в узком смысле. По скифо-сакской мифологии, атрибут богини — зеркало — служит символом бракосочетания. Змея — хтоническое животное, податель плодородия в античной мифологии. Известны сказания о браках женщины со змеей (драконом) и о рождении от них героев. Символическое представление о священном браке бога-змеи с женским существом³⁷ запечатлено в иконографии маргианской богини. Оно дополняет и подтверждает ранее предложенную Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпелем интерпретацию образа самого популярного в Маргиане в парфянскую эпоху божества. Его семантическая символика основана на переработке глубоких местных культовых представлений и совпадает с образной условностью изобразительного языка парфянского искусства. Именно эта образная условность — существенный признак, определяющий самобытную природу образа маргианской богини.

- ¹ Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. — В кн.: Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949, т. I, с. 339—341, рис. 10, 16; *Она же*. Новые материалы к изучению древней скульптуры южной Туркмении. — В кн.: Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1951, т. II, с. 177—179, рис. 8; Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. — СА, 1959, XXIX/XXX; *Она же*. Коропластика древнего Мерва. — В кн.: Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962, т. XI, с. 126, рис. 7, 1, 2; с. 128, рис. 8, 9; *Она же*. Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 76, 77, илл. 62; 63.
- ² Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва, с. 128.
- ³ Фигурка из Чиркоудепе (б. №) — в Ин-те искусствознания УзССР. Аналогичное изображение змеи на сл. экз.: МГК60; МГК79 (XV); МГК77; МГКР-6/6-14. Один экз. б. № (МГКР-6/Д-8/ТХ).
- ⁴ Ин-т искусствознания УзССР: МГК78/К-11/Х (XIV).
- ⁵ Там же; формочка из Гяуркалы (б. №).
- ⁶ Ин-т искусствознания УзССР: МГКР-6/Б-2/IX; МГКР-6/К-17VIII/XVI (79); МЭК/79; МГКР-6/Ж-6/IX (83Б); Ашхабад. ист.-краевед. музей, инв. № 2366, оп. 147, № 5.
- ⁷ Фрагмент статуэтки (на тыльной стороне) № 80. Ин-т искусствознания УзССР.
- ⁸ Ашхабад. ист.-краевед. музей, Чанглытепе, инв. № 2366, оп. 147, № 3, высота 70 мм, ширина 60 мм, толщина 20 мм.
- ⁹ Ин-т искусствознания УзССР: МГК79 (Б)/XIX, МГКР-6 (75), МГКР-6 (без шифра).
- ¹⁰ Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва, с. 128; Ин-т искусствознания УзССР: МГКР-6/XXV; МГК (сборы); МГКР-6/Т-14; МГКР-6/29; МГКУ-6/Т-16-Х; МГКР-6/Е-10/IX; МГКР-6/25; МГК/XXV/СЗ/23.
- ¹¹ МГКР-6 (сборы); МГКР-6 (сборы), 252.
- ¹² Ин-т искусствознания УзССР: МГК/III-2/VII/67.
- ¹³ Там же: МГКР-6/Г-10/XI. Крылатые драконы со змееподобными шеями изображены на палетках Северной Индии. См.: *Francfort H. P. Les palettes du Gandhara.* — MDAFA, 1979, t. XXIII, N 53.
- ¹⁴ Ашхабад. ист.-краевед. музей, № 2002/О-137/28, инв. № 2356.
- ¹⁵ Ин-т искусствознания УзССР: МГКР-6/Р-6/IX (83В, XVII).
- ¹⁶ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 175, 179, 190; *Болсуновский К. В. Символ змеи в трипольской культуре.* Киев, 1905.
- ¹⁷ *Gimbutas M. The Gods and Goddesses of old Europe 7000 to 3500 B. C. Myths, Legends and cult images.* London, 1974, fig. 102; 194; *Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.* с. 169.
- ¹⁸ *Флитнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран.* М., 1958, с. 57, 58; *Церен Э. Библиейские холмы.* М., 1966, с. 170, 171.
- ¹⁹ *Gimbutas M. The Gods and Goddesses...*, p. 112, pl. 65.
- ²⁰ *Сидорова Н. А. Искусство Эгейского мира.* М., 1972, с. 125, 126, рис. 123; 124.
- ²¹ *Haddinott R. F. The Thracions. Thames and Huson,* 1981, p. 114, fig. 112.
- ²² *Сидорова В. С. Скульптура древней Индии.* М., 1971, с. 33, рис. 26; 28.
- ²³ *Auboyer J. Animals in India.* — In: *Animals in Archaeology.* N. Y.; Washington, 1972, p. 137, 144, fig. 66.
- ²⁴ *Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев.* — В кн.: *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.* М., 1976,

- с. 66; *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982, с. 196.
- ²⁵ *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота..., с. 196.
- ²⁶ *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— АСГЭ, 1961, вып. II, с. 66; *Он же.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966, табл. 186.
- ²⁷ *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества..., с. 7.
- ²⁸ *Раевский Д. С.* Очерки истории идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 98; *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила.— СА, 1980, № 3, с. 101.
- ²⁹ *Сарианиди В. И.* Искусство таинственных юедей.— Наука в СССР, 1982, № 1 (обл.); *Он же.* Золото бактрийских царей.— В кн.: На суше и на море. М., 1981, с. 283, 284.
- ³⁰ *Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Енисея. Л., 1967, табл. 5; *Хлобыстина М. Д.* Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства.— В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1974, с. 177.
- ³¹ *Касанье Г.* Культ змей и следы его в Туркестане.— В кн.: Протоколы Туркестан. кружка любителей археологии. Ташкент, 1913, г. 17-й; *Воронец М. Э.* Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской обл.— КСИИМК, 1956, 61.
- ³² *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973, табл. 11, с. 24; *Снесарев Г.* Как вы относитесь к змеям? — Наука и религия, 1983, № 3.
- ³³ *Кожин П. М., Сарианиди В. И.* Змея в культовой символике племен.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 35—40.
- ³⁴ *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1, с. 42—45, 66.
- ³⁵ *Сарианиди В. И.* Культовый сосуд из Маргианы.— СА, 1980, № 2, с. 167, 179.
- ³⁶ *Массон В. М., Сарианиди В. И.* Терракоты эпохи бронзы юга Туркмении. М., 1968.
- ³⁷ *Кагаров Е.* Культ фетишей, растений и животных. СПб., 1913, с. 288, 291, 292.

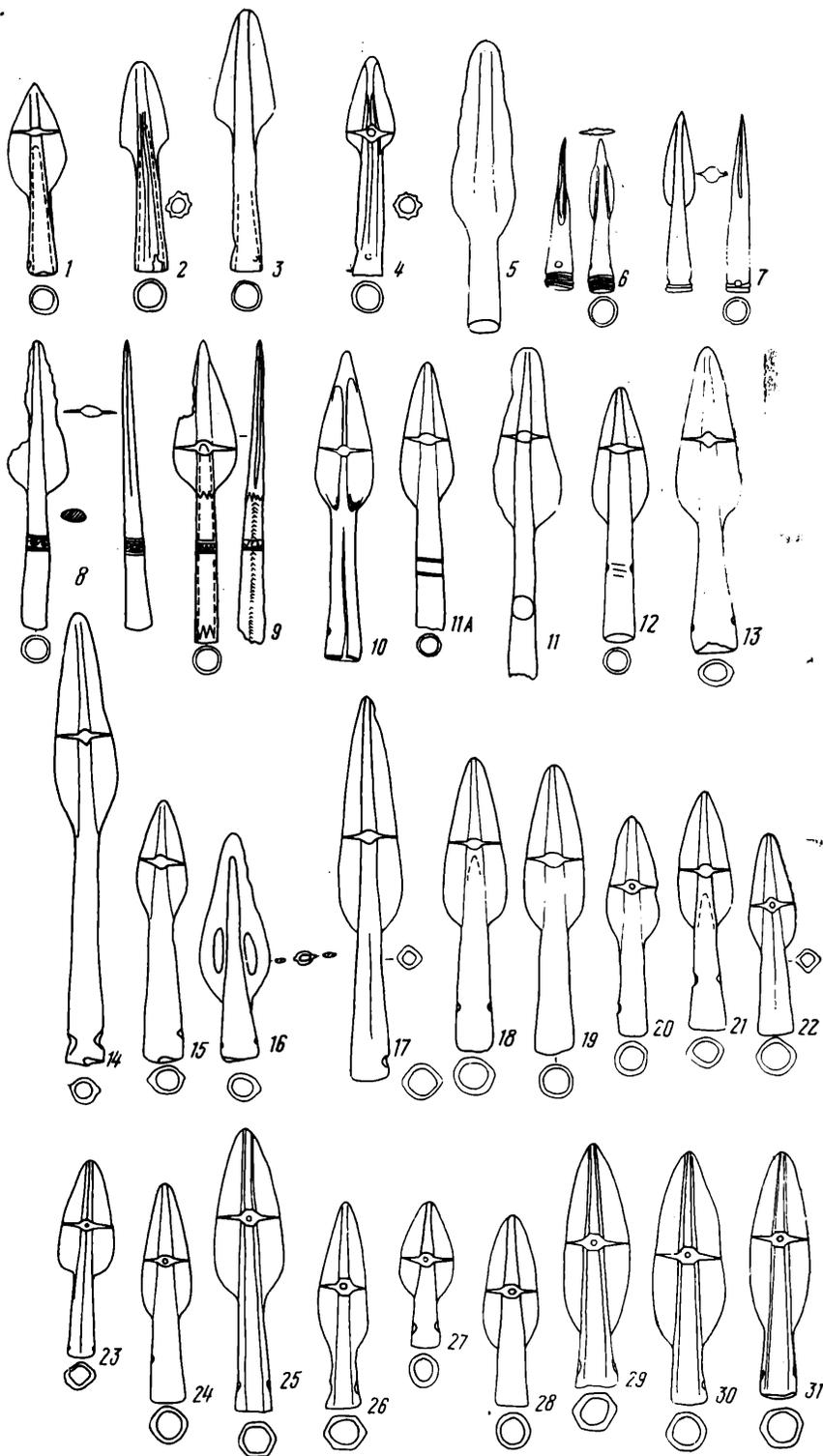
Т. Б. БАРЦЕВА

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА VIII—VII ВВ. ДО Н. Э.

Находки бронзовых наконечников копий киммерийского времени редки в причерноморских степях и восточноевропейской лесостепи. Довольно хорошо они представлены лишь на территории Прикубанья, в Чечено-Ингушетии и Дагестане. Из синхронных памятников иных регионов больше всего их обнаружено в могильниках аваньинской поры в Поволжье. Наиболее подробные сведения об их находках можно найти в обобщающих трудах Н. В. Анфимова¹, А. И. Тереножкина², Г. Т. Ковпаненко³, В. И. Козенковой⁴, В. Г. Котовича⁵, О. М. Давудова⁶ и А. Х. Халикова⁷.

В настоящее время появилась возможность пополнить исследования о наконечниках копий, найденных на территории Северного Кавказа, данными о химическом составе 32 наконечников из комплексов конца IX — начала VII в. до н. э. Это наконечники из могильников Николаевского, Майртупского, Ахкинчу Барзой, Сержень-Юртовского, Мугерганского и из Хосрехского святилища (рис., 1—31).

Все изученные наконечники втульчатые двулопастные с листовидным пером. Более детальные метрические промеры выявили большое разнообразие как внутри каждой коллекции, так и между коллекциями из различных географических областей. Из четырех найденных в Хосрехском святилище наконечников три имеют треугольную форму пера, края которого под тупым углом переходят во втулку. Втулки высокие, с намеченными по центру гранями, не достигающими до их конца (рис., 2—4). Длина наконечников от 14 до 17 см, длина пера от 6 до 8 см. Втулки проходят через все перо, иногда образуя вильчатость. В основании они имеют круглое сечение, по центру — многогранное. Четвертый наконечник имеет листовидную головку, плавно переходящую во втулку. Длина

Рис. Наконечники копий

1—4 — Хосрех; 5 — Мугерган; 6—11а — Сержень-Юрт; 12 — Лхвинчу Барзой; 13—16 — Майртуп; 17—31 — Николаевский могильник

Таблица
Результаты спектрального анализа наконечников копий

Шифр	Памятник	Cu	Sn	Pb	Zn
Николаевский могильник					
1003	Погребение 2	Осн.	0,025	0,035	—
1004	Пласт XXV, штык 3	»	0,02	0,07	—
1005	Пласт XXV, штык 4	»	0,005	0,1	—
1007	Погребение 1	»	0,001	0,06	—
1008	Квадрат 2, штык 4	»	0,02	0,05	—
1013	Погребение 31/6	»	0,07	0,07	—
1021	Погребение 29	»	0,0035	0,15	—
1022	Погребение 9	»	0,005	0,65	—
1023	Погребение 20	»	0,02	0,45	—
1027	Разрушенное погребение	»	0,0015	0,14	—
1028	Погребение 12	»	0,02	0,6	—
1029	Разрушенное погребение	»	0,02	0,02	—
1030	То же	»	7,0	0,1	—
1031	Погребение 18	»	1,5	0,06	—
10647	Погребение 112/21	»	7,6	0,06	—
6889	Мугерганский могильник	»	0,08	0,2	?
Сержень-Юрт					
7056	Поселение	»	2,0	0,12	0,01
7057	Погребение 6	»	7,0	0,04	—
11713	Погребение 39	»	12,0	0,5	0,007
30761	Погребение 42	»	10,0	0,2	0,004
30834	Погребение 56	»	14,0	0,006	?
30860	Погребение 70	»	1,5	0,04	0,005
30878	Погребение 75	»	0,4	0,06	0,01
16427	Ахкичу Барзой, погребение 1	»	3,2	0,1	—
28591	Хосрех	»	2,0	0,3	0,008
28592	То же	»	0,1	0,25	0,02
28593	»	»	0,015	0,7	0,45
28594	»	»	0,05	0,35	0,25
Майртуп					
31036	Разрушенное погребение	»	1,2	0,045	0,006
31037	То же	»	0,02	0,06	?
31038	Разрушенное погребение 3	»	4,5	0,2	?
31039	Разрушенное погребение 4	»	0,015	0,02	?

пера 7,5 см, втулки — 5,5 см (рис., 1). Мугерганский наконечник (рис., 5) коротковтульчатый. Листовидное перо (длина 12,9 см) вдвое превышает по длине втулку.

Из семи наконечников Сержень-Юрта пять имеют листовидное перо, равное по длине втулке (рис., 8—11а). Их длина от 20,5 до 22,5 см. На втулках наконечников дважды отмечен расположенный горизонтально орнамент либо в виде «бегущей» волны, заключенной между двумя заштрихованными поясками (рис., 8), либо в виде ломаной линии, прочерченной у основания и по центру втулки (рис., 9). Иногда элементы горизонтального орнамента соединяются с вертикальным «елочным», исполненным штриховыми линиями. У наконечника из погребения 39 (рис., 11а) по центру втулки проходят два параллельных рельефных валика, а у наконечника из слоя поселения (рис., 10) втулка раскована. Два наконечника из погребений 70 и 75 отличаются небольшими (от 10,5 до 12 см) размерами. Длина перьев равна длине втулок. Сложный

Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Рис.
Николаевский могильник								
0,005	0,005	0,08	0,3	0,001	0,02	—	—	31
0,003	0,003	0,055	0,55	—	0,02	—	—	22
0,006	0,004	0,05	1,65	?	0,01	—	—	23
0,005	0,003	0,08	1,3	0,001	0,01	—	—	17
0,009	0,003	0,05	0,7	0,001	0,01	—	—	26
0,002	0,02	0,2	1,0	0,02	0,05	—	—	30
0,007	0,02	0,2	1,5	0,004	0,03	—	—	29
0,006	0,055	0,4	4,0	0,01	0,03	—	—	24
0,003	0,02	0,15	2,3	0,004	0,04	—	—	20
0,003	0,01	0,7	0,8	0,001	0,03	—	—	25
0,002	0,02	0,2	2,5	0,006	0,06	—	—	18
0,003	0,025	0,2	0,75	0,001	0,035	—	—	28
0,004	0,045	0,065	0,2	0,002	0,05	—	—	21
0,001	0,03	0,4	0,9	0,03	0,055	—	—	27
—	0,2	0,7	0,02	0,2	0,03	—	—	19
0,001	0,02	0,1	1,3	0,03	0,09	—	>0,001	5
Сержень-Юрт								
0,003	0,02	0,1	0,4	0,15	0,02	0,002	0,001	10
0,002	0,02	0,01	—	0,2	0,03	0,05	0,001	17
0,003	0,03	0,4	0,7	0,1	0,03	0,008	0,001	11a
0,001	0,025	0,07	0,1	0,01	0,15	0,01	<0,001	9
0,007	0,02	0,005	—	0,035	0,2	0,035	<0,001	8
0,05	0,025	0,06	1,5	0,001	0,03	?	<0,001	7
0,002	0,05	0,08	0,45	0,4	0,015	—	0,001—0,003	6
0,001	0,2	0,9	0,95	0,06	0,2	<0,003	0,001—0,003	12
0,002	0,03	0,1	0,9	0,3	0,035	0,001	<0,001	1
0,005	0,05	0,03	0,15	0,08	0,015	0,002	<0,001	2
0,07	0,05	0,06	0,4	0,3	0,005	0,007	0,001—0,003	4
0,007	0,025	0,035	0,035	1,2	0,01	0,002	<0,001	3
Майртуп								
0,015	0,025	0,1	1,5	0,4	0,035	≈0,005	<0,001	14
0,004	0,025	0,06	0,8	0,03	0,04	?	<0,001	15
0,035	0,03	0,06	0,75	0,1	0,05	≈0,004	<0,001	16
0,008	0,015	0,045	1,5	0,15	0,025	?	0,001	13

профиль листовидного пера у копья из погребения 75 образуется за счет двух ребрышек, проходящих по нему (рис., 6), а втулка заканчивается четырьмя круговыми валиками. Валики у основания втулки отмечены и у наконечника из погребения 70 (рис., 7).

Нет строго выдержанных пропорций в соотношениях отдельных частей у копий, найденных в разрушенных погребениях у Майртупа и Ахкинчу Барзой (Чечено-Ингушская АССР). Из пяти бронзовых наконечников копий (переданы в лабораторию С. Л. Дударевым; рис., 12—16) особое внимание привлекает небольшой наконечник с короткой втулкой и прорезными крыльями пера (рис., 16). Общая длина наконечника 15,6 см, длина пера 11,4 см. Из майртупских погребений происходит и самый длинный (31 см) наконечник с вытянутой узкой листовидной головкой (рис., 14). Длина его головки 15 см, длина втулки 16 см. У двух наконечников из Ахкинчу Барзой и Майртупа длина пера немного превышает длину втулки — длина пера от 9,6 до 13,2 см, общая длина от

18 до 21 см (рис., 12, 13). У третьего соотношение противоположное — длина пера 7,8 см при общей длине 18 см (рис., 15).

Самая обширная коллекция бронзовых наконечников копий киммерийской поры происходит из Николаевского могильника, раскопанного в Адыгейской а. о. Анфимовым. Все наконечники однотипны, с пером листовидной формы, по всей длине которого проходит продолжение втулки. Втулка обычно круглого сечения, длинная, составляющая более трети длины наконечника, которая достигает от 13,5 до 20 см. Особо выделяется несколько наконечников с шестигранной втулкой (рис., 25, 26, 29—31), а также самый короткий наконечник — из погребения 18 (рис., 27) и самый крупный — из погребения 1 (рис., 17).

Отсутствие однообразия в деталях внешнего оформления бронзовых наконечников копий позволяет поставить вопрос о наличии нескольких самостоятельных центров, выпускавших оружие этого типа. Не противоречат такому заключению и результаты, полученные при изучении состава их металла. О многообразии химико-металлургического состава наконечников копий свидетельствуют аналитические данные, приведенные в таблице.

Фактически каждый регион имел свой набор металлургических рецептов с определенными количественными соотношениями между ними. Сплавы с добавками мышьяка (от 0,3 до 4%) преобладали (80%) только в районе обитания протомеотов (13% — оловянные бронзы; 7% — оловянно-мышьяковые). На территории Чечено-Ингушетии 58% падают на долю сложных оловянно-мышьяковых бронз при небольших расхождениях в долях между мышьяковыми (17%) и оловянными (25%). В Дагестане 60% наконечников отлиты из меди без каких-либо иных добавок, по 20% падает на долю медно-мышьяковых и медно-оловянно-мышьяковых рецептов.

Понять выявленные химико-металлургические своеобразия в каждом районе можно лишь при учете хронологических и типологических данных, а также всего процесса исторического развития местных культур, учитывая этнокультурные влияния и связи с окружающим миром.

Согласно разработанной хронологической шкале наконечник из Мугерганского могильника (рис., 5) датируется в пределах конца IX — первой половины VII в. до н. э.⁸ Сплавом для его изготовления послужила мышьяковая бронза, где содержание мышьяка достигало 1,3%. Мышьяковые бронзы в цветной металлообработке Дагестана в переходный период от бронзы к железу очень редки, в противоположность сплавам с добавками олова⁹. Из мышьяковых бронз в дагестанских селениях этой поры отливали мелкие украшения, многочисленные аналогии которым выявлены в комплексах периодов поздней и средней бронзы¹⁰, где они также сочетаются с мышьяковой рецептурой. Возможно, прав Котович, относящий комплекс с копьем к более раннему времени — не позднее X в. до н. э.¹¹

Иное распределение рецептов обнаруживает группа из четырех бронзовых наконечников копий, открытых в 1977 г. в Хосрехском святилище, датируемом Давудовым VIII — первой половиной VII в. до н. э.¹² Аналогии этим наконечникам он видит среди копий Николаевского комплекса. Но это справедливо только для небольшого втульчатого наконечника с листовидной головкой (рис., 1). Для трех других (рис., 2—4) этого сходства нет. На Северном Кавказе аналогии им найти трудно, но определенное сходство имеется с наконечниками культур бронзового века Поволжья (баланбашской, сейминско-турбинского горизонта). Вероятно, часть наконечников из Хосреха следует датировать более ранним (от середины II тысячелетия до н. э. и не позднее XII в. до н. э.) временем¹³. Типологические и, возможно, хронологические различия определенным образом сочетаются и с химико-металлургическими характеристиками. При анализах металла выявлено, что небольшой наконечник (рис., 1; ан. 28591) отлит из сложного сплава на медной основе, легированного оловом (2%) и мышьяком (0,9%). Подобные рецепты в да-

гестанской металлообработке в период раннего железа были представлены широко. Чисто медная рецептура трех других наконечников уникальна не только для дагестанского региона, но и для всей северокавказской металлообработки. Чисто медные сплавы отмечены для подобных изделий баланбашской культуры Поволжья, отлитых из меди ТК. Химические же показатели хосрехских наконечников резко отличны от поволжских, что не позволяет считать их импортными с севера. Вопрос о месте их производства следует оставить открытым.

Наконечники копий из разрушенных майртупских погребений (рис., 13–16) и Ахкинчу Барзой (рис., 12), датированные концом VIII–третьей четвертью VII в. до н. э.¹⁴, по форме листовидного пера ближе всего к части наконечников Николаевского комплекса (рис., 17–22), отличаясь от них лишь соотношением длины пера и втулки. Исключением является наконечник с прорезными лопастями (рис., 16), ближайшие аналогии которому имеются среди древностей ананьинской культуры¹⁵. Он отлит из сложной оловянно-мышьяковой бронзы с высоким содержанием микропримеси висмута (до 0,035%), что было весьма характерно для металла типа ВК¹⁶, но не для северокавказского (см. ан. 1004, 1005, 1007, 1008, 1013, 1021–1023, 1027–1031). Наконечник с прорезными крыльями следует считать импортным образцом, отлитым ананьинскими мастерами. О наличии устойчивых и развитых контактов в VIII–VII вв. до н. э. между населением двух территорий уже говорилось неоднократно¹⁷. Аналогичный химический состав зафиксирован и у майртупского, самого крупного среди изученных наконечников (ан. 31036), и у наконечника с «вильчатым» стержнем из Хосреха (ан. 28593).

Интересные и разнообразные вариации химико-металлургического состава выявлены при изучении коллекции Сержень-Юрта. Самая полная подборка аналогий этим изделиям приведена Козенковой¹⁸. Все они сведены в отдел II типа 1, а их генезис, за небольшим исключением, связан с формами, характерными для южного склона Главного Кавказского хребта с конца II тысячелетия до н. э. На территории распространения восточного варианта кобанской культуры наконечники связаны с комплексами конца IX – первой половины VIII в. до н. э. (рис., 8–11а). Два наконечника (рис., 6, 7) находят соответствия во фрако-иллирийских древностях¹⁹.

Особое внимание привлекает химико-металлургический состав меди наконечника копья из погребения 56 (ан. 30834). Он отлит из высокооловянной бронзы с содержанием олова 14%. В химическом составе его меди микропримеси свинца, сурьмы, мышьяка либо отсутствуют (мышьяк), либо представлены в тысячных долях процента (свинец, сурьма), но высоки (сотые доли процента) содержания никеля-кобальта. Наиболее близкие соответствия металл этого наконечника находит среди химической группы XI на территории Балкано-Карпатского региона²⁰. Необычность химико-металлургического состава данного наконечника тем более интересна, что она сочетается с оформлением втулки копья орнаментом типа «бегущей» волны. Подобные орнаментальные мотивы широко представлены в древностях фракийских культур предскифского периода²¹, что позволяет предположить изготовление наконечника в западных мастерских. Не противоречит этому и химический состав металла найденных с ним трубчатых псалиев и бляшки-лунницы (анализы хранятся в архиве кабинета спектрального анализа ИА).

С той же группой западного металла связаны и наконечники из погребений 6 (ан. 7057) и 42 (ан. 30761) – с орнаментированной втулкой. В отличие от наконечников копий, изделия, встреченные вместе с ними, отлиты по рецептам мышьяковых бронз из местного металла. Происхождение небольших копий Козенкова связывает с западными культурами фрако-иллирийского мира²². Однако это не предметы западного импорта, о чем свидетельствуют расхождения в составе их металла и западного металла наконечников с орнаментированной втулкой. В отличие от последних, копьё из погребений 70 и 75 отлиты из оловянно-мышьяковых

бронз, где содержания олова и мышьяка невысоки и представлены в интервале от 0,45 до 1,5% (ан. 30860, 30878). В химическом составе их меди нет примеси кобальта, этого своеобразного индикатора западной руды. В аналогичной производственной манере отлиты наконечники с раскованной втулкой (ан. 7056) из слоя поселения, наконечник с двумя валиками на втулке (ан. 11713) из погребения 39 Сержень-Юрта и наконечник из могильника Ахкинчу Барзой (ан. 16427). Отметим повышенные (0,05%) содержания примеси висмута в меди наконечника из могилы 70 (ан. 30860), что объединяет ее с металлом наконечника с прорезными крыльями, отлитого из сырья ВК. Может быть, и наконечник из Сержень-Юрта происходит из Волго-Уралья, где ему есть определенные типологические соответствия среди сейминских бронз²³.

Полученные данные о многообразии составов металла наконечников копий, найденных в памятниках восточных кобанцев, могут свидетельствовать о наличии нескольких производственных центров. Местными изделиями следует считать копия, отлитые из оловянно-мышьяковых бронз без микропримесей кобальта и висмута (ан. 7056, 30878, 16427, 11713). Из западных центров (балкано-карпатских) попали на территорию Чечено-Ингушетии наконечники копий, отлитые по рецептам оловянных бронз из руды, насыщенной микропримесями кобальта и никеля, но обедненной свинцом, сурьмой, мышьяком. Определенные связи были налажены и с обитателями Волго-Уралья (ан. 31038). С кругом волго-уральского металла связан состав наконечников из Майрхута (ан. 31036) и, возможно, из погребения 70 Сержень-Юрта (ан. 30860). Изделия из сырья ВК отлиты по рецептам оловянно-мышьяковых бронз, но в их химическом составе отмечены повышенные (0,035–0,05%) содержания висмута. Редки мышьяковые бронзы, из которых отливо всего два наконечника из Майрхута (ан. 31037, 31039). Их производство можно связать с протомеотскими центрами, чему не противоречит и их типология.

Появилась возможность уточнить сведения о составе металла Николаевского могильника, предварительные результаты исследования которого опубликованы Е. Н. Черных²⁴. Из 15 исследованных наконечников 12 были отлиты из мышьяковых бронз со средним содержанием мышьяка от 0,3 до 4%. Аномалии в химическом составе меди наконечников позволяют выделить из общей коллекции пять образцов с пониженными концентрациями серебра (ан. 1003–1005, 1007, 1008). Для металла протомеотских древностей подобный геохимический состав не характерен. Отмеченные расхождения в составе меди определенным образом коррелируют с морфологическими деталями: пониженные концентрации серебра зафиксированы у большинства наконечников с граненой втулкой (рис., 17, 22, 23, 26, 31). Последний признак не отмечен в синхронных коллекциях иных территорий, что и позволило назвать его специфически протомеотским²⁵. Хотя местные мастера-литейщики работали с сырьем различных источников, они не нарушали при этом общей рецептуры, что хорошо подтверждается сходством геохимических и металлургических данных и у наконечников с круглой втулкой, и у трех наконечников с граненой втулкой. Лишь трижды была нарушена рецептурная стандартность (рис., 19, 21, 27), когда вместо мышьяковых бронз использовались оловянные, где концентрации олова достигают 7,6%, а мышьяка — не выше 0,2% (ан. 1030, 10647), и оловянно-мышьяковые, где олова — 1,5%, а мышьяка — 0,9% (ан. 1031). Последний рецепт отмечен у самого маленького из всех наконечников (рис., 27). Сопоставление химико-металлургического состава копий Николаевского могильника с остальным металлом протомеотского очага подтвердило выводы А. А. Иессена о возникновении на Северном Кавказе собственных металлургических очагов и о местном производстве наконечников копий, одновременно появляющихся во многих районах нашей страны²⁶.

- ¹ *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник у с. Николаевского.— В кн.: Сб. материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961, т. II, с. 103 сл.
- ² *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 142—146.
- ³ *Ковпаненко Г. Т.* Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы.— КСИА АН УССР, 1962, 12.
- ⁴ *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с карпато-дунайским миром.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 56—58; *Она же.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры.— САИ, 1982, вып. В2-5, с. 17—19.
- ⁵ *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982, с. 97, 98.
- ⁶ *Давудов О. М.* Хосрехское святилище.— В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980, с. 277.
- ⁷ *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII—VI вв. до н. э. М., 1977, с. 183—197.
- ⁸ *Давудов О. М.* К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. Махачкала, 1968, с. 13; *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане.— В кн.: Тез. докл. на науч. сессии Ин-та ист., яз. и литер. Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 31; *Она же.* Мугерганский могильник.— В кн.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1973, т. III, с. 41—50.
- ⁹ *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. [Рукопись]. Архив ИА, Р-2, № 2130, рис. 12, с. 28, 51.
- ¹⁰ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 29.
- ¹¹ *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития..., с. 98.
- ¹² *Давудов О. М.* Хосрехское святилище, с. 280, 283.
- ¹³ *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, рис. 45, 4, 5, 7; 46, 4, с. 124.
- ¹⁴ *Дударев С. Л.* Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983, с. 15.
- ¹⁵ *Халиков А. Х.* Волго-Камье..., с. 185—188.
- ¹⁶ *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия..., рис. 24.
- ¹⁷ *Кузьминых С. В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977, с. 17; *Халиков А. Х.* Волго-Камье..., с. 181, 228.
- ¹⁸ *Козенкова В. И.* Типология..., с. 18 сл.
- ¹⁹ *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа..., с. 56—58.
- ²⁰ *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978, с. 179, табл. IV, 2; *Он же.* Древнейшая металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976, с. 24—58, рис. 3—21.
- ²¹ *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979, с. 22, рис. 2, 4, с. 70, 71, 84, 85.
- ²² *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа..., с. 59.
- ²³ *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия..., рис. 45, 15.
- ²⁴ *Черных Е. Н.* Спектральные исследования бронзовых предметов из Николаевского могильника.— В кн.: Сб. материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972, т. III, с. 60 сл.
- ²⁵ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 144.
- ²⁶ *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка..., с. 31—34; *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце бронзового века.— МИА, 1951, 23, с. 111—114, 120—122.

ПУБЛИКАЦИИ

Ю. С. ГРИШИН

О НЕКОТОРЫХ МЕДНО-БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ
ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
СО СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

В Канском и Енисейском музеях Красноярского края хранятся малоизвестные широкому кругу специалистов металлические изделия. Некоторые из них могут иметь большое значение в исследовании местных лесостепных и южных таежных среднеенисейских памятников эпохи бронзы и раннего железа. К ним следует прежде всего отнести два медно-бронзовых кинжала из Канского музея (инв. № 2517) со своеобразными навершиями (рис., 1, 2). Облик обоих кинжалов в целом карасукский. Форма в основном одинакова: они имеют прямую плоскую рукоять и клинок с продольным валиком без выделенного перекрестия. Но при этом навершие одного из них представляет кольцо с гвоздевидными выступами, а другого — две изогнутые в противоположные стороны, очень схематические, без деталей, головки животных с двумя выступающими ушами над каждой из них. Кинжал с навершием в виде головок животных, в отличие от первого, производит впечатление имитации вставления клинка в рукоять. На известных сибирских кинжалах карасукских типов, а также и на более поздних тагарских такие навершия не встречены¹. Кольцевидные навершия с гвоздевидными выступами среди южносибирских бронз фиксируются лишь на ножах карасукских форм, а на котлах «скифского» типа они исполняли роль ручек. Навершия в виде двух головок животных, обращенных в противоположные друг от друга стороны, вообще неизвестны. Можно признать близкими к ним некоторые ножи и кинжалы карасукских форм (из Минусинской котловины, Канской лесостепи и Забайкалья), но с одной головой животного, также несколько изогнутой в сторону. Возможно, рассмотренные кинжалы принадлежат к формам, характерным для малоисследованной лесостепной области среднего Енисея изучаемого времени.

Два других медно-бронзовых предмета (Канский музей, инв. № 1217; Енисейский музей, инв. № 281) явно относятся к культовым принадлежностям. Предмет из Канского музея — антропоморфная личина типа так называемых шаманских изображений (рис., 3). Это массивная плоская пластинчатая статуэтка на округлой подставке. Все выступающие детали выражены только с одной стороны, другая сторона плоская. Выпуклыми линиями выделены нос, глаза, рот и уши, а от головы отходят три вертикальных, иногда несколько изогнутых рога. Руки переданы в виде трех сравнительно узких стерженьков, причем вдоль вытянутых рук с каждой стороны изображены по три стоящие или находящиеся в движении очень схематичные фигурки животных. Боковые края личины, а также ее рога окаймлены выступающими шипами-зубцами. Тожественные изображения неизвестны. Однако антропоморфные фигуры такого же рода появились в Сибири еще в эпоху бронзы и начальных ступеней железного века и встречены в виде рисунков наскальных или нанесенных на ме-

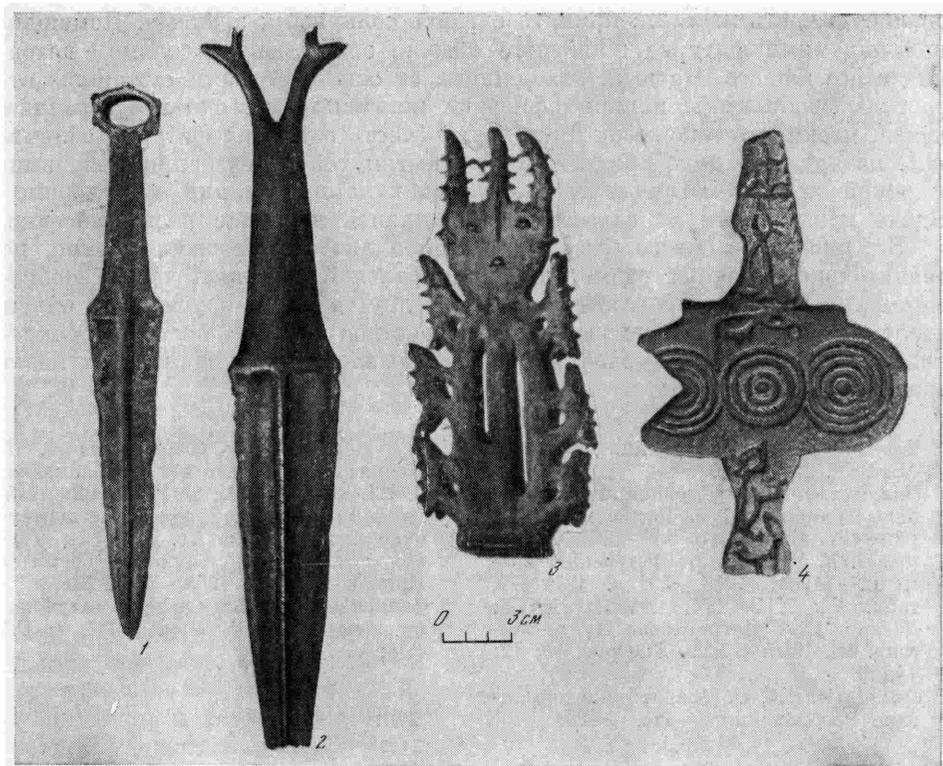

Рис. Медно-бронзовые кинжалы (1, 2) и культовые предметы (3, 4) со среднего Енисея

таллические изделия, а также в виде самостоятельных медно-бронзовых отливок². Последние имеют форму либо отдельных голов, либо головы с туловищем, с рогами или без них. Иногда они также бывают украшены схематическими фигурками животных, а отдельные их части — выступами-зубчиками³. Украшение шипами-зубчиками, судя по имеющемуся материалу, характерно прежде всего для районов, примыкающих к среднему течению Енисея⁴. Рассмотренная здесь личина из района Канска — еще одно немаловажное свидетельство в пользу этого. Антропо-зооморфный ее характер может указывать на сильное воздействие тотемистических воззрений, поскольку скорее всего она, как и ряд близких сибирских изображений, воплощает духа-предка⁵.

Изделие из Енисейского музея представляет неудачно отлитый и значительно поломанный массивный плоский крестообразный предмет. С одной стороны углубленными линиями изображены три расположенных рядом concentрических круга и пять схематических фигурок животных с ясно очерченными головами и туловищами, иногда с несколько свисающими животами. Уши или рога и хвосты, как и тулово одного из животных, обозначены только линиями, без выделения очерченного внутреннего пространства (рис., 4). Близкие аналогии им неизвестны, и их хронологическое определение затруднительно, но характерен орнамент в виде вписанных друг в друга кругов. Особенно широко распространен такой орнамент в соседних районах Западной Сибири, где он встречается на многих бронзовых бляхах, зеркалах и эполетообразных застегках конца I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. Иногда на этих предметах нанесены различные рисунки, в том числе и животных, иллюстрирующие какие-то мифологические сюжеты⁶.

Есть основания связывать рисунок на рассматриваемом изделии с культом плодородия животных, бывших промысловыми объектами у жителей енисейской тайги. Concentрические круги, занимающие основную

овальную часть изделия, принято считать солярными знаками. Помещенная над ними фигурка животного обычно олицетворяет солнце — источник всего живого. На двух отходящих от основной части суженных отростках изображены попарно фигурки животных: на одном — у разных краев, несколько наискосок друг другу (часть одной из фигурок обломана), на другом — друг против друга, с вытянутой и опущенной мордами; у одной задние ноги — в виде перпендикулярных линий к туловищу. Вдоль края одного из отростков сохранились короткие косые насечки.

В Енисейском музее имеется подобное литое бронзовое изделие, но значительно меньших размеров. В центральной овальной части изображены линейные углубленные вписанные друг в друга круги, а на одном из отходящих от центральной части отростков (сильно поломан) сохранились переданные углубленными линиями часть туловища, нога и хвост животного.

¹ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976.

² Окладников А. П. Древнейшие шаманские изображения из Восточной Сибири. — СА, 1948, X, с. 203—225; Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени. — МИА, 1953, 35, с. 127—178, табл. VI; XII—XVI; XVIII; XXIV; Дэвелет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980, с. 225—233, рис. 10; 12; 14; 16.

³ Окладников А. П. Древнейшие шаманские изображения..., рис. 1—20.

⁴ Там же, рис. 7; 9; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. — МИА, 1955, 43, с. 294, рис. 145.

⁵ Окладников А. П. Древнейшие шаманские изображения..., с. 219—221; Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Прибые. — МИА, 1953, 35, с. 235.

⁶ Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени..., с. 136, табл. III, 7; IV, 3, 8; V, 1—4.

В. Ф. ГЕНИНГ, Л. Н. КОРЯКОВА

КОМПЛЕКС РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ЧУПИНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

В 1964 г. Уральской археологической экспедицией под руководством В. Ф. Генинга в Абатском р-не Тюменской обл. было раскопано поселение у с. Чупино¹, расположенное на мысу правого берега р. Ишим. Мыс высотой около 25 м с обрывистыми склонами ограничен с севера поймой Ишима, с юга — руслом р. Масла (рис. 1, I). В средней его части — канавообразное углубление, возможно, остатки древнего рва. Поверхность памятника имеет небольшой уклон к западу. Площадь поселения около 1,5 тыс. кв. м.

В раскопе на восточной площадке мыса обнаружены культурные остатки поздней бронзы, раннего железного века и средневековья. Стратиграфия раскопа не отличалась четкостью. Под дерном толщиной 10—15 см — культурный слой толщиной от 30 до 40 см, в центральной высокой части и на склонах — 20—25 см, в сооружениях — 50—60 см. Остатки сооружений наиболее четко фиксировались на уровне материка. Находки локализовались на северном, северо-восточном и южном участках раскопа, в границах построек.

Рассмотрим материалы раннего железного века, к которому относятся остатки двух жилищ, постройка неясного назначения и несколько ям (рис. 1, II). Эти объекты представляли собой углубления в материке с темно-коричневым пестроцветным заполнением. Сооружения эпохи бронзы и средневековья отличались заполнением серого и черного цвета (на рис. 1 они не нанесены).

Жилище 2 частично разрушено обрывом и более поздней постройкой. Углублено в материк на 10—15 см. Имело квадратную форму. Площадь сохранившейся части составляет 33—35 кв. м. К юго-восточной и восточной

Рис. 1. Чупинское поселение

I — топографический план (заштрихован раскоп 1964 г.);
 II — план раскопа; а — граница объектов; б — неясные очертания; в — канавка; г — керамика; д — столбовая ямка; е — прокол; жс — кости животных; з — край обрыва

стенкам котлована жилища примыкали углубления от коридорообразных выходов шириной 1,5—2 м. У юго-западной стенки находилось небольшое овальное углубление. На полу вдоль стенок котлована прослежены канавки шириной 15—20 см и глубиной до 10 см. В южной канавке зафиксировано несколько столбовых ямок.

Жилище 3, частично разрушенное обрывом, также имело, видимо, квадратную форму. Длина его около 6 м. Пол (на уровнях 0—10 см)² — ровный, с наклоном к северо-восточной стенке, уходившей в край раскопа. Здесь прослежены остатки канавки шириной 10 см и глубиной 5 см. В северо-западной стенке — небольшой овальный выступ. В центре и юго-восточном углу постройки на полу найдены слабо прокаленные пятна от двух очагов диаметром 30—35 см. Около стен отмечено несколько столбовых ямок.

Остатки постройки 1 округлой неправильной формы были зафиксированы в восточной части раскопа сразу под дерном. Котлован углублен в материк не более чем на 10 см, площадь — около 25 кв. м. С западной стороны примыкало коридорообразное углубление, теряющееся в обрыве. Поверхность пола имела небольшой уклон к западу. В центральной части на полу отмечено скопление столбовых ямок и маленькое очажное пятно с проколом в 5 см. В северо-восточном углу постройки расчищено скопление костей лошади и коровы:

В раскопе обнаружено также несколько столбовых ямок и открытых кострищ диаметром от 0,3 до 1 м, толщиной прокала от 5 до 10 см. В восточной части раскопа, между жилищами 2 и 3, зафиксированы следы канавки шириной около 30 см и длиной 1,5 м.

Жилища 2 и 3 принадлежали к типу наземных с бревенчатыми стенами, что подтверждается наличием канавок вдоль стен, куда укладывались бревна. Столбовые ямки в канавках и рядом с ними свидетельствуют, что бревна крепились вертикальными опорными столбами. Аналогичную конструкцию имели одно из жилищ Узловского поселения³ и некоторые постройки Лихачевского городища⁴. Постройка 1, видимо, имела каркасную конструкцию, о чем свидетельствует концентрация столбовых ям по периметру и в центре котлована. Наличие углубленных коридоров-выходов может рассматриваться как проявление довольно стойкой традиции, прослеживаемой в западносибирской лесостепи с первой половины I тысячелетия до н. э.

Основной материал из описанных сооружений — керамика, представленная фрагментами 15 круглодонных горшковидных сосудов с шейками (рис. 2; табл. 1). Черепки серого цвета различной интенсивности, плотные, с примесью песка и шамота в глине, обработка небрежная, обжиг неровный. Сосуды в основном большие, средний диаметр горла составляет 24,4 см, средняя высота шейки — 2,9 см. Выделяются сосуды с пря-

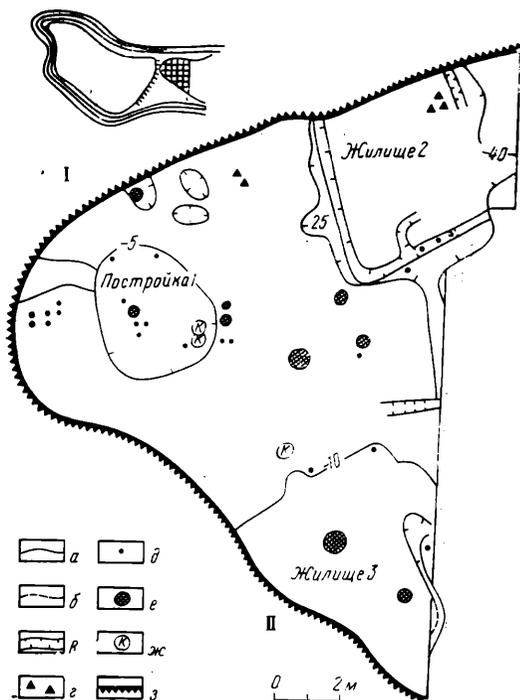

Таблица 1
Суммарная характеристика керамики

Показатели	Типы сосудов				Всего	
	I	II	III	IV	количество	%
Диаметр по венчику (в см)						
до 10	—	—	1	—	1	2
12—16	4	—	6	—	10	20
17—22	3	1	3	—	7	14
23—30	3	4	12	3	22	44
31—38	2	4	4	—	10	20
Примеси к глиняному тесту						
Песок, шамот	5	7	16	—	28	56
Шамот	7	2	10	3	22	44
Форма венчика						
Округлый	3	4	12	—	19	38
Плоский	5	3	5	2	15	30
Заостренный	4	2	9	1	16	32
Орнамент						
Только по венчику	1	1	2	—	4	10
По шейке	3	2	2	2	9	24
По плечу	6	4	6	1	17	45
По шейке и плечу	2	2	4	—	8	21
Без орнамента	1	2	9	—	12	24
Орнаментация						
Резная. I	10	5	14	2	31	81,6
Накольчатая. II	—	1	1	—	2	5,3
Ямочная. III	—	—	—	1	1	2,6
Гребенчатая. IV	1	1	2	—	4	10,5
Всего сосудов	12	9	26	3	50	100
%	24	18	52	6	100	

мой вертикальной шейкой (тип I); прямой отогнутой (тип II); дуговидно отогнутой (тип III); наклонной внутрь (тип IV). Кроме того, горшки различаются формой венчика — заостренного, округлого или плоского. Плоский венчик более характерен для сосудов типов I и IV, округлый чаще встречается у сосудов типов II и III.

Доля орнаментированной керамики в коллекции составляет 76% (38 сосудов). Преобладают резные узоры, реже встречаются накольчатый, ямочный и гребенчатый. Совместное употребление различных приемов орнаментации ни на одном сосуде не обнаружено. Орнаменты ленточного типа, узоры несложны, композиции чрезвычайно просты (рис. 3). Показатель насыщенности узора элементами рассчитывался через отношение общего количества элементов узора (52) к числу орнаментированных сосудов (38). Он невелик — 1,36. Наиболее часты прямые горизонтальные (рис. 3, 6) или косые (рис. 3, 1) насечки, сгруппированные в ряды. Попадаются однорядовые (рис. 3, 8, 9) или многорядовые (рис. 3, 11) горизонтальные «елочки». Два сосуда (рис. 2, 8) были украшены треугольными фестонами (рис. 3, 5). Орнаментальные зоны немногочисленны и традиционны: это венчик, шейка, плечико, степень орнаментации которых соответственно 10; 24 и 45%. Иногда узор покрывает шейку и верхнюю часть плечика (21%). Для этой зоны характерны зигзаги, «елочки», решетка. Наколы, ямки, ряды насечек встречаются чаще на плечике. Венчик орнаментирован резными насечками, но, как правило, в сочетании с другими зонами (таких сосудов 33). Исключение составляют пять фрагментов, украшенных только по венчику. На некоторых фрагментах днищ обнаружены беспорядочные наколы.

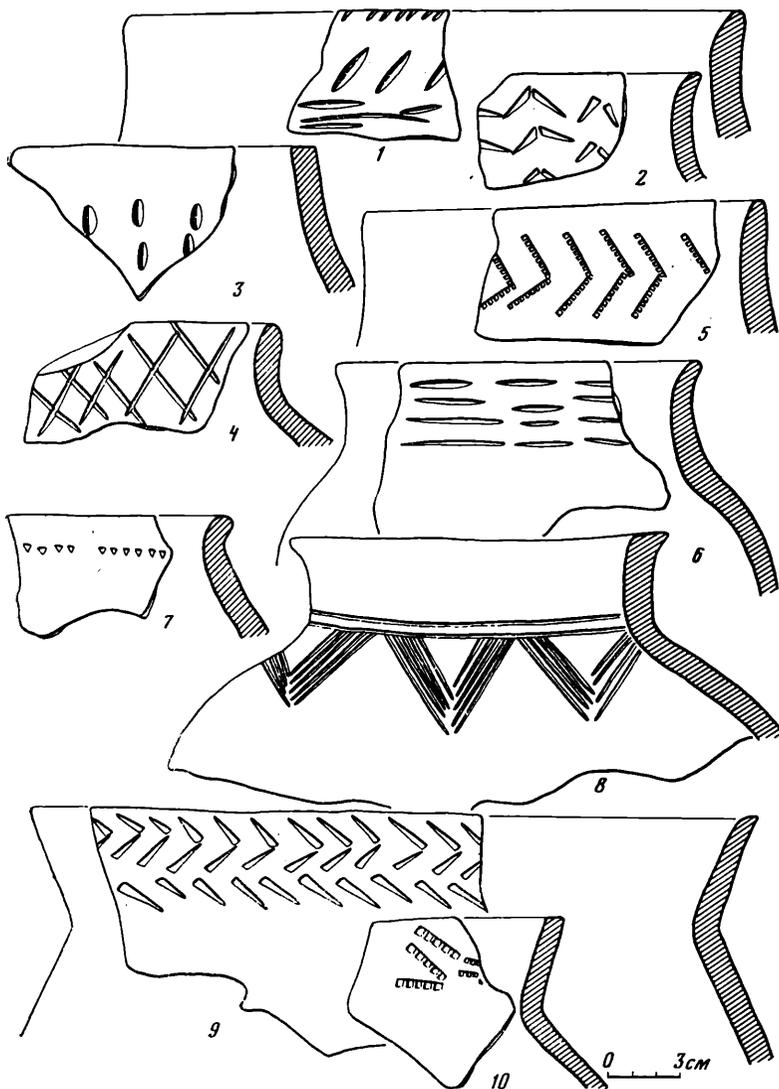

Рис. 2. Керамика Чупинского поселения (1—10)

Керамика раннего железного века Чупинского поселения во многом напоминает керамический комплекс Узловского поселения, расположенного на правом берегу среднего Ишима⁵. В коллекции из этого памятника В. Е. Стоянов выделил несколько керамических групп. Наиболее ранним, по его мнению, является комплекс группы III, происходящий из раскопа II, близкий керамике Лихачевского поселения (раскопки Генинга) и относящийся к началу раннего железного века. Керамика группы IV из раскопов I и II (нижняя и верхняя площадки) аналогична керамике речкинского типа, возраст которой определяется второй половиной I тысячелетия до н. э.—началом I тысячелетия н. э.⁶ Основываясь на типологических различиях и стратиграфических наблюдениях, Стоянов считает комплекс группы IV из раскопа II более ранним по отношению к таковому из раскопа I⁷. Несмотря на некоторые черты сходства, генетическая связь между комплексами групп III и IV (лихачевский и речкинский), по мнению Стоянова, отсутствует.

Учитывая это, сравним керамику Чупинского поселения с указанными комплексами. Для этого используем коэффициенты сходства, выражаемые суммой наименьших значений встречаемости (в %) сравниваемого признака⁸.

№	Элементы	Орнаментальные зоны			Всего	
		шейка	плечико	шейка, плечико	Количество элементов	%
1		1	8	—	9	17,28
2		2	—	—	2	3,84
3		—	1	—	1	1,9
4		—	1	—	1	1,9
5		—	2	—	2	3,84
6		9	—	6	15	29
7		3	—	1	4	7,7
8		—	2	1	3	5,8
9		1	—	—	1	1,9
10		1	—	1	2	3,8
11		—	—	4	5	9,65
12		—	1	—	1	1,9
13		—	2	—	2	3,84
14		—	1	—	1	1,9
15		—	3	—	3	5,8
Всего		18	21	13	52	100
%		35	40	25	100	

Рис. 3. Распределение элементов орнамента

Как следует из табл. 2 и рис. 4, абсолютное сходство между комплексами по ряду показателей суммарной характеристики сравнительно небольшое. В особенности это характерно для техники орнаментации, по которой сходство едва достигает 17%; для формы венчика, где близость оценивается 32%; для состава элементов узора — 30,38%. Наибольшее значение абсолютного сходства дает сравнение по диаметру горла — 64,7%, но этот показатель отражает скорее всего общность функциональной нагрузки посуды из поселений. Средний суммарный коэффициент сходства комплексов по всем показателям — 41,16% — указывает на отсутствие в целом культурного единства между ними.

В парных коэффициентах сходства, вычисленных по каждому показателю (рис. 5), выражается достаточно устойчивая закономерность. Наибольшее сходство обнаруживается между чупинской керамикой и керамикой группы IV Узловского поселения. Керамика группы III Узловского поселения отличается от них по всем показателям, главным образом по технике и элементам орнамента.

№	Элементы узора	Комплексы				Абсолютное сходство
		Чупино	Узлово, группа III	Узлово, группа IV, раскоп I	Узлово, группа I, раскоп II	
		1	2	3	4	
1		17,28	19,4	31,0	27,12	17,28
2		3,84		0,9	2,26	—
3		1,9	0,8	6,2	4,52	0,8
4		1,9	1,5	1,8	2,84	1,5
5		3,84	—	2,6	0,56	—
6						
7		36,7	—	10,6	—	—
8						
9		7,7	2,3	5,3	12,43	2,3
10		3,8	1,5	0,9	2,26	0,9
11		9,65	3,1	1,8	24,86	1,8
12		1,9	—	11,5	0,56	—
13		3,84	—	0,9	4,52	—
14		1,9	—	3,5	3,95	—
15		5,8	10,2	23,0	11,31	5,8
16		—	30,2	—	—	—
17		—	28,7	—	—	—
18		—	0,8	—	1,69	—
19		—	1,5	—	1,13	—
20	Всего	100 %	100 %	100 %	100 %	30,38 %

Рис. 4. Сравнение комплексов по элементам орнамента

Сравнение комплексов через средние суммарные коэффициенты сходства по всем показателям и по показателям типового состава, техники орнамента и элементам узора (рис. 6), ранжирование их от наибольшего значения (1) к наименьшему (6) дают две почти одинаковые последовательности (табл. 3; 4). Наибольшее сходство как по всем показателям, так и по каждому в отдельности объединяет комплексы обоих раскопов Узловского поселения. Чупинская керамика стоит ближе к узловскому комплексу группы IV раскопа I, имея в то же время самые низкие коэффициенты сходства с группой III Узловского поселения. С помощью критерия значимости 61,4 при уровне 0,8° выделяется группа наиболее связанных по суммарным коэффициентам комплексов: Чупино; Узлово, раскопы I и II.

Таким образом, на основе сходства керамики Чупинского поселения, не содержащего датировочного материала, с комплексом керамики раскопа I Узловского поселения, относящегося к концу I тысячелетия

Таблица 2

Сравнение керамических комплексов по показателям суммарной характеристики

Показатели	Комплексы				Абсолютное сходство всех комплексов
	Чупино	Узлово, группа III	Узлово, группа IV, раскол I	Узлово, группа IV, раскол II	
	1	2	3	4	
Диаметр горла (в см)					
До 10	2	3,5	9,4	7,4	2
12—16	20	8,7	7,5	15,5	7,5
17—22	14	12,2	20	26	12,2
23—30	44	57	38	29,6	29,6
31—38	20	15,8	14,5	13,4	13,4
Свыше 40	—	1,8	10,6	8,1	—
%	100	100	100	100	64,7
Форма венчика					
Округлый	38	8	47	31	8
Плоский	30	84	16	37	16
Заострен	32	8	37	32	8
%	100	100	100	100	32
Типовой состав					
Тип I	24	41	19	8	8
Тип II	18	14	7	8	7
Тип III	52	35	58	65	35
Тип IV	6	3	16	16	3
Тип V (чашевидные)	—	7	—	3	—
%	100	100	100	100	53
Орнаментированность					
С орнаментом	76	96	46	80	46
Без орнамента	24	4	64	20	4
%	100	100	100	100	50
Техника орнамента					
Резная. I	81,5	9	65,5	60,5	9
Накольчатая. II	5,3	9	7	19,4	5,3
Ямочная. III	2,6	33	18	12,5	2,6
Гребенчатая. IV	10,5	2,3	—	—	—
Сочетания I, II	—	—	—	4,8	—
I, III	—	40	9,5	1,9	—
II, III	—	6,7	—	0,9	—
%	100	100	100	100	16,9

Таблица 3

Сходство по типовому составу, технике и элементам орнамента

Комплексы	Ранги					
	1	2	3	4	5	6
	Узлово, группа IV, раскол I	Чупино Узлово, группа IV, раскол I	Чупино Узлово, группа IV, раскол II	Узлово, группа III	Узлово, группа III	Чупино Узлово, группа III
Узлово, группа IV, раскол II			Узлово, группа IV, раскол I	Узлово, группа IV, раскол II		

	1	2	3	4
1				
2	82,7			
3	76	77,5		
4	74,5	69,2	88	

	1	2	3	4
1				
2	46			
3	86	32		
4	93	53	79	

	1	2	3	4
1				
2	76			
3	84	64		
4	74	57	89	

	1	2	3	4
1				
2	80			
3	70	50		
4	96	84	66	

	1	2	3	4
1				
2	20,1			
3	73,4	43,5		
4	68,4	33,3	81,9	

	1	2	3	4
1				
2	32,2			
3	53,6	36,9		
4	55,6	40,7	59,2	

Рис. 5. Парные коэффициенты сходства комплексов (%)

1 — по диаметру горла; 2 — по форме венчика; 3 — по типовому составу; 4 — по орнаментированности; 5 — по технике орнамента; 6 — по элементам орнамента

Рис. 6. Суммарные средние коэффициенты сходства комплексов

1 — по типовому составу, технике и элементам орнамента;
2 — по всем показателям

	1	2	3	4
1				
2	42,7			
3	70,3	48,1		
4	66	43,6	76,7	

	1	2	3	4
1				
2	56,1			
3	73,8	50,6		
4	66,9	56,2	76,8	

Таблица 4

Сходство по всем показателям

Комплексы	Ранги					
	1	2	3	4	5	6
Узлово, группа IV, раскоп I		Чупино Узлово, группа IV, раскоп I	Чупино Узлово, группа IV, раскоп II	Узлово, группа III	Чупино Узлово, группа III	Узлово, группа III
Узлово, группа IV, раскоп II				Узлово, группа IV, раскоп II		Узлово, группа IV, раскоп I

до н. э.— началу I тысячелетия н. э., можно сделать вывод о единстве их культурной и хронологической принадлежности. Ближе к ним примыкает комплекс группы IV раскопа II Узловского поселения. Группа III того же памятника выглядит обособленной, будучи связанной с ними самыми малыми коэффициентами, что должно свидетельствовать и о культурной обособленности.

¹ Коллекция хранится в Тюменском обл. краевед. музее.

² Все отсчеты глубин велись от условного 0, за который принята наиболее низкая точка раскопа, находившаяся на северном склоне мыса.

³ Стоянов В. Е. Узловское поселение.— ВАН, 1969, вып. 8, табл. 26.

⁴ Генинг В. Ф. Отчет о раскопках Лиха-

чевского поселения в 1964—1966 гг. Архив кафедры археологии Уральского гос. ун-та, ф. II, д. 47, 46 (жилища 3—6).

⁵ Стоянов В. Е. Узловское поселение, с. 65—89.

⁶ Стоянов В. Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного

века.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 249.

⁷ Стоянов В. Е. Узловское поселение, с. 84—88.

⁸ Генинг В. Ф. Программа статистиче-

ской обработки керамики.— СА, 1973, № 1, с. 132.

⁹ Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда.— ВАУ, 1975, вып. 13, с. 61.

Ю. Е. ВОСТРЕЦОВ

РАСКОПКИ ЖИЛИЩ КРОУНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСЕЛЕНИИ КИЕВКА В ПРИМОРЬЕ

В течение ряда лет Лазовский археологический отряд Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР проводил раскопки на поселении Киевка. Памятник расположен в таежной зоне, в нижнем течении р. Киевка, на обрывистом мысу.

Поселение многослойное. Выделено четыре культурных горизонта: ранний слой III—II тысячелетий до н. э.; слой янковской культуры железного века; слой кроуновской культуры; поздний слой второй половины I тысячелетия н. э. По мнению большинства исследователей, существование кроуновской культуры, представляющей в Приморье конечный этап раннего железного века, хронологически определяется второй половиной I тысячелетия до н. э.— рубежом нашей эры.

Полученные на поселении Киевка материалы, при изучении которых был применен ряд специальных методов, таких как флотация культурного слоя, дендрологический, карпологи́ческий и трасологи́ческий анализы*, позволяют сделать некоторые выводы относительно архитектуры и планировки жилищ, хозяйственной деятельности их обитателей и режима заселения памятника.

На поселении раскопано шесть погибших в результате пожара жилищ кроуновской культуры площадью от 10,5 до 26 кв. м. (рис. 1). Жилища располагались на уплощенной вершине мыса и северо-западном пологом склоне. Стратиграфия их одинакова и выглядит следующим образом: 1) дерн мощностью 8—12 см; 2) мешаный слой желто-коричневого суглинка, содержащий остатки всех культурных отложений, мощностью от 10 до 60 см; 3) рыхлый коричневый суглинок мощностью от 10 до 40 см (заполнение), насыщенный в нижней части карбонизированными остатками балок, жердей, плаха, веток и семян растений; 4) материк — желтый суглинок.

Все жилища имели прямоугольный котлован глубиной от 10 до 40 см. Вход коридорного типа шириной 1—1,2 м прорезали в одном из бортиков, со стороны наиболее удобного спуска к реке. В центральной части котлованов — четыре или шесть ям от столбов глубиной 30—40 см и диаметром 15—20 см. Ямы в плане образовывали квадрат или прямоугольник со сторонами, параллельными бортикам котлована. Скопление неглубоких ямок малого диаметра прослеживается на противоположной от входа части пола, около очагов и на бортиках котлованов жилищ.

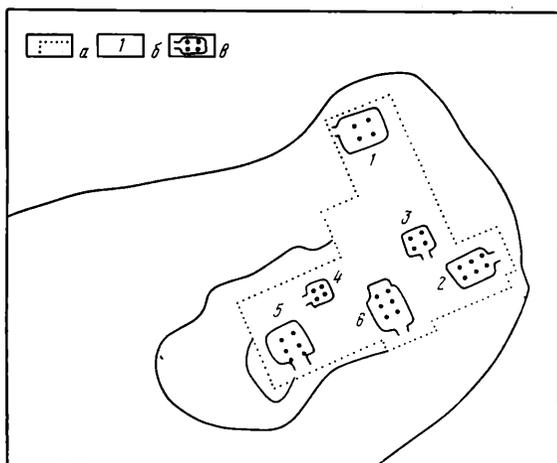
В каждом жилище было по одному или чаще по два различных по величине очага, расположенных по обе стороны от входа. Скопления крупных хранилищных или мелких сосудов свидетельствуют об одновременном хозяйственном использовании обоих очагов, но большие очаги предназначались еще и для обогрева, на что указывает присутствие каменных отопительных сооружений типа кана.

Исследователи кроуновской культуры отмечают несколько ступеней в техническом развитии кановой отопительной системы, которые просле-

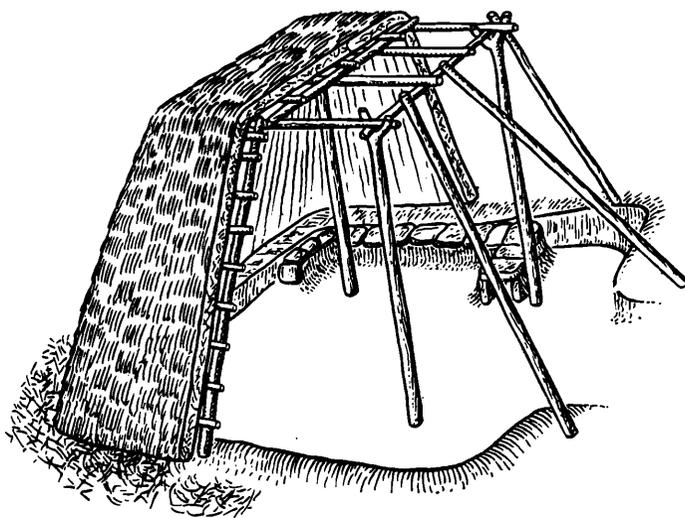
* Ботанические определения произведены на кафедре ботаники ДВГУ; трасологические определения сделаны Н. А. Кононенко.

Рис. 1. План поселения Киевка

a — границы раскопа;
b — номера жилищ;
в — бортики котлованов жилищ и
ямки опорных столбов

Рис. 2. Вариант архитектурной реконструкции жилища 4 на поселении Киевка

живаются на приморских памятниках¹. В жилищах поселения Киевка (кроме жилищ 5 и 6, где каналы не обнаружены) встречены сооружения двух типов, представляющих различные этапы эволюции этой отопительной системы. Ранний этап мы наблюдаем в жилищах 1 и 2, где отопительное сооружение имеет одно колено в виде отходящего от очага канала, образованного вертикально поставленными каменными плитами. Другой, более развитой тип — в жилищах 3 и 4, где канал канала образован двумя или тремя (жилище 4) коленами, протянувшимися от очага вдоль бортиков котлована (рис. 2). В жилище 3 завершение канала представляет мощное скопление карбонизированных обломков, принадлежавших одному стволу ольхи толщиной 25—30 см. В обломках прослеживаются только поздние годовые кольца. Это дает основание предполагать, что ствол был полым и служил, вероятно, трубой. Этнография Приморья и Приамурья дает примеры подобного оформления трубы для канала².

Несмотря на конструктивные различия, очажные сооружения поселения Киевка демонстрируют развитие одной технической идеи, которая, приняв классическую форму, известную по материалам средневековья³ и этнографического времени⁴, была перенята и развита последующими культурами⁵.

Перечисленные конструктивные детали позволяют воссоздать основные архитектурные формы раскопанных жилищ. Обращаясь к этногра-

фическим данным по Восточной Азии, мы видим, что жилища имели аналогичную систему столбов в центральной части котлована, соединявшихся по периметру горизонтальными балками, образующими прямоугольный венец, который вместе со столбами выполнял роль несущих конструкций. Стены жилищ, судя по карбонизированным остаткам, состояли из наклонно стоящих жердей толщиной 6–8 см, нижний конец которых опирался на бортик строения, где прослеживаются ямки малого диаметра, а верхний ложился на венец.

Таким образом, перед нами каркасное жилище в форме четырехугольной пирамиды, аналогичной нивхскому торифу (рис. 2)⁶. Подобные варианты каркасной архитектуры известны на территории Приморья, а также и всей Восточной Азии от неолита⁷ до этнографического времени⁸.

Присутствие в некоторых жилищах двух очагов, даже принимая во внимание, что тяга одного из них осуществлялась через дымоходный канал кана, позволяет предположить существование отверстия для выхода дыма в крыше. Одновременно оно могло служить световым окном. Кановая конструкция даже в такой развитой форме, как у этнографических народов Приморья и Приамурья, не обеспечивала полный выход дыма через дымоходные каналы, что вынуждало оставлять отверстие в крыше⁹.

Внутренняя планировка жилищ имеет много схожих черт, наиболее общей из которых является деление площади на жилую и хозяйственную части. Хозяйственная половина всегда занимает пространство у входа, жилая — противоположную. На хозяйственной части по одной или обеим сторонам от входа располагаются очаги, основания канов, крупные хранилищные сосуды (иногда вкопанные) и скопления различных орудий домашних промыслов: тесла, терочки по твердому и мягкому материалам, ложила по керамике и коже, шлифовальные камни, абразивы, грузила и в некоторых случаях каменные жатвенные ножи. Здесь же наблюдается наибольшая концентрация карбонизированных остатков дикорастущих, а в жилищах 2, 5, 6 — и культурных растений.

На жилой половине прослеживаются остатки сооружений из ивовых веток, типа нар, встречаются скопления мисковидных сосудов, биконические светильники, пряслица.

В зимних жилищах нивхов, нанайцев, ульчей и айнов площадь также делится на две примерно равные части — жилую и хозяйственную. Выделение значительной площади под хозяйственные нужды объясняется необходимостью перенесения в зимнее время многих видов хозяйственной деятельности в жилище. О зимнем предназначении жилищ поселения Киевка свидетельствует и наличие кановой отопительной системы. Все это, однако, не исключает возможности летнего использования жилищ.

Рассмотрим данные, касающиеся этапов заселения памятника и хозяйственной деятельности его обитателей. Этапы заселения нашли отражение во взаиморасположении и материалах из жилищ. Близкое расположение котлованов жилищ 2 и 3, а также жилищ 4 и 5 свидетельствует, видимо, об их одновременности. В жилищах 1, 2, 5, 6 кановая отопительная система отсутствует или неразвита. Но уже в жилищах 3 и 4 она принимает совершенный для того времени вид. Аналогичные по техническим традициям и сложности каны обнаружены только на поселении о. Петрова, недалеко от устья р. Киевка¹⁰.

Остатки хозяйственной деятельности дополняют эту картину. В жилищах 1, 2, 5, 6 были обнаружены зерна ячменя, проса, сопутствующих сорняков и немногочисленные остатки семян и плодов дикорастущих растений из семейства крестоцветных и бобовых, а также скорлупа манчжурского ореха. В жилищах 3 и 4 не обнаружено ни культурных растений, ни сопутствующих им сорняков. Но наблюдается значительное увеличение массы и видового разнообразия дикорастущих растений, многие из которых съедобны или полезны.

Перечисленные данные позволяют предположить, что поселение Киевка заселялось носителями кроуновской культуры по меньшей мере дважды. К первому этапу заселения можно отнести жилища 1, 2, 5, 6, ко второму — жилища 3 и 4.

Отсутствие в жилищах второго этапа культурных растений и сорняков может иметь два объяснения. Согласно первому, они просто не были обнаружены. Согласно второму, население на втором этапе отказалось от земледелия. Возникает вопрос, по какой причине и какое направление хозяйственной деятельности могло стать альтернативой земледелию. Причиной отказа от него могла быть либо неблагоприятная для земледелия экологическая ситуация, характерная для всей прибрежной зоны Приморья¹¹, либо наличие условий для промысла проходного лосося, что служило менее трудоемким и более надежным источником пищи, способным конкурировать с земледелием¹².

К числу неблагоприятных факторов можно отнести короткий, по сравнению с другими районами Приморья, вегетативный период, тепло- и гидрорежим, способствующий развитию грибковых заболеваний у злаков¹³, незначительная площадь пригодных для земледелия почв и их низкая продуктивность.

Подтверждением того, что кроуновское население в прибрежной зоне отказалось от земледелия, может служить существование постоянных поселений на берегу моря и островах, где этот вид хозяйственной деятельности представляется маловероятным.

Таким образом, изучение жилищ на поселении Киевка позволяет предположить существование двух этапов заселения, которые в рамках одной культурной традиции демонстрируют два направления хозяйственной деятельности, сформировавшихся как результат адаптации к данной экологической ситуации.

¹ Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1969, с. 16, 17.

² Лопатин А. И. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922, с. 82.

³ Шавакунов Э. В. К характеристике жилищ чжурчженей по материалам археологических исследований 1963—1966 гг.— В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973, с. 72—89.

⁴ Смоляк А. В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966, с. 71; Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899, т. 2, с. 18.

⁵ Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, с. 280.

⁶ Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья Сахалина (се-

редина XIX — начало XX в.).— В кн.: Сибирский этнографический сб., III (ТИЭ, 1961, нов. сер., т. XIV), с. 109.

⁷ Chang K. C. The Continuing Quest for China's Origins.— In: Archaeology. N. Y., 1977, v. 30, N 2, p. 149.

⁸ Шренк Л. Указ. соч., с. 11—13; Таксами Ч. М. Традиционная и современная культура рыболовов советского побережья Тихого океана. М., 1973, с. 7.

⁹ Шренк Л. Указ. соч., с. 13.

¹⁰ Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Древнее поселение на о. Петрова.— В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979, с. 9.

¹¹ Качияни А. И. Почвы земледельческих районов Дальнего Востока. Хабаровск, 1954, с. 117.

¹² Кабо В. Р. У истоков производящей экономики.— В кн.: Ранние земледельцы. Л., 1980, с. 79.

¹³ Глуздовский В. Е. Географический очерк Приморской губернии. Владивосток, 1923, с. 9.

КАМЕННЫЙ И КОСТЯНОЙ ИНВЕНТАРЬ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Янковская культура раннего железного века Приморья (I тысячелетие до н. э.) известна по многочисленным разведанным и раскопанным памятникам. Территория ее распространения — южная часть Приморского края. Основная масса памятников тяготеет к прибрежной зоне. Внешний признак большинства поселений — мощные скопления раковин моллюсков. Поселения содержат не только жилища и хозяйственно-производственные сооружения, но и погребения, которые не представлены более ни в одной древней культуре Приморья. Археологические комплексы включают железные и бронзовые предметы, сотни каменных изделий, прекрасно изготовленные изделия из кости, десятки тысяч фрагментов керамики и серии целых сосудов.

Культуры раннего железного века юга Дальнего Востока, в том числе и янковская, характеризуются малым количеством изделий из железа и бронзы. Вместе с тем железные предметы составляют устойчивый комплекс на каждом раскопанном поселении и образуют серии однотипных предметов. Ведущие среди них — орудия для обработки и копки земли. Изделия из бронзы единичны, но на каждом памятнике десятками найдены шлифованные поделки из камня, имитирующие литые бронзовые кинжалы и наконечники копий. Другие особенности янковской культуры — господство каменных орудий, расцвет техники шлифования и развитие костяной индустрии.

Статья посвящена анализу каменной и костяной индустрии янковской культуры. В основу положены материалы поселений Славянка I, Чапаево, Малая Подушечка (нижний слой), Валентин-перешеек, раскопанных Ж. В. Андреевой¹, и опубликованные материалы поселения на полуострове Песчаном². Коллекции этих памятников были подвергнуты технико-морфологическому и трасологическому изучению, что позволило выяснить ряд вопросов, связанных с особенностями янковской культуры.

История изучения янковской культуры насчитывает около 100 лет. В начальный период ее исследования были даны лишь описательные характеристики инвентаря. Первая попытка типологической классификации была предпринята А. И. Разиным³ и Л. Н. Иваньевым⁴. Ими поставлен вопрос о единстве материальной культуры группы памятников, имеющих ряд общих признаков. Янковскую культуру датировали неолитом.

В 50-е годы сделана первая квалифицированная сводка по инвентарю и предложена его классификация⁵. Исследователи подчеркивали два признака инвентаря: 1) большое типологическое разнообразие каменных и костяных орудий; 2) типологическая выдержанность и устойчивость. Большое внимание было уделено шлифованным кинжалам и наконечникам копий, являвшимся ценным датирующим материалом и свидетельством знакомства с металлом.

С находками первых железных изделий на Песчаном представления о хронологии культуры изменились. Памятники культуры были отнесены к начальному этапу железного века⁶.

Итогом работ 50-х годов явилась характеристика внешних черт археологических комплексов янковской культуры. В 60—70-х годах акцент делается на выявление особенностей инвентаря янковской культуры⁷.

Хотя признаки культуры названы, но нет анализа их значимости, не установлена иерархия, нет характеристики культуры как комплекса признаков. Проведено лишь сопоставление отдельных признаков, вне зависимости от их значимости для сопоставляемых культур. Отсутствует анализ степени сходства и различий инвентаря отдельных памятников.

Поэтому необходимо привлечение специальных методик для исследования археологических комплексов памятников янковской культуры.

При анализе были применены принципы классификации, базирующиеся на данных технико-типологического и функционального анализа. Основными звеньями принятой классификации орудий и оружия согласно имеющимся разработкам⁸ являются классы, группы и типы.

Класс объединяет изделия, изготовленные из сходного сырья: металла, камня, кости. Под группой понимается совокупность типов, сходных по назначению. Тип рассматривается как определенная серия предметов одного назначения, сходных по основным технико-типологическим признакам.

Исходя из принципов данной классификации для каждого из исследуемых памятников составлены «типлисты» с учетом количественных и процентных показателей, которые позволили выявить характерные, специфические и малозначимые элементы комплексов. Опираясь на имеющиеся разработки, основанные на массовых коллекциях⁹, для памятников янковской культуры введены понятия «основные, характерные, второстепенные и малозначимые типы». Под основными понимаются образцы, составляющие в коллекции более 15% от класса, под характерными — от 5 до 15%, под второстепенными — от 1 до 5%, под малозначимыми — менее 1%. В соответствии с изложенным рассмотрим комплексы названных памятников.

Славянка I. Общее количество изделий из камня и кости, сведенных в «типлист», составляет 166 единиц. Выделяются 22 типа орудий со следами первичной и вторичной обработки и четкими морфологическими признаками, которые могут рассматриваться в качестве определяющих. Основными и характерными типами изделий из камня на поселении являются наконечники стрел удлинненно листовидной формы с многогранным сечением; топоры и тесла, прямоугольные в сечении; дротики с листовидным пером и узким насадом; копья с треугольным пером и широким насадом; черешковые ножи с асимметричным клинком. Среди изделий из кости характерны составные части рыболовных крючков; удлинненно листовидные наконечники стрел; шиловидные и игловидные острия. Менее распространены такие типы каменных орудий, как удлинненно листовидные стрелы с плоско-овальным сечением; копья с листовидным пером и узким насадом; кинжалы с утолщенной рукояткой без перекрестия; кинжалы с Т-образным навершием и намечающимся перекрестием; долота прямоугольной формы; четырехугольные и полулунной формы ножи; грузила с желобком; трапециевидные куранты; съемные наконечники гарпунов. Малозначимы дротики с листовидным или треугольным пером и широким насадом, а также кинжалы с намечающимися навершием и перекрестием. Дополняют комплекс два ретушированных наконечника стрел из обсидиана и сланца. Изделия из металла не встречены.

Песчаный. Классификация инвентаря поселения проведена на основе опубликованных материалов¹⁰. Инвентарь поселения — 1625 единиц, в том числе восемь предметов из металла, 137 — из кости и 1480 — из камня. В комплекс памятника входит 26 типов изделий из камня и 11 — из кости. Характерными и ведущими являются удлинненно листовидные наконечники стрел с многогранным сечением; грузила с двумя выемками; тесла, прямоугольные в сечении; костяные шиловидные, игловидные и массивные острия; острия-лопаточки; гарпуны с перехватом; костяные наконечники стрел удлинненно листовидной формы. Второстепенную значимость имеют каменные стрелы удлинненно листовидной формы с плоско-овальным сечением; долота прямоугольной формы; ладьевидные и трапециевидные куранты; роговые мотыги; составные рыболовные крючки; муфты-рукоятки; орнаментированные пластины. Поселение отличается большим количеством малозначимых типов (20). Разнообразны формы наконечников стрел, дротиков и копий. В целом эти формы типичны для янковской культуры. К числу малозначимых типов на памятнике относятся кинжалы трех форм, аналогичных кинжалам Славянки I; четырех-

Таблица
Встречаемость типов изделий янковской культуры *

Классы	Типы	Наименование классов и типов	Славянка I	Песчаный	Чапаево	Малая По-душечка	Валентин-перешек
А	1	<i>Изделия из жгелева</i>	—	+	+	+	—
		Кельты, четырехугольные в сечении	—	+	—	+	—
Б	1	<i>Изделия из камня</i>	+	+	+	+	+
		Наконечники стрел удлинненно листовидные с многогранным сечением	а	а	а	в	—
		С плоско-овальным сечением	в	в	в	в	—
		С треугольным пером и широким насадом	—	г	—	г	—
		С листовидным пером и узким насадом	—	г	г	—	—
		Удлинненно ромбовидные с выемкой в основании и плоские в сечении	—	—	—	—	в
		Дротики с листовидным пером и узким насадом	б	г	г	—	—
		С треугольным пером и широким насадом	г	—	в	—	—
		Копья с треугольным пером и широким насадом	б	г	—	в	—
		С листовидным пером и узким насадом, плоские в сечении	—	—	—	—	г
		Кинжалы с углощенной рукояткой без перекрестия	в	г	—	г	—
		С Т-образным навершием и намечающимися перекрестиями	в	г	—	г	—
		С намечающимися навершием и перекрестием	г	г	—	—	—
		Тесла, прямоугольные в сечении	а	б	б	а	а
		Долота прямоугольной формы	в	в	в	в	—
		Тесла плечиковые, круглые в сечении	—	—	—	—	в
		Ножи четырехугольные	в	г	г	г	в
		Полулуны	в	г	г	б	—
		Черешковые «ножи-сапожки»	—	—	—	—	в
		Съемные наконечники гарпунов	в	в	в	—	—
		Грузила с желобком	в	г	в	—	б
		Грузила с двумя выемками	—	а	а	в	а
		Куранты трапецевидные и сегментовидные	в	в	в	в	—
		Оббитые скребла	—	г	—	—	в
Дисковидные рубящие орудия	—	—	—	—	г		
В	1	<i>Изделия из кости и рога</i>	+	+	+	+	—
		Игловидные острия	б	б	б	б	—
		Шиловидные острия	а	а	а	б	—
		Массивные острия	—	б	в	б	—
		Острия-лопаточки	—	б	в	—	—
		Составные части рыболовных крючков	а	в	в	—	—
		Гарпуны с перехватом	—	б	в	—	—
		Удлинненно листовидные наконечники стрел	а	б	—	б	—
		Роговые мотыги	—	в	в	а	—

Таблица (окончание)

Классы	Типы	Наименование классов и типов	Славянка I	Песчаный	Чапаево	Малая Подушечка	Валентин-перешеек
	9	Муфты-рукоятки	—	а	а	б	—
	10	Орнаментированные пластины	—	в	в	—	—
	11	Пластины без орнамента	—	г	в	б	—

* + — присутствуют; — — отсутствуют; а — основные — более 15%; б — характерные — от 5 до 15%; в — второстепенные — от 1 до 5%; г — малозначимые — менее 1%.

угольные и полулунные ножи; съёмные наконечники гарпунов; грузила с желобками; костяные неорнаментированные пластины; плечиковые долота; звездчатая палица. Последние два типа не имеют аналогий в описываемых памятниках, но известны по ранним сборам в музейных коллекциях. Комплекс памятника дополняется восемью наконечниками стрел и шестью ретушированными отщепами из кремнистых пород, а также тремя скребками и тремя наконечниками стрел, изготовленными ретушью на сколах со шлифованных орудий.

Чапаево. В коллекции поселения имеются два железных предмета. Общее количество изделий — 250 экз. Выделяется 23 типа предметов из камня и кости. Характерны для поселения удлинённо листовидные стрелы с многогранным сечением; грузила с выемками; тесла, прямоугольные в сечении; шиловидные и игловидные костяные острия; муфты. Второстепенны стрелы с плоско-овальным сечением; дротики с треугольным пером и широким насадом; съёмные наконечники гарпунов; прямоугольные долота; сегментовидные и трапецевидные куранты; грузила с желобком; массивные острия; острия-лопаточки; орнаментированные пластины; роговые мотыги; гарпуны с перехватом; муфты; составные рыболовные крючки; неорнаментированные пластины. Мало распространены стрелы и дротики с листовидным пером и узким насадом; четырехугольные и полулунные ножи. Встречен также ретушированный скребок на отщепе из кремнистого сланца.

Малая Подушечка. Поселение отличается большим числом изделий из металла: два обломка бронзовой пластинки; девять кельтов, четырехугольных в сечении; три насада удлинённо трапецевидной формы и пять обломков неясных форм. Характеризуют комплекс памятника четырехугольные и полулунные шлифованные ножи; прямоугольные в сечении тесла; роговые мотыги; игловидные, массивные и шиловидные острия; удлинённо листовидные стрелы из кости; неорнаментированные пластины. Мало распространены долота прямоугольной формы; удлинённо листовидные наконечники стрел с многогранным и плоско-овальным сечением; копья с треугольным пером и широким насадом; сегментовидные и трапецевидные куранты; грузила с двумя выбоинами. Редко встречаются стрелы с треугольным пером и широким насадом; кинжалы с Т-образным навершием и кинжалы с утолщенной рукояткой без перекрестия. При зачистке обнаружены нуклеус из черного обсидиана и скребок, оформленный на сколе со шлифованного орудия.

Валентин-перешеек. Поселение относится к валентиновской группе памятников, синхронной янковской культуре. Изделий из металла и кости здесь не обнаружено, а каменные орудия насчитывают немногим более 100. Памятник отличается меньшим количеством типов изделий, высоким процентом оббитых орудий. Основными и характерными типами здесь являются грузила с двумя выемками и желобком; прямоугольные в сечении тесла. Второстепенны черешковые ножи с **асимметричным клинком** («нож-сапожок»); плечиковые топоры, круглые в сечении; удлинённо ромбовидные стрелы; копья с треугольным и листовидным пером и узким длинным насадом; четырехугольные ножи; дисковидные рубящие орудия.

Анализ инвентаря памятников янковской культуры позволяет сделать ряд выводов как общего, так и частного порядка, характеризующих комплекс культуры. Общим признаком для янковской культуры является широкое использование камня для производства изделий при сравнительно большом удельном весе изделий из кости и незначительном распространении предметов из металла. Сравнительно много (более 12%) предметов из железа встречено лишь на поселении Малая Подушечка.

Характерны для культуры единичные находки ретушированных изделий из кремнистых и сланцевых пород, что указывает на сохранение архаичных традиций в технике изготовления орудий. Приемы и способы обработки камня и кости включают в себя оббивку, пикетаж, шлифование, пиление, сверление—традиционные приемы общеэпохального характера. Впервые в памятниках янковской культуры появляется своеобразный технический прием оформления наконечников стрел, копий, дротиков и кинжалов, заключающийся в двусторонней заточке пера с дополнительной уплощающей фаской заточки со стороны насада, придающих изделию две формы поперечного сечения: ромбическое у острия и шестигранное у основания. Правомерность выделения этого признака как культурно значимого подтверждается технико-морфологическими особенностями типов перечисленных категорий орудий, встречающихся во всех памятниках янковской культуры и не имеющих аналогий в других разнокультурных памятниках.

Беря за основу результаты классификации инвентаря по памятникам, мы составили таблицу взаимовстречаемости типов изделий.

Из анализа таблицы следует, что комплекс янковской культуры включает в себя 19 типов орудий из камня, 11 типов изделий из кости. Характерны для культуры типы железных кельтов. В целом сходство памятников янковской культуры проявляется в наборе типов изделий. Различия проступают в процентном соотношении типов, связанных с той или иной отраслью хозяйства на каждом конкретном поселении.

Своеобразен набор инвентаря поселения Валентин-перешеек. Дополняют отличительные особенности памятника отсутствие уплощающей заточки, оформляющей янковские наконечники стрел, дротиков и копий, преобладание в общей массе орудий, оформленных оббивкой, при малом проценте шлифованных. Все это позволяет говорить о культурном своеобразии памятников валентиновской группы янковской культуры.

Заканчивая характеристику инвентаря янковской культуры, отметим ряд важных моментов, способствующих выяснению вопроса о месте и значении ее для культурно-исторического периода, охватывающего период раннего железа Приморья.

Сравнительное сопоставление комплекса янковской культуры с памятниками и культурами, существовавшими в Приморье в эпоху бронзы и раннего железа, позволяет выделить ряд типов, которые появляются и бытуют только в памятниках янковской культуры, определяя ее. К ним относятся все типы наконечников стрел, дротиков и копий, а также каменные кинжалы, имитирующие бронзовые оригиналы, и съемные наконечники гарпунов с отверстиями для линя.

Ряд типов, впервые появляясь в янковской культуре, получает дальнейшее распространение в последующий период. Это грузила с желобком, железные кельты.

Некоторые формы изделий встречаются в более ранних памятниках, но расцвет и свое дальнейшее развитие получают в янковской и последующих культурах раннего железного века. В их число входят сегментовидные и трапециевидные куранты, первые находки которых фиксируются в памятниках неолита и бронзы¹¹. Долота прямоугольной формы эпизодически встречаются в памятниках III—II тысячелетий до н. э.¹² Прямоугольные в сечении тесла, впервые появляясь в Приморье в эпоху бронзы, становятся ведущими в янковской и последующих культурах¹³. Шлифованные ножи четырехугольной и полудлунной форм окончательно оформляются в янковской культуре, хотя появляются во II тысячелетии

до н. э.¹⁴ Зональный характер носят грузила с двумя выемками, рас пространенные с неолита до средневековья включительно. Все названные типы изделий убедительно свидетельствуют о древних технических традициях и взаимопреемственности ряда форм на протяжении длительного отрезка времени и указывают на местные истоки сложения янковской культуры.

В целом комплекс янковской культуры включает в себя устойчивое сочетание ряда признаков как специфических для данной культуры, так и имеющих аналогии в других, хронологически различных культурах Приморья. К специфическим же элементам данной культуры, определяющим ее своеобразие и особенность, относятся типы изделий, представленные в комплексах памятников, как правило, небольшим процентом и, следовательно, не являющиеся ведущими признаками, за исключением форм наконечников стрел. К ним принадлежат наконечники дротиков и копий; кинжалы; грузила с желобком; съемные наконечники гарпунов; костяные гарпуны с перехватом; составные рыболовные крючки, костяные наконечники стрел удлиненно листовидной формы.

¹ Андреева Ж. В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н. э.—VIII в. н. э.). М., 1977.

² Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.— МИА, 1963, 112.

³ Разин А. И. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива.— Советское Приморье, 1926, № 8.

⁴ Иваньев Л. Н. Археологические находки в окрестностях Владивостока.— СА, 1952, XVI.

⁵ Окладников А. П. Приморье в I тысячелетии до н. э.— СА, 1956, XXVI; Он же. Далекое прошлое Приморья: Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959; Андреев Г. И. Некоторые вопросы культур южного Приморья III—I тысячелетий до н. э.— МИА, 1960, 86.

⁶ Окладников А. П. Древнее поселение...

⁷ Андреева Ж. В. Приморье в эпоху пер-

вобытнообщинного строя..., с. 195—210; Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приморья. Владивосток, 1973, с. 208—253.

⁸ Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии.— СА, 1975, № 3.

⁹ Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР.— Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981.

¹⁰ Окладников А. П. Древнее поселение...

¹¹ Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия.— СЭ, 1969, № 2, с. 9.

¹² Кононенко Н. А. Рубящие шлифованные орудия поселения Валентин-перешеек.— В кн.: Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981, с. 22.

¹³ Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья..., с. 192.

¹⁴ Там же.

А. В. МАТВЕЕВ, Н. П. МАТВЕЕВА

САРГАТСКИЙ МОГИЛЬНИК У Д. ТЮТРИНА

(ПО РАСКОПКАМ 1981 Г.)

В 1981 г. Тюменская археологическая экспедиция начала работы в Среднем Притоболье. Основным объектом раскопок стал могильник у д. Тютрина, известный по описанию одного из первых исследователей древностей Притоболья И. Я. Словцова¹. Курганы расположены на левом берегу р. Тобол, между с. Бызово и д. Тютрина Упоровского р-на Тюменской обл. (рис. 1). В 80-х годах прошлого столетия Словцов отметил здесь около 20 насыпей. Т. Г. Гашева, осмотревшая памятник в 1963 г. (Суерка 2 по ее отчету), насчитала 18 курганов². С 1969 г. могильник интенсивно распахивается, и нам удалось обнаружить всего 10 насыпей, некоторые из них почти полностью сравнялись с окружающей поверхностью (рис. 1). Их высота составляет 0,2—0,5 м, диаметр—20—40 м. Единственный нераспаханный курган сохранился в северо-восточной части могильника, на самом краю террасы. Его диаметр 12 м, высота—1,95 м.

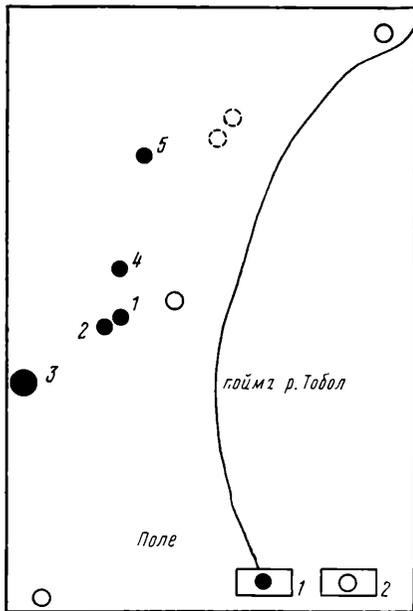

Рис. 1. План Тютринского могильника.

а — раскопанные курганы;
б — нераскопанные курганы

Раскопками исследовано пять насыпей, сложенных из чернозема. Под каждой из них — по два — семь погребений. Одна могила обычно располагалась в центре кургана, остальные — по периметру.

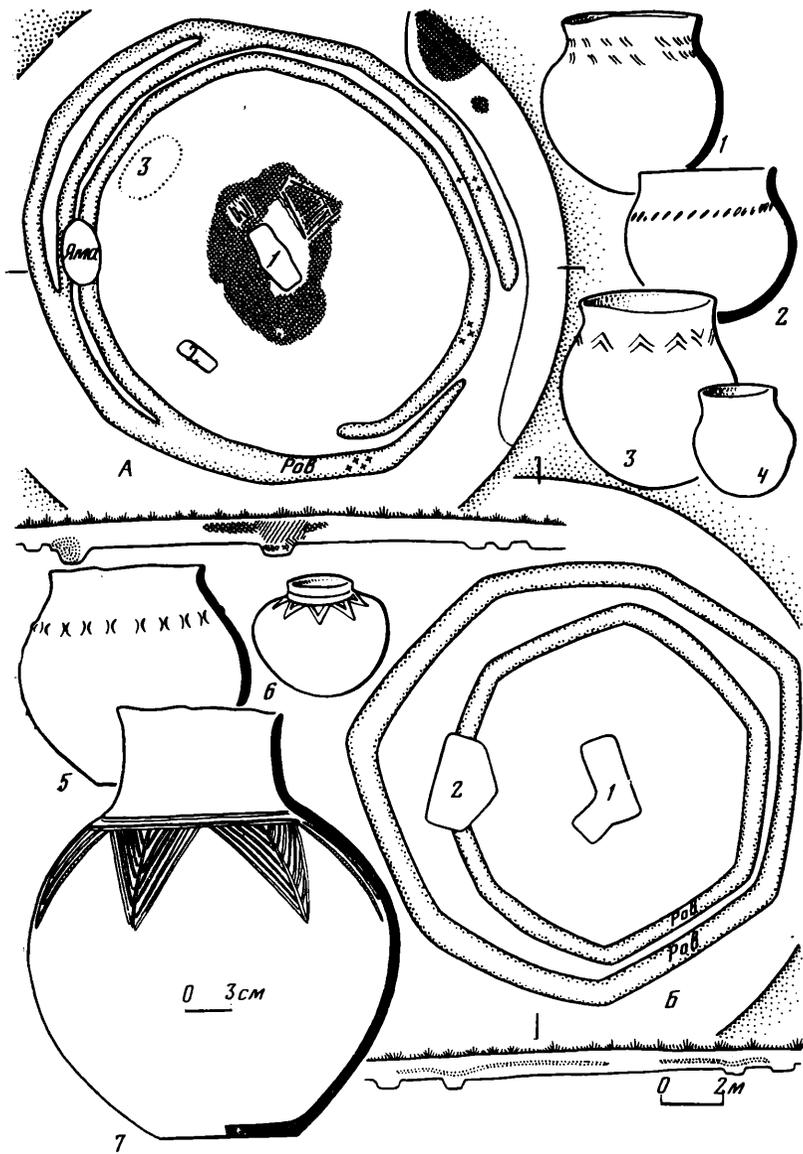
Все курганы окружены рвами. Под насыпью кургана 3, содержавшего семь могил, обнаружен один ров, вокруг остальных — по несколько, от двух до четырех, в точном соответствии с числом совершенных здесь захоронений. Диаметр ровиков 10—18 м, ширина — 0,5—1,8 м, глубина от уровня материка — 0,2—0,4 м. Ряд стратиграфических и планиграфических наблюдений позволяет сделать вывод о том, что появление новых рвов вокруг погребальных сооружений связано с совершением в них новых захоронений, и дает возмож-

ность установить их последовательность.

В кургане 5, содержавшем два погребения, могила 2 врезана в ров, вырытый вокруг центрального захоронения 1 (рис. 2, Б). Все сооружение было окружено вторым рвом большего диаметра. В кургане 2, под насыпью которого находилось две могилы, ров, сооруженный вокруг центрального погребения 1, перерезан вторым рвом, вырытым после совершения здесь бокового захоронения. Под насыпями курганов 1 и 4 находилось соответственно по три и четыре погребения. Центральные могилы здесь тоже оказываются самыми ранними, но при последующих захоронениях новым рвом обносили только ту часть, где совершалось погребение. При этом новый ров пристраивался к уже существующим, что позволяет безошибочно установить последовательность сооружения могил. В кургане 1, вторым, за центральным погребением 1, было совершено погребение 2, ров которого почти полностью опоясал надмогильное сооружение, а третьим — погребение 3, с которым связан последний ров, окружавший только эту могилу и пристроенный ко второму (рис. 2, А).

Таким образом, захоронения в центральных могилах в четырех из пяти раскопанных курганов совершены первыми, а боковые погребения — позднее. Неясным осталось хронологическое соотношение между могилами кургана 3, окруженного одним рвом. Под его насыпью обнаружено только два достоверно разновременных погребения — 2 и 5, оба в центре, одно из них перерезало другое. Из-за полной разграбленности обеих могил установить, какая из них была сооружена первой, не удалось.

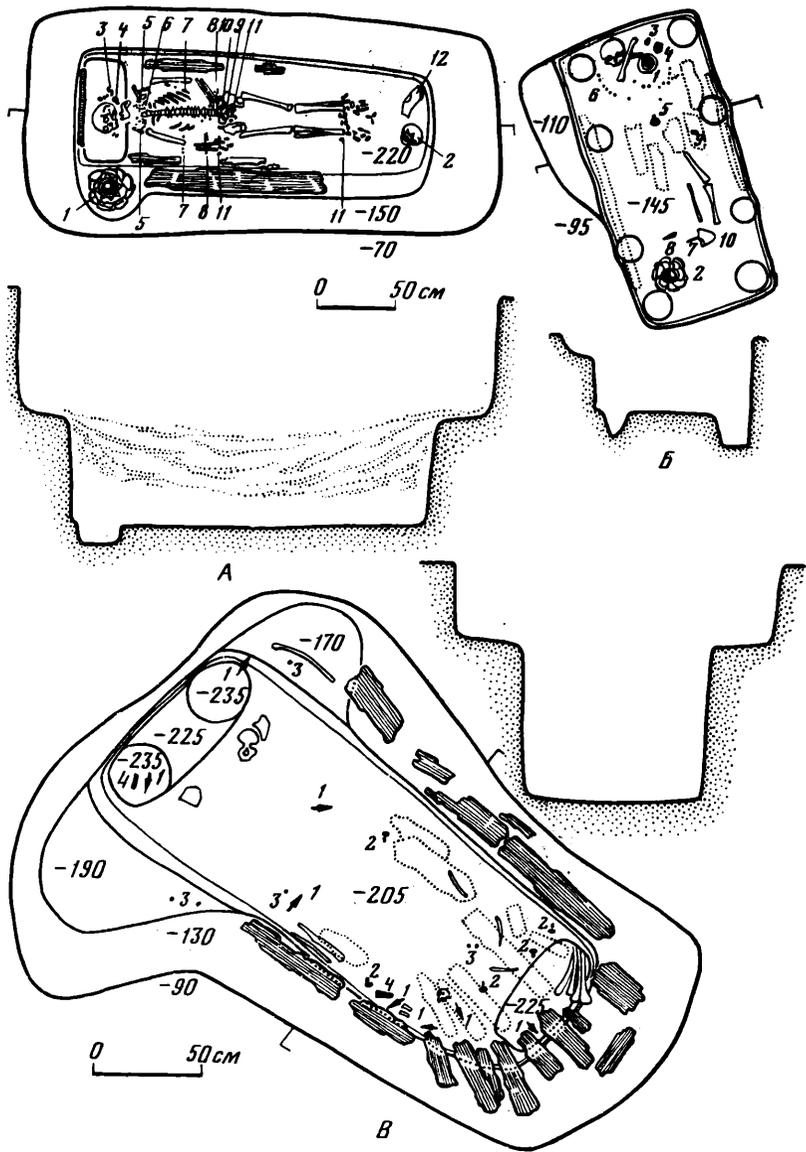
Заслуживает внимания еще одна особенность рвов, сооружавшихся вокруг курганов Тютринского могильника. Во всех случаях они имеют четко выраженную многоугольную в плане форму (рис. 2, А, Б). Это может объясняться тем, что уже самый первый из рвов, связанный с центральным погребением, не просто сооружался вокруг опущенного в землю захоронения, а опоясывал возведенное над ним многоугольное, возможно деревянное, надмогильное сооружение и поэтому почти точно повторял его контуры. О характере этих сооружений можно говорить пока только в предположительной форме, поскольку их остатки ни в одном из раскопанных курганов зафиксировать не удалось. Однако можно считать установленным, что непосредственно после устройства центральной могилы высокой земляной насыпи над ней не возводилось. Материковые

Гис. 2. Тютринский могильник

A — план и разреза кургана 1; *B* — план и разрез кургана 5; 1, 4 — курган 2 (около погребения 1); 2 — курган 3, погребения 2 (5?); 3 — курган 3, погребение 7; 5 — курган 1, погребение 2; 6 — курган 1 (около погребения 1); 7 — курган 2, погребение 2

выбросы из самых первых и из более поздних рвов обычно лежат на площадке вокруг центрального погребения, горизонтально, в 25–35 см над материком. Скорее всего надмогильные сооружения представляли собой невысокие плоские бревенчатые платформы многоугольной в плане формы, аналогичные тем, которые обнаружены под насыпями Шмаковских курганов 5 и 6³. Когда возводились сами земляные насыпи, остается пока неясным. Возможно, они образовывались в результате неоднократных подсыпок, сопровождавших новые захоронения, но, возможно, что их сооружение было и одноактным и производилось после того как в данном кургане прекращали хоронить. Последнее предположение кажется наиболее вероятным потому, что в целом для саргатской культуры зависимость между размерами насыпей курганов и количеством погребений в них не прослеживается⁴.

Рис. 3. Тютринский могильник. Планы и разрезы могил

А — курган 2, погребение 2: 1, 2 — сосуды, 3 — деревянная лошадка, 4 — керамический стержень, 5 — серьги, 6 — шпинелевое ожерелье, 7 — стеклянные бусы, 8 — браслеты из стеклянных бус, 9 — железный перстень, 10 — бронзовое пряслице, 11 — остатки железных предметов, 12 — кость животного; Б — курган 3, погребение 7: 1, 2 — сосуды, 3 — мел, 4 — костяной предмет, 5 — обломок бронзового зеркала, 6 — стеклянный бисер, 7 — железный нож, 8 — костяная проколка, 9 — костяная трубочка, 10 — кость животного; В — курган 3, погребение 4: 1 — железные наконечники стрел, 2 — железные заклепки, 3 — бронзовые бляшки, 4 — обломок железного ножа

Большинство центральных и боковых погребений совершено в обширных и глубоких (до 2,5 м) прямоугольных могильных ямах, часто с заплечиками, перекрытых накатом из березовых бревен. Одна из могил (курган 5, погребение 2) перекрыта трехслойным накатом. Бревенчатый настил над некоторыми погребениями несет следы меловой подсыпки. Несколько захоронений, из которых часть, несомненно, детские, совершено в мелких прямоугольных ямах. В одном случае (курган 1, погребение 3) боковое погребение совершено в неглубокой яме, вырытой в погребенной почве. Все центральные могилы ориентированы по линии

юго-восток — северо-запад, иногда с небольшим отклонением к северу. Ориентировка боковых погребений менее устойчива. Заполнением могильных ям обычно является черная супесь; в нескольких случаях (курган 2, погребение 2; курган 4, погребение 4; курган 5, погребение 2) зафиксирована засыпка погребений материковой глиной, иногда даже в несколько слоев (рис. 3, А). Над центральными захоронениями в курганах 1 и 3 и над боковым в кургане 4 — мощные прокалы. Рядом с центральными могилами в курганах 1 и 2 — неглубокие ямки, в которых помещались сосуды. •

Интересной деталью погребального обряда является сооружение в стенках, в головной части могил, ниш для сосудов (курган 2, погребение 2; курган 3, погребение 4; рис. 3, А, В). На дне двух могил обнаружено по четыре и восемь столбовых ямок, вероятно от опор, поддерживавших перекрытие. Еще в пяти случаях в противоположных концах могил (курган 3, погребение 4; курган 1, погребения 1, 2, 4) или только в головах погребенных (курган 2, погребение 2) встречены неглубокие прямоугольные углубления (рис. 3, А, В). Для объяснения их назначения можно воспользоваться аналогией, точно отражающей суть данного явления. В погребениях Ольвии эллинистического времени в подобные углубления на дне могил ставились ножки саркофагов⁵. Вероятно, в аналогичных могилах Гютринских курганов также находились деревянные саркофаги или погребальные ложа, к сожалению, до нас не дошедшие. В одном случае (курган 5, погребение 2) зафиксировано положение умершей, предположительно девочки-подростка, в берестяной гроб-короб.

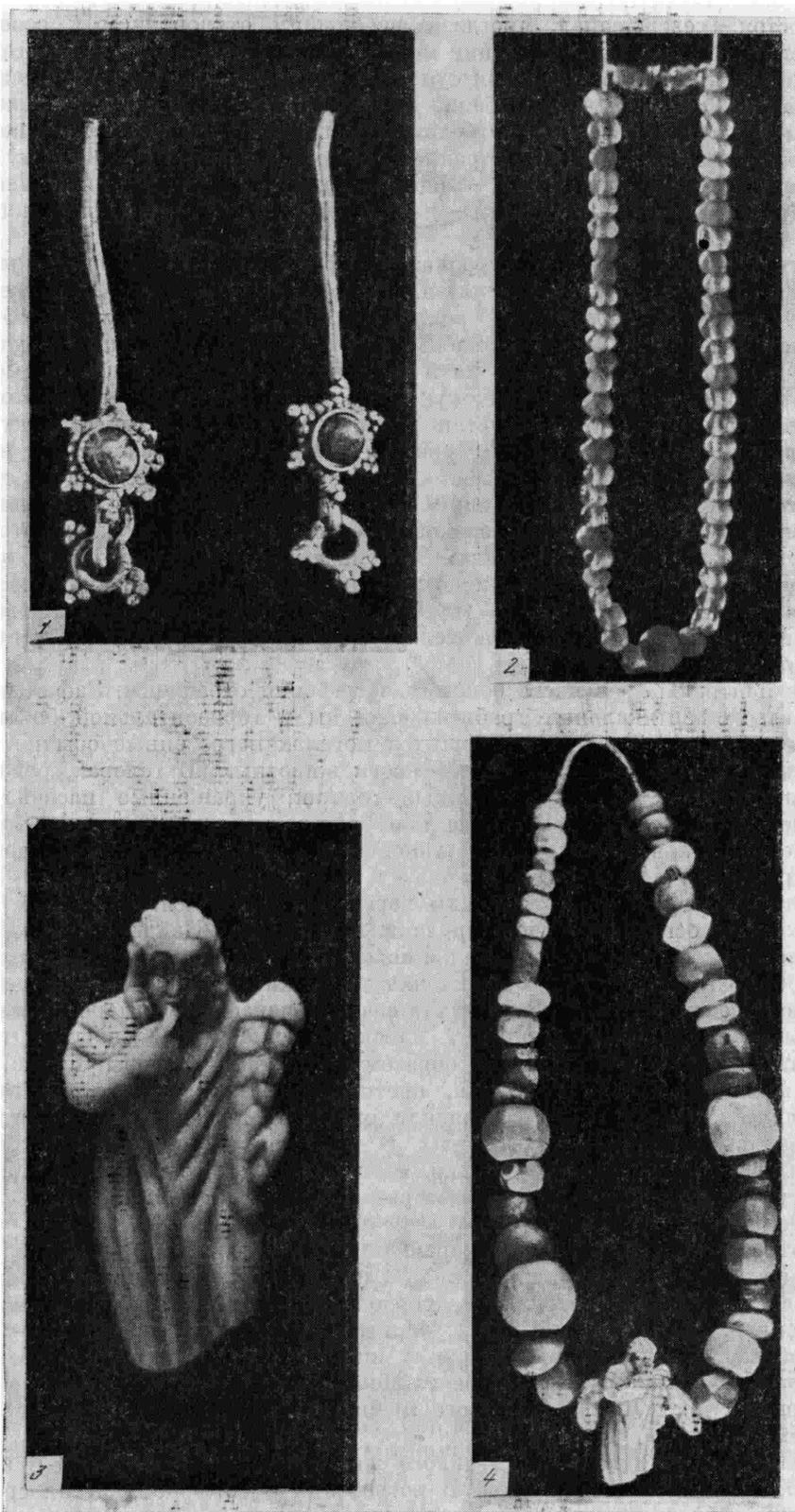
Все центральные и часть боковых погребений ограблены. Зафиксированы следы вертикальных грабительских ям и горизонтальной боковой штольни (курган 3). В сохранившихся могилах погребенные обычно лежат вытянуто на спине. В ногах — кости животных. В головах, реже — в ногах, — сосуды. Это круглодонные горшки, украшенные насечками, защипами, и кувшины с круглым или уплощенным дном, орнаментированные треугольными фестонами (рис. 2, 1—7). Большинство сосудов — с нагаром.

Погребения мужчин и женщин хорошо различаются. В первых содержались в основном орудия труда и вооружение. Найдены железные трехлопастные наконечники стрел, кинжал без навершия и перекрестия, ножи, железные гвоздевидные заклепки с большими шляпками. Костяные изделия представлены ромбическим в сечении черешковым наконечником стрелы, панцирной пластинкой, плоским кольцом. В женских погребениях содержались главным образом украшения. Наборы бус из гагата, фаянса, янтаря, сердолика, цветного стекла, а также стекла с металлической прокладкой составляли ожерелья, браслеты и, очевидно, нашивались на одежду погребенных. В двух могилах обнаружены керамические треугольные стерженьки с отверстиями для подвешивания, аналогичные среднеазиатским, которые трактуются как палочки для сурьмления глаз⁶.

Интересен набор женских украшений из погребения 2 кургана 2. В него входили ожерелье из бусин: 52 шпинелевых * 14-гранных, одной крупной, очевидно центральной, сердоликовой и двух стеклянных с внутренней позолотой (рис. 4, 2); парные проволочные серебряные с позолотой серьги с напаянными на них щитками, украшенными пирамидками из зерни, инкрустированные вставками из круглых синих пастовых бус (рис. 4, 1); навершие рогового гребня (?) со скульптурным изображением лошади.

Обломок еще одной серьги такого же типа найден в могиле 6 кургана 3, полностью ограбленной. В погребении 3 того же кургана среди пестрого набора бус обнаружен миниатюрный амулет из египетского фаянса, изображающий Гарпократа (рис. 4, 3, 4).

* Определение камней произведено д-ром геолого-минералог. наук В. К. Ермаковым.

Рис. 4. Тютрижский могильник. Украшения

1, 2 — курган 2, погребение 2; 3, 4 — курган 3, погребение 3

Богатый инвентарь сопровождал девочку-подростка, погребенную в могиле 2 кургана 5. Из находок отметим золотую восьмеркообразную проволочную серьгу с подвеской, состоящей из золотой пронизки и стеклянной бусины; деревянный стержень с тонкой серебряной оплеткой (очевидно, рукоять плети); фаянсовые цилиндрические бусины; зеркало с короткой ручкой-штырем, валиком по краю и конической выпуклиной в центре.

По основным чертам погребального обряда и керамике Тютринский могильник должен быть отнесен к памятникам саргатской культуры. На основании сходства в конструкции надмогильных сооружений, могил, а также взаимовстречаемости различных категорий находок можно предполагать, что все исследованные курганы относятся к сравнительно короткому хронологическому периоду. Железные кинжалы без навершия и перекрестия известны в I—IV вв.⁷ С первых веков нашей эры появляются в памятниках Северного Причерноморья⁸ и Средней Азии⁹ 14-гранные каменные бусы. В диапазоне II в. до н. э. — II в. н. э. широко распространяются бусы из гагата. Цилиндрические бусы из египетского фаянса характерны для Северного Причерноморья в I—II вв.¹⁰, бочонковидные с валиками по краю — в I—III вв.¹¹ Зеркала с валиком по краю, конической выпуклиной в центре и ручкой-штырем распространены в I—II вв.¹² Фигурки задрапированных стоящих Гарпократов с рогом изобилия известны в Северном Причерноморье в I—первой половине II в.¹³ Приведенные аналогии позволяют датировать памятник I—II вв. Они свидетельствуют о достаточно широких связях саргатского населения юга Западной Сибири с соседними и более далекими народами Казахстана, Средней Азии, Приуралья, Поволжья и Северного Причерноморья, что уже отмечалось исследователями¹⁴.

Значительный интерес представляют серьги Тютринского могильника, украшенные пирамидками из зерни. Это достаточно своеобразная, но, судя по тому, что они преобладают среди ювелирных изделий этого рода в раскопанных курганах (три из четырех или пяти штук), характерная для данного памятника форма. Полная аналогия им — серьги из Сибирской коллекции Петра I и коллекции Витзена¹⁵. Район, откуда происходят предметы этих собраний, а также связь их с теми или иными археологическими культурами до сих пор не поддаются однозначному определению. Тютринские находки позволяют высказать предположение, что определенная часть вещей в указанных коллекциях происходит из курганов саргатской культуры, в частности, вероятно, и с территории Притоболья.

¹ *Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. — МИА, 1953, 35, с. 283.

² *Голдина Р. Д.* Перечень работ Уральской археологической экспедиции в 1963 г. — ВАУ, 1969, вып. 8, с. 14.

³ *Генинг В. Ф.* Отчет о работах Уральской археологической экспедиции в 1962 г. Архив ИА, Р-1, № 2480.

⁴ *Корякова Л. Н.* Ансамбль некрополя саргатской культуры (статистическая характеристика). — В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 140.

⁵ *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 59.

⁶ *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. М., 1978, с. 129.

⁷ *Соколовский Н. И.* Боспорские мечи. — МИА, 1954, 33, с. 156, 157.

⁸ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Се-

верного Причерноморья, вып. 2. — САИ, 1978, вып. Г1-12, с. 62, 70.

⁹ *Литвинский Б. А.* Украшения из могильников западной Ферганы. М., 1973, с. 165.

¹⁰ *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.). — МИА, 1972, 98, с. 145, 146.

¹¹ *Алексеева Е. М.* Античные бусы..., вып. 2, с. 32.

¹² *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. — СА, 1963, № 4, с. 65.

¹³ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья, вып. 1. — САИ, 1975, вып. Г1-12, с. 37.

¹⁴ *Корякова Л. Н.* Могильник саргатской культуры у с. Красноярка. — СА, 1979, № 2, с. 118; *Петрин В. Т., Стефанова Н. К., Федорова Н. В.* Исследование курганов в Омском Прииртышье. — АО 1974 г. М., 1975; *Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур За-

уралья и Западной Сибири.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 247.

¹⁵ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I.— САИ, 1961, вып. ДЗ-9, табл. XX, 15, 16, 18, 19, рис. 2.

Н. В. ПОЛОСЬМАК

МОГИЛЬНИК НОВОЧЕКИНО 2 В СЕВЕРНОЙ БАРАБЕ

Могильник Новочекино 2 расположен в Кыштовском р-не Новосибирской обл., в 2 км к северу от с. Новочекино, на второй надпойменной террасе старицы р. Тара. Он состоит из пяти курганов, вытянутых цепочкой вдоль края террасы. Курган 1 раскопан в 1978 г.¹, курганы 2—5 — в 1981 г.

Курганы земляные, округлой формы. Под насыпями в центре находились три одиночных, парное и групповое погребения (табл.). Могильные ямы прямоугольной формы, с прямыми отвесными стенками. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, головой преимущественно на северо-запад. В насыпях всех курганов зафиксированы следы костров, достигающих мощности 10 см и диаметра 145 см. Курган 4 является, вероятно, поминальным: ни погребения, ни могильной ямы не обнаружено. В насыпи встречены фрагменты керамики и кости животных. Сводные данные о раскопанных курганах приведены в таблице.

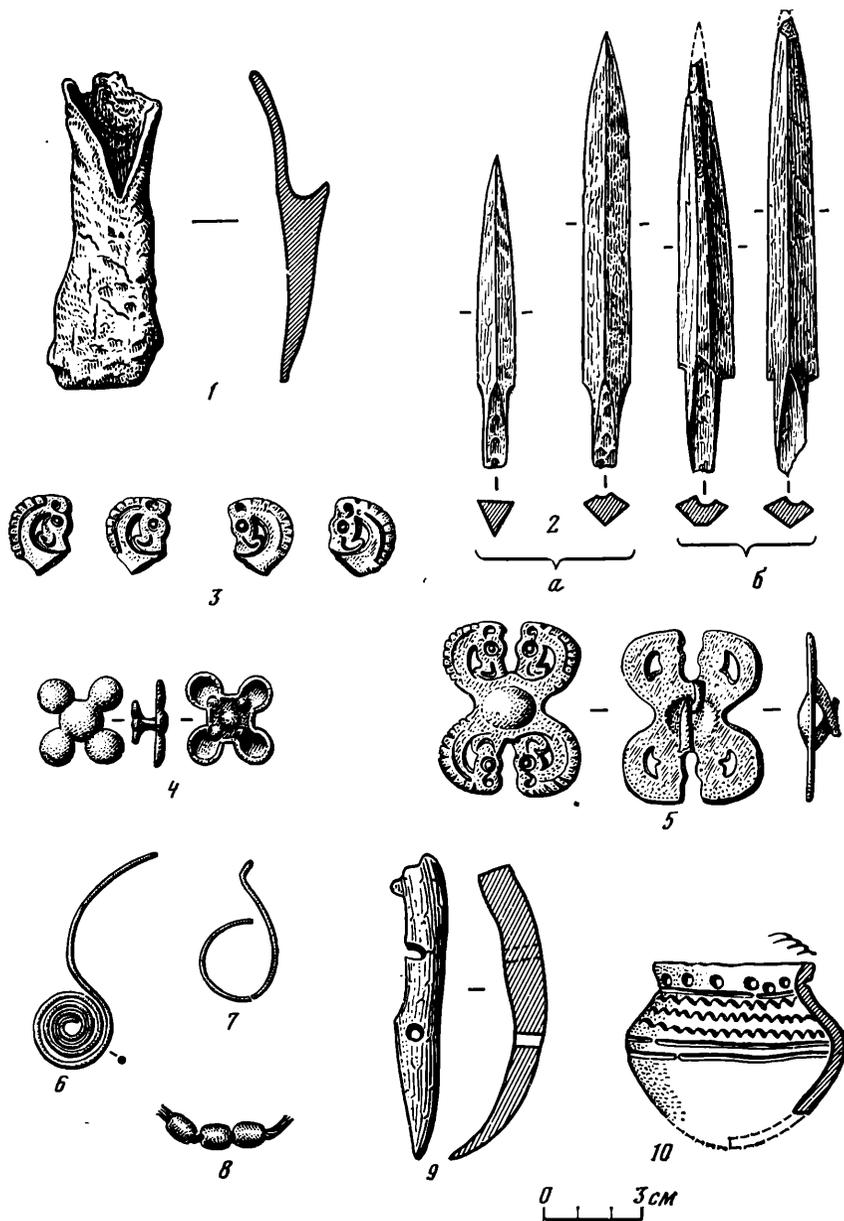
Таблица

Основные данные о раскопанных курганах могильника Новочекино 2

№ кургана	Размеры насыпи (м)			Могильная яма		Количество погребенных	Орнаментовка погребенных	Пол	Возраст *	
	диаметр		высота	Количество крестов в насыпи	количество					размеры (м)
	СЮ	ЗВ								
1	8,6	8	0,4	1	1	2,2×2×0,2	4 СЗ	Муж. (?)	—	
2	8,5	10	0,57	2	1	2,45×1,3×0,5	1 З	Муж.	30—45	
3	9,25	9	0,5	1	2	1,5×0,55×0,15 2,2×1,05×0,5	1 СЗ	—	6	
4	9	10	0,45	2	—	—	—	Жен.	Около 25	
5	14	14	0,59	1	1	2,45×1,07×0,5	2 ЮЗ	Муж. Жен.	30—45 35—40	

* Все определения пола и возраста сделаны канд. ист. наук В. А. Дремовым.

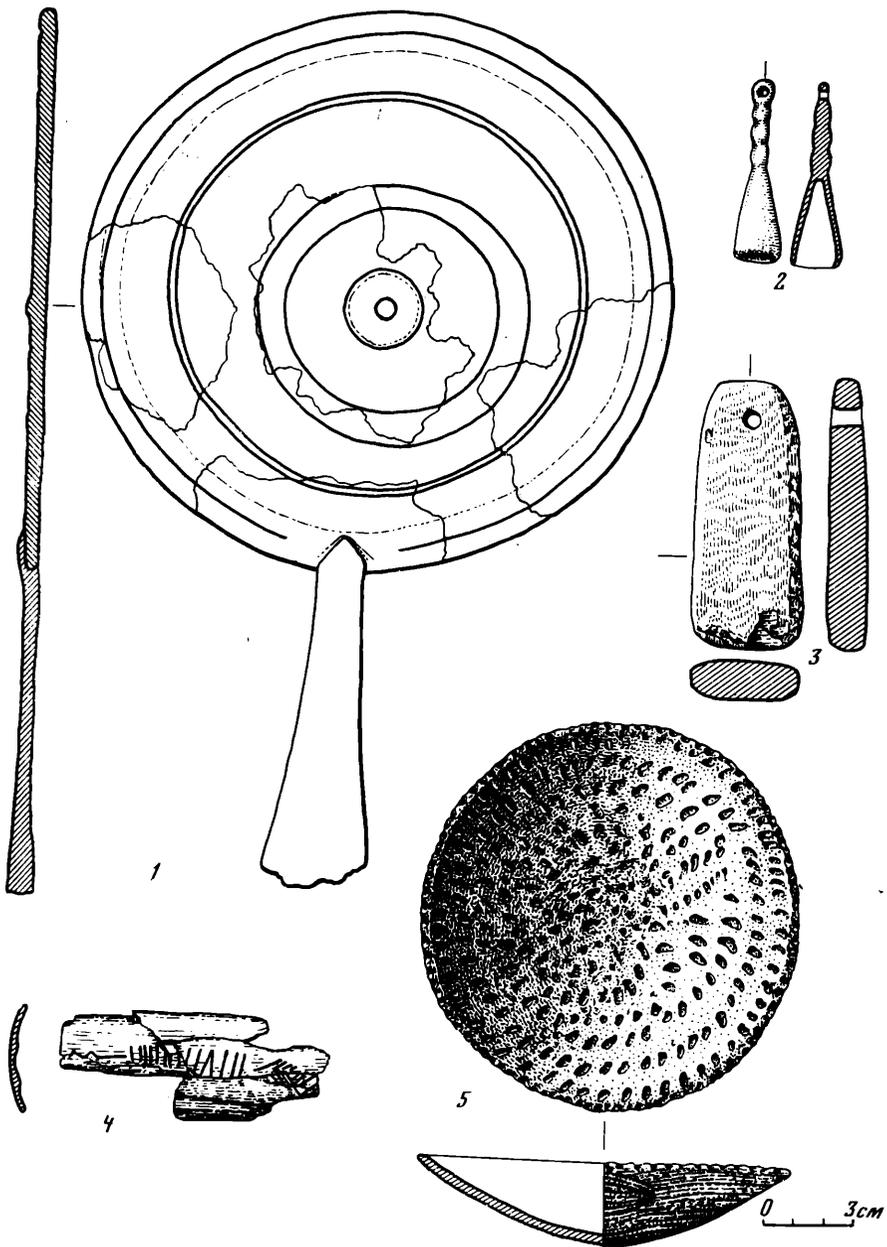
Основным критерием для определения культурной принадлежности могильника служит керамический комплекс. Он представлен тремя сосудами, блюдом и фрагментами керамики. Два сосуда найдены в насыпи кургана 1. Один из них маленький (высота 4,6 см, диаметр по венчику 7,2 см), горшковидный, с уплощенным дном. Орнаментирован на $\frac{2}{3}$ от края венчика. Композиционно орнамент представляет собой две пары параллельных линий, между которыми из отпечатков гребенчатого штампа выполнен зигзаг. Второй сосуд более крупный (высота 17,5 см, диаметр по венчику 23,5 см), со слегка приостренным дном и отогнутым венчиком. Он орнаментирован отпечатками уголка палочки, расположенными тремя параллельными рядами под венчиком. Вся остальная поверхность сосуда покрыта «жемчужинами». Сосудик из погребения 1 кургана 3 горшковидной формы, край венчика украшен насечками, под венчиком — ряд ямок, затем ряд отпечатков гребенчатого штампа. Плечики

Рис. 1. Вещи из могильника Новочекино 2

1 — кельт из погребения 1 кургана 3; 2 — наконечники стрел: а — из кургана 2, б — из кургана 5; 3 — обломки бляшки с грифонами из кургана 5; 4 — бляшка из кургана 5; 5 — бляха с грифонами из кургана 5; 6 — серьга из кургана 5; 7 — серьга из кургана 2; 8 — пронизки из кургана 2; 9 — псалий из кургана 5; 10 — сосуд из погребения 1 кургана 3; 1 — железо; 2, 9 — кость; 10 — керамика; остальные — бронза

сосуда орнаментированы тремя рядами отпечатков уголка палочки, орнаментальная зона завершается двумя параллельными линиями из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 1, 10). Оригинально маленькое блюдо из насыпи кургана 5 (рис. 2, 5). Хрупкое и нарядное, благодаря орнаменту, нанесенному гребенчатым штампом на внутреннюю поверхность, это блюдо скорее всего было культовым, не предназначенным для повседневного употребления. Форма, технология изготовления и орнаментация позволяют считать его местным изделием. Наиболее близкой аналогией ему являются саргатские глиняные блюда.

Рис. 2. Вещи из насыпи кургана 5 могильника Новочекино 2

1 — реконструкция бронзового зеркала; 2 — бронзовая колоколовидная подвеска; 3 — оселок; 4 — костяная пластинка; 5 — керамическое блюдо

Керамический комплекс могильника Новочекино 2 аналогичен керамике поселений Новочекино 1 и 3², а также Нововасюганского поселения³ и значительного количества городищ и поселений на Барсовой горе в Сургутском Приобье (керамика группы 4)⁴, т. е. связан с кругом культур, типологически определяемых как «докулайские»⁵, датированных началом VI—IV в. до н. э.⁶ Для уточнения периода существования данного типа керамики и датировки могильника важное значение имеет погребальный инвентарь, позволяющий получить представление о связях местных племен.

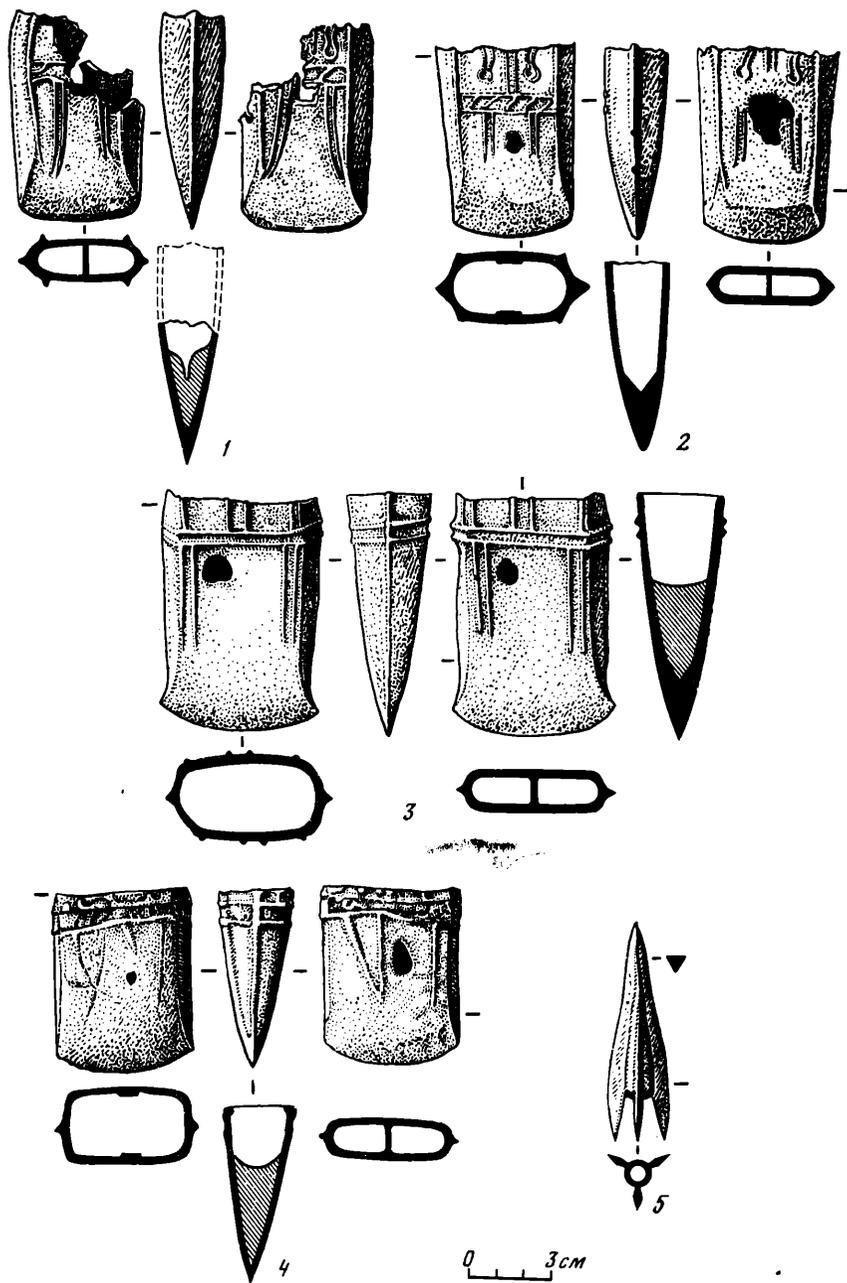

Рис. 3. Кельты западносибирского типа (1—4) и стрелка (5) из могильника Новочекино 2

1, 2 — из насыпи кургана 1; 3 — из кургана 5; 4 — из кургана 2; 5 — из кургана 5

Предметы вооружения представлены шестью бронзовыми наконечниками стрел (пять относятся по типу к кулайским, один — к скифским), 14 костяными наконечниками стрел, четырьмя кельтами западносибирского типа и одним железным кельтом.

Наконечники стрел кулайского типа (рис. 3, 5) датируются довольно широко — концом V—I в. до н. э.⁷ Основной их ареал — Томско-Нарымское и лесостепное Приобье.

Небольшой (2,7 см) бронзовый наконечник стрелы из кургана 1 — трехгранный, со скрытой втулкой и плоским основанием — относится к

типу XI скифских наконечников стрел по типологии К. Ф. Смирнова, распространенных с V по II в. до н. э., в особенности с IV в. до н. э.⁸ Костяные наконечники стрел черешковые, по форме пера делятся на две группы: четырехгранные (пять) и трехгранные (девять). Длина наконечников изменяется от 7 до 19 см (рис. 1, 2).

Кельты принадлежат к западносибирскому типу. Они характеризуются поперечной перегородкой внутри втулки, отверстиями на средних гранях от закрепления сердечника, шестигранным сечением и особым построением орнамента. В насыпи кургана 1 обнаружено два кельта. Один из них сломан, длина его 7,8 см, ширина — 4,4 см (рис. 3, 1). Обе стороны кельта орнаментированы одинаково. Разграничительная полоса, делящая кельт на две орнаментальные зоны, состоит из двух параллельных горизонтальных рельефных линий с заключенными между ними наклонными полосами. В верхней зоне находятся так называемые петельки с глазками, в нижней — две пары расходящихся в разные стороны линий. Другой кельт аналогичен по форме и орнаментации, отличаясь меньшими размерами (длина 6,8 см, ширина 4 см; рис. 3, 2). Кельт из кургана 2 прямоугольной формы, его длина 6,5 см, ширина 5 см (рис. 3, 4). Орнамент в виде двух параллельных линий опоясывает верхнюю часть кельта. На одной из граней заметны треугольник и опускающаяся вниз полоса. Кельт из кургана 5 слегка расширяется к лезвию (рис. 3, 3). Его длина 9 см, ширина по верхнему краю 5,5 см, по нижнему — 5 см. Две параллельные линии опоясывают кельт у верхней части, деля средние грани на две орнаментальные зоны. В верхней части, в центре, проходят две параллельные линии, ближе к боковым граням — еще по одной. В нижней зоне располагаются два параллельных «уса». Орнамент одинаков на обеих сторонах кельта. Новочекинским кельтам аналогичны кельты из могильника Каменный Мыс. Они датируются III—I вв. до н. э.⁹

В могильнике найден один железный кельт (рис. 1, 1), овальный в сечении, длиной 10 см, шириной 3 см. В отличие от бронзовых, он более изящных, вытянутых пропорций. Такие кельты существовали параллельно с бронзовыми¹⁰.

Предметы вооружения могильника Новочекино 2 соответствуют северному кругу культур периода раннего железа и представляют вместе с керамикой единый комплекс. Наконечники стрел кулайского типа и кельты западносибирского типа хорошо известны по материалам памятников усть-полуйской и кулайской культур и относятся к типам, которые характеризуют эту культурную общность в целом, не являясь принадлежностью только одной культуры.

Более разнообразны украшения, найденные в могильнике. В кургане 5 обнаружены две бронзовые бляхи с грифонами (рис. 1, 3, 5). Такие бляхи широко распространены в восточной части скифского мира и неизвестны у скифов и сарматов. Из датированных комплексов происходят два таких изделия: из Тувы (Казылган, курган А117, V—IV вв. до н. э.) и из Томской обл. (клад у с. Бурбино-Пышкино, V—IV вв. до н. э.)¹¹. По аналогии с ними бляхи из Новочекина 2 могут быть датированы V—IV вв. до н. э. К этому же времени относится бронзовая четырехлепестковая бляшка-заклепка из кургана 5 (рис. 1, 4). Колоколовидная подвеска из кургана 5 (рис. 2, 2) находит аналогии в Туве (могильник Кюзленги I, курган 1, V—IV вв. до н. э., только здесь они изготовлены из кости)¹², в Новосибирском могильнике (V—IV вв. до н. э.)¹³. Эта серия вещей указывает на юго-восточное направление культурных связей местного населения.

В погребении 1 кургана 5 и в погребении 1 кургана 2 (оба мужские) найдены серьги из бронзовой проволоки. Серьга из кургана 5 деформирована, один конец закручен в спираль (рис. 1, 6). Подобные серьги относятся к концу V—началу III в. до н. э.¹⁴ Серьги эсвидной формы, подобные серьге из кургана 2 (рис. 1, 7), распространены очень широко. В близлежащих районах они найдены на памятниках саргатской

культуры¹⁵ и новосибирского варианта кулайской культуры¹⁶, так же как и бочонковидные бронзовые пронизки из кургана 2 (рис. 1, 8).

Одной из датирующих находок является бронзовое зеркало из насыпи кургана 5 (рис. 2, 1). Зеркало имеет ручку. Поверхность диска была позолочена, одна сторона украшена тонко прочерченными концентрическими окружностями, у основания ручки выгравирован треугольник. По классификации М. Г. Мошковой, зеркало относится к первому отделу плоских зеркал, типу 3¹⁷. Зеркала, украшенные резным орнаментом, выделены Мошковой как редкие. Их известно четыре: из ст. Павловская, из кургана группы Тара-Бутак и два — из Западного Казахстана (могильник Челкар III). Все они датированы сопровождающим инвентарем IV в. до н. э. и относятся к южноуральским раннесарматским¹⁸. Находка зеркала свидетельствует о юго-западных культурных связях населения северной Барабы и, кроме того, позволяет сузить дату могильника Новочекино 2 до IV в. до н. э., чему не противоречит весь комплекс вещей из погребений, укладываемый в рамки V—III вв. до н. э.

Инвентарь могильника Новочекино 2 демонстрирует сложение смешанного комплекса в так называемой контактной зоне, которой по своему географическому положению была северная Бараба. Культурную принадлежность памятника определяют керамический комплекс и предметы вооружения, характеризующие северный таежный круг культур. Украшения и другие предметы, обнаруженные в могильнике, свидетельствуют о тесной связи с лесостепными культурами, в частности, с населением саргатской культуры. Влияние культурных традиций лесостепных племен проявляется во многих элементах погребального обряда: земляные сооружения над могилами, участие огня, устройство могильных ям, положение погребенных в могиле, преимущественно северо-западная ориентировка. В некоторых деталях погребального обряда нашли отражение традиции местного населения. Мы имеем в виду особые надмогильные комплексы вещей в курганах 1 и 5. В насыпи кургана 1 найдены два кельта (рис. 3, 1, 2), два сосуда, наконечники стрел кулайского типа. В насыпи кургана 5 — зеркало, глиняное блюдо, оселок, колоколовидная подвеска, костяная орнаментированная пластина (рис. 2, 1—5). На кельтах и зеркале — следы длительного пребывания в огне. Все эти предметы находились рядом, на небольшой глубине, ближе к полю кургана. Данное явление напоминает известный у ананьинских племен обычай¹⁹.

На наш взгляд, к IV в. до н. э. на севере Барабы складывается особая культура, органически сочетающая традиции лесостепных и таежных культур периода раннего железа. Специфика этой культуры нашла яркое отражение в материалах могильника Новочекино 2.

¹ Полосьмак Н. В., Молодин В. И. Новые находки предметов вооружения раннего железного века из Барабинской лесостепи. — В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981, с. 74—87.

² Полосьмак Н. В. Северная Бараба в скифское время. — В кн.: Тез. докл. Всесоюз. археологич. конф. Кемерово, 1979, с. 106—108.

³ Кирюшин Ю. Ф. Нововасюганское поселение. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1975, вып. 16, с. 43, 49.

⁴ Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье. — В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 104, 105, 114.

⁵ Кирюшин Ю. Ф. К вопросу о происхождении культуры раннего железа в Нарымском Приобье. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 212, 213.

⁶ Елькина М. В. Новые данные о поселениях раннего железного века Сургутского Приобья. — В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978, с. 74, 75.

⁷ Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии. — В кн.: Уч. зап. ТувИЯЛИ. Кызыл, 1961, вып. 9, с. 136; Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979, с. 23, 24.

⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101, рис. 75, 20; табл. III, с. 49.

⁹ Троицкая Т. Н. Вооружение населения Новосибирского Приобья в конце I тысячелетия до н. э. — СА, 1974, № 3, с. 46—49.

¹⁰ Троицкая Т. Н. Кулайская культура..., с. 11, 12.

¹¹ Членова Н. Л. Место культуры Тувы..., с. 131—139.

- ¹² Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980, с. 66.
- ¹³ Чернецов В. Н. Бронза усть-полуэйского времени.— МИА, 1953, 35, с. 174.
- ¹⁴ Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, 1978, вып. Д4-5, с. 28.
- ¹⁵ Корякова Л. Н. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка.— СА, 1979, № 2, с. 198.
- ¹⁶ Троицкая Т. Н. Курганный могильник Ордынское I.— В кн.: Научные тр. Новосибирск. гос. пед. ин-та. Новосибирск, 1968, вып. 88, с. 97.
- ¹⁷ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 41.
- ¹⁸ Мошкова М. Г., Кушаев Г. В. Сарматские памятники Западного Казахстана.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 262.
- ¹⁹ Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы. М., 1982, с. 133.

Н. В. ЛЕОНТЬЕВ, Н. А. БОКОВЕНКО

КАВКАЗСКАЯ ПИСАНИЦА НА ТУБЕ

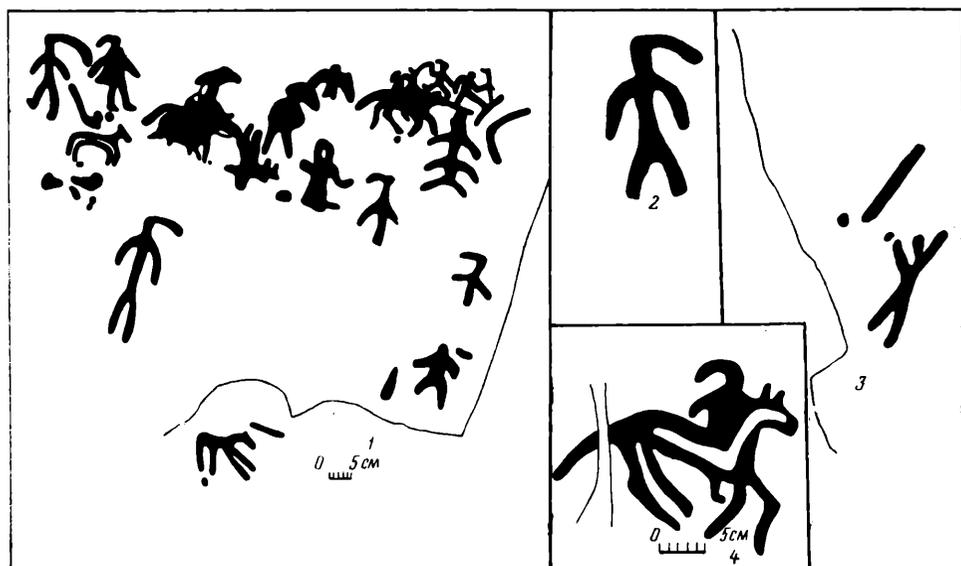
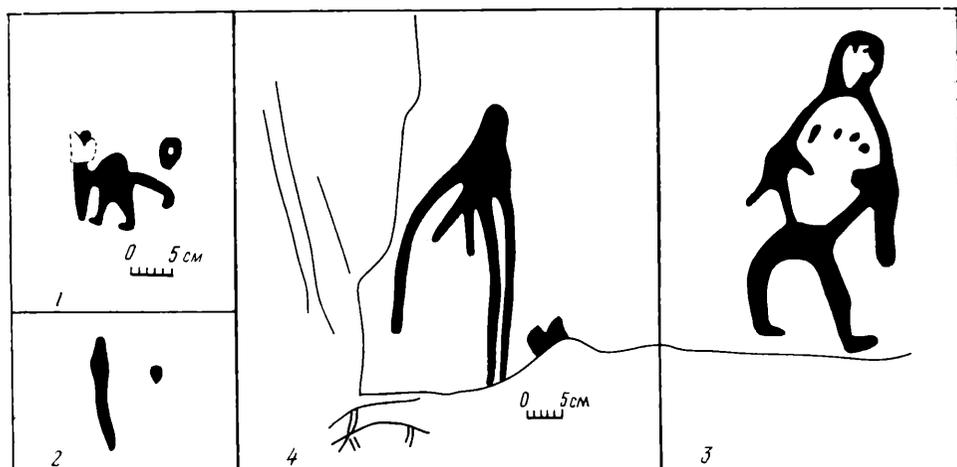
Несмотря на усилившийся в последние годы интерес к памятникам древнего изобразительного искусства Сибири, значительное количество петроглифов Минусинской котловины либо остается неопубликованным, либо известно лишь по не всегда удовлетворяющим современного исследователя публикациям и материалам начала века¹. Новые публикации петроглифов единичны², в появившихся же свободных работах наскальные изображения используются чаще всего лишь как иллюстрации к тем или иным построениям и гипотезам авторов, подчас даже без указания конкретных памятников³, что значительно снижает ценность таких работ. Для изменения подобного положения необходимы полные публикации уже изученных памятников изобразительного искусства и проведение дальнейших полевых исследований по выявлению и фиксации новых петроглифов, так как большая часть их постепенно разрушается.

Кавказская писаница на р. Туба открыта в начале нашего века. В 1907 г. ее обследовал А. В. Адрианов, но не скопировал⁴. Впоследствии писаница долго не привлекала к себе внимания исследователей, лишь в конце 1960-х годов делаются безуспешные попытки разыскать ее⁵. Только в 1980 г. памятник, наконец, был выявлен и обследован Н. В. Леонтьевым.

Писаница располагается на утесах, протянувшихся вдоль правого берега протоки Тубы вплоть до урочища Джесос (Дичес), где в конце XIX в. проводил раскопки курганов Адрианов⁶. Часть утесов, особенно на западном участке, была разрушена при современных строительных работах. По Адрианову, писаница имела протяженность около 6 верст, ныне рисунки встречены только на отрезке в 3 км. Выделяется восемь обособленных участков изображений, отстоящие друг от друга на расстоянии от 80 м до 2 км. Все рисунки исполнены красной охрой на обнажениях серовато-желтого песчаника. Выбитых и гравированных (резных) изображений на памятнике нет. Описание рисунков дано по участкам с востока на запад.

Участок I. В 2,4 км к северо-западу от с. Кавказское, в месте, где протока подходит почти вплотную к утесам, — две грани с рисунками на высоте 120 см от подножия скалы. *Грань 1* (47×57 см). На ней краской темно-вишневого оттенка исполнена схематичная фигура человека с посохом (?) в руке. Над другой рукой — небольшой кружок (рис. 1, 1). *Грань 2* (45×40 см). В 40 см вправо от грани 1 и немного ниже нее нанесены вертикальная полоска и точка (рис. 1, 2).

Участок II. В 80 м к северо-западу от участка I, под небольшим карнизом из напластований песчаников, выявлены две грани с рисунками. *Грань 1* (125×85 см). Угловатый выступ скалы, на котором краской малинового оттенка исполнена крупная контурная фигура человека. На груди — четыре точки. Слева от человека изображение птицы с длин-

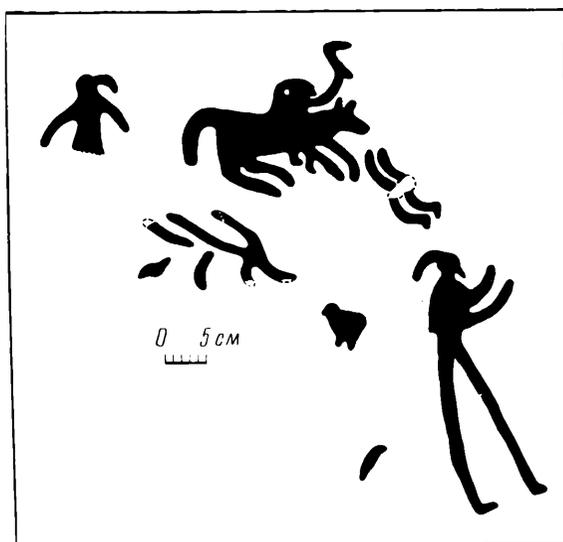

Рис. 1. Участки I и II

- 1, 2 — участок I:
 1 — грань 1,
 2 — грань 2;
 3, 4 — участок II:
 3 — грань 1,
 4 — грань 2

Рис. 2. Участок III

- 1 — грань 1;
 2 — грань 2;
 3 — грань 3;
 4 — грань 4

Рис. 3. Участок IV

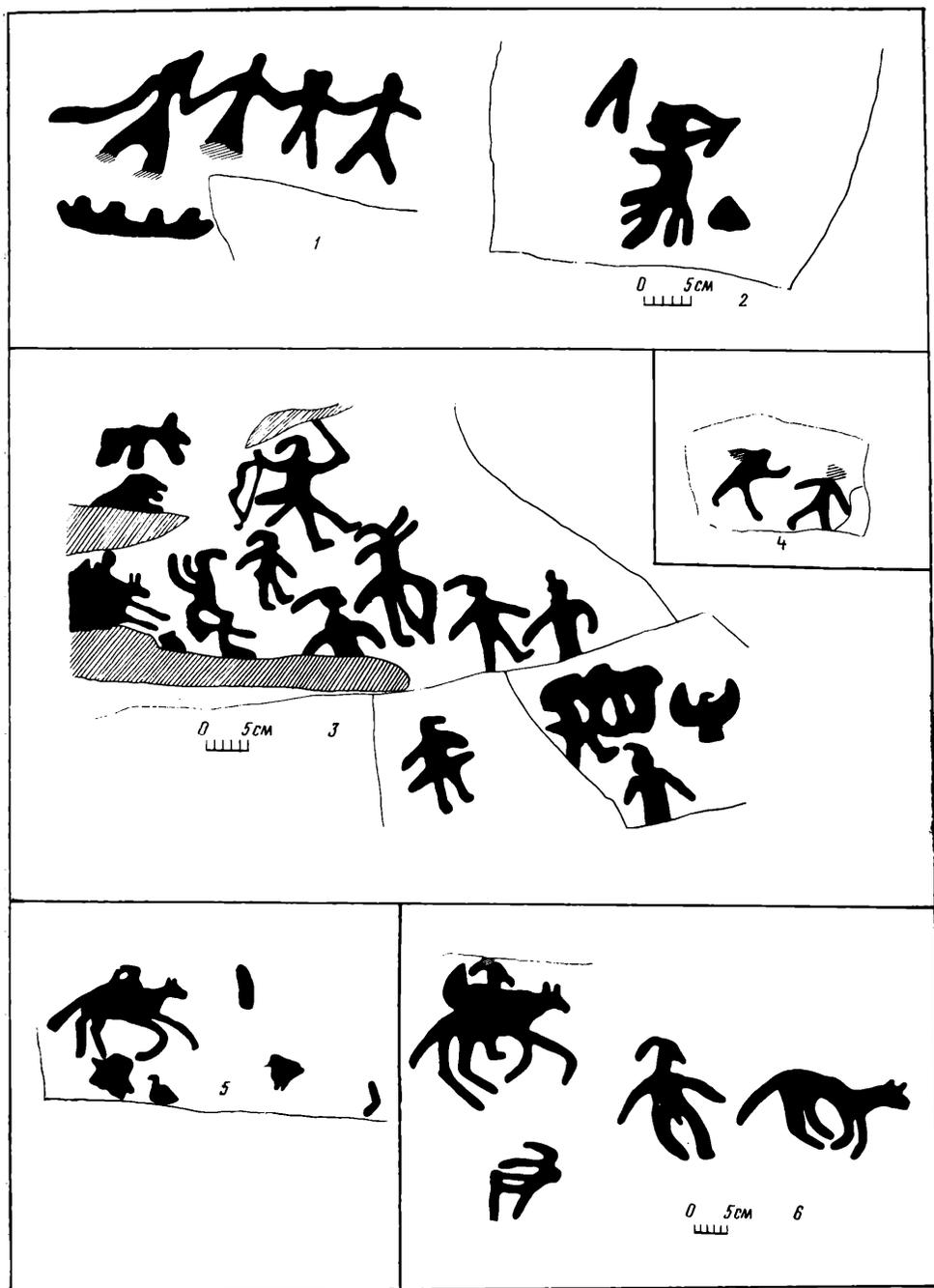
ными опущенными крыльями и раздвоенным хвостом (рис. 1, 3). Грань 2 слева, под углом к грани 1. На ней проведены три тонкие наклонные линии. Под ними такими же линиями — фигура, напоминающая незавершенное изображение животного (рис. 1, 4).

Участок III. В 260—280 м к северо-западу от участка II, за устьем лога, перерезающего скальные обнажения, видны крашенные рисунки на грани I (115×220 см). Благодаря выступу, рисунки в верхней части грани сохранились хорошо, а в нижней, покрытой белесым известковистым налетом, — гораздо хуже. На грани преобладают изображения схематичных человеческих фигур с длинными султанами (?) на голове. Наиболее интересны две фигуры в правом верхнем углу грани. Один человек с султаном держит в руке какой-то Г-образный предмет, видимо клевец. Такой же предмет — у ног человеческой фигуры в левом верхнем углу грани. Второй человек — на лыжах, с посохом в руке. Помимо этого, на грани — два всадника на лошадях, у одного из них необычно большой султан, рядом — фигура птицы с распростертыми крыльями, два неопределенных животных и фигура, напоминающая дерево (рис. 2, 1). Грань 2. У правого края основной грани 1, в небольшом углублении плоскости, — схематичная фигура человека с султаном на голове. Рядом — неопределенные пятна охры (рис. 2, 2). Грань 3. В 45 см от правого края основной грани 1, на небольшом скальном выступе, — вертикальная черточка и знак в виде развилки с двумя боковыми отростками (рис. 2, 3). Грань 4. В 60 см влево от левого нижнего угла основной грани 1, в средней части большой плоскости, — всадник на коне (рис. 2, 4).

Участок IV. В 180—190 м к западу от участка III, на высоте 3,5—4 м от подножия утеса, выявлена одна грань (60×80 см). Почти вся нижняя часть ее покрыта лишайниками, уничтожившими рисунки. В верхней части сохранились изображение всадника, двудужный знак и фигура человека с султаном. Необычна вторая бородатая фигура человека с султаном у правого края грани. Руки его вытянуты вперед, ноги чрезмерно удлинены. В средней части грани, покрытой лишайником, — фигуры двух птиц и остатки неопределенного изображения (рис. 3).

Участок V. В 100 м к западу от участка IV, на высоте 6—8 м от подножия, в скале — большая расщелина, вокруг которой сосредоточено семь граней с рисунками. Грань 1 (50×40 см) расположена справа от расщелины. На ней — плохо сохранившиеся фигуры четырех человек, взявшихся за руки. Под ними — схематичное изображение лодки с гребцами (рис. 4, 1). Грань 2 (45×30 см) отделена от грани 1 трещиной. Плохо сохранились неопределенные размытые рисунки (рис. 4, 2). Грань 3 (60×30 см) — слева под прямым углом к грани 2. Поверхностная корка плоскости частично отслоена. На ней — фрагмент неопределенной полуразмытой фигуры. Грань 4 (100×60 см). В 25 м влево от грани 3, на плоскости, разделенной трещинами на четыре полосы, после промывки от грязи выявлены рисунки плохой сохранности. Преобладают схематичные фигуры людей с султанами на голове. В руках одной из них — лук и какой-то длинный предмет (возможно, стрела), на поясе — колчан. У левого края грани — полуразмытая фигура всадника, а у правого — фигура птицы с распростертыми крыльями (рис. 4, 3). Грань 5 (30×20 см) — небольшой скальный выступ в 1,5 м влево от грани 4. На нем — две человеческие фигуры плохой сохранности (рис. 4, 4). Грань 6 (30×68 см) находится под расщелиной в скале. На ней — едва заметные на белесоватом фоне плоскости фигуры всадника на лошади и двух птиц. Под всадником — неопределимая фигура (рис. 4, 5). Грань 7 (140×80 см) — в 1,5 м влево от грани 6 и на 0,5 м ниже. На ней выявлены после промывки фигуры всадника на лошади, человека с султаном, лошади и козла (?) (рис. 4, 6).

Участок VI. После участка V на протяжении почти 2 км какие-либо наскальные рисунки отсутствуют. Объясняется это, с одной стороны, разрушением отдельных участков обнажений, а с другой — плохой сох-

Рис. 4. Участок V

1 — грань 1; 2 — грань 2; 3 — грань 4; 4 — грань 5; 5 — грань 6; 6 — грань 7

ранностью самих рисунков. Обнаружена единственная грань (110×90 см) с рисунками. На грани — охотник с луком, преследующий пораженного стрелой оленя. Под ними — полуразмытая фигура всадника на лошади (рис. 5, 1). Сохранность рисунков плохая.

На небольшом выступе под гранью — размашистая змеевидная линия. Впечатление такое, словно художник перед исполнением основных рисунков, опробуя кисть, размашисто мазнул ею по скале. Рядом со «змеей» — два значка (рис. 5, 1).

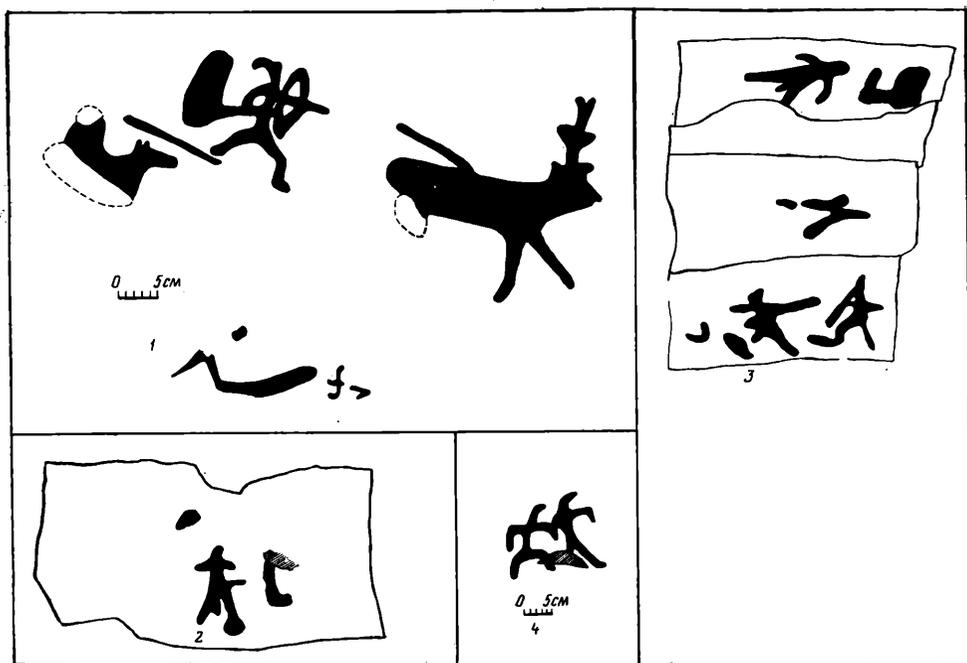

Рис. 5. Участки VI и VII

1 — участок VI; 2—4 — участок VII: 2 — грань 2, 3 — грань 3, 4 — грань 4

Участок VII. В 130 м к западу от грани участка VI выявлены четыре грани с рисунками плохой сохранности. *Грань 1* (70×30 см). На высоте около 1 м от подножия скалы — фрагментарно сохранившееся неопределенное изображение. *Грань 2* (50×25 см) — в 2 м влево от грани 1. На грани — полуразмытые рисунки. Определима лишь фигура человека (рис. 5, 2). *Грань 3* (35×45 см) — в 4 м к западу от грани 2. На ней — едва прослеживаемые полуразмытые изображения трех человеческих фигур и двух знаков (рис. 5, 3). *Грань 4* — небольшой скальный выступ на высоте 1,5 м от подошвы скалы, в 45 м к западу от грани 3. На нем — две человеческие фигуры, держащиеся за руки (рис. 5, 4).

В осыпи под гранью торчало из щебня несколько костей подростка. Трудно с уверенностью сказать, имеют ли эти кости какое-либо отношение к рисункам или нет, тем более что расчистка осыпи не производилась. Хочется отметить, что под основной гранью участка III в осыпи также были обнаружены кости, но овцы.

В 40 м к западу от грани 4 обнажения перерезаны большим логом. На другом его борту скальные плоскости появляются вновь, но изображения на них не встречены.

Описываемый памятник несколько необычен для Минусинской котловины, так как для нее характерно резкое преобладание выбитых и гравированных наскальных изображений. Достаточно сказать, что на Шалаболинской писанице, расположенной в 20 км к востоку от Кавказской, на сотни выбитых и гравированных фигур приходится всего лишь несколько крашенных рисунков, выявленных в последние годы⁷. Аналогичная ситуация наблюдается и на петроглифах устья Тубы, к западу от Кавказской писаницы⁸.

Применение иной исполнительской техники было обусловлено, видимо, несколькими причинами. Утесы здесь сложены из желтоцветных песчаников, ломких и быстро разрушающихся. Такие обнажения привлекали к себе внимание древних художников лишь в тех случаях, когда поблизости не было красноцветных девонских песчаников, которым всегда отдавалось предпочтение. Серовато-желтый песчаник прекрасно контрасти-

рует с красной охрой, чего нельзя сказать о красных песчаниках. Определяющее значение при выборе художественных средств скорее всего сыграл тот факт, что краску для рисунков исполнители находили где-то здесь же, на утесах. Об этом свидетельствуют проступающие местами на скальных обнажениях естественные пятна и полосы охры, по тональности мало отличающиеся от той, которой исполнены рисунки.

Стилистически и даже сюжетно изображения довольно однородны. Для памятника характерно резкое преобладание фигур человека. По особенностям трактовки их можно подразделить на линейно-силуэтные и силуэтные. У первых туловище, руки и ноги показаны линиями одинаковой толщины. У вторых туловище трактовано более объемно, а у отдельных фигур подчеркнут даже нижний край одежды. Обе группы объединяет тождественная обобщенная схематизированная манера исполнения рисунков, обусловленная отчасти ограниченными возможностями технического оснащения древнего живописца (примитивная кисть, грубая поверхность скалы и т. д.).

Несколько отличаются две фигуры человека. Первая — крупная контурная (рис. 1, 3), вторая — силуэтная, но с не характерной для памятника постановкой рук и удлинёнными ногами (рис. 3). Стилистические отличия этих рисунков, однако, не столь велики, чтобы их можно было отнести к иной художественной традиции.

Все фигуры лошадей, за исключением одной, силуэтные и трактованы в той же скупой манере, что и фигуры людей. У них обозначены все четыре ноги. При этом задние чаще всего параллельны и немного подогнуты под туловище. Из передних ног одна вытянута вперед и немного согнута, другая подогнута под туловище (рис. 2—4).

Фигуры птиц разнообразны как по представленным видам, так и по трактовке. Две из них водоплавающие, видимо утки; две другие напоминают птиц из семейства куриных. Три птицы — с распростертыми крыльями (рис. 3; 4, 5). У одной хищной птицы крылья опущены книзу, у другой — подняты, у третьей — крылья узкие, длинные, как у ласточки или стрижа, и такой же, как у них, раздвоенный хвост (рис. 1, 3).

Из опубликованных наскальных изображений Минусинской котловины наиболее близкие аналогии Кавказской писанице обнаруживаются в основном типологическом комплексе петроглифов горы Куни, где представлены буквально тождественные по облику изображения водоплавающих и хищных птиц, а также отдельные близкие изображения человека⁹. Основной же комплекс петроглифов Куни по аналогии с Боярской писаницей должен быть датирован концом I тысячелетия до н. э.¹⁰

Для определения более точного возраста Кавказской писаницы необходимо учитывать следующие моменты. С одной стороны, такие стилистические особенности, как постановка ног, особенно передних, у фигур лошадей, султаны у ряда человеческих фигур, напоминающие скорее всего косицы воинов с тепсейских планок, близки аналогичным мотивам на изображениях таштыкской эпохи¹¹. С другой стороны, такие особенности, как силуэтный характер изображений, отсутствие у фигур лошадей специфических таштыкских султанов, позволяют отнести их к несколько более раннему времени. Таштыкские рисунки, как правило, контурные и более реалистичные. Исходя из изложенных соображений, предполагаем, что Кавказская писаница создавалась в конце тагарской эпохи, т. е. на тесинском этапе (II—I вв. до н. э.).

Рисунки с таким своеобразным сочетанием позднетагарских и таштыкских стилистических приемов достаточно широко распространены в Минусинской котловине. Особенно богатый их комплекс выявлен на горе Полосатой. Мы встречаем там и линейные изображения воинов с «таштыкскими» косичками, и силуэтные фигуры лошадей с характерно подогнутой передней ногой. Последняя особенность в то время широко представлена в произведениях изобразительного искусства и на соседних территориях — в памятниках хунну: Ильмовой пади в Забайкалье и Ноин-Уле в Монголии¹².

К еще более позднему времени — возможно, уже к раннему этапу таштыкской культуры — относятся изображения воинов и лошадей на одном из панно горы Суханиха, которые отличаются от «классических» таштыкских лишь силуэтной трактовкой фигур и более грубой манерой исполнения.

Для выяснения конкретного содержания сюжетов Кавказской писаницы важен тот факт, что на всех гранях преобладают изображения человека. Признаки пола, в отличие от более ранних тагарских петроглифов, подчеркнуты только у одной фигуры. Однако султаны или косы на головах, особенности одяния у силуэтных фигур позволяют, по аналогии с тагарскими и таштыкскими петроглифами, прийти к заключению, что это изображения мужчин — воинов и охотников. Предметами вооружения наделены, правда, далеко не все фигуры. Два человека изображены с луками, еще два — с клевцами (?) в руках, у нескольких фигур на поясе — колчаны или гориты.

Именно I тысячелетие до н. э., по мнению М. П. Грязнова, является временем выдвижения на первый план в обществе война-всадника, временем формирования батальных и эпических сюжетов в искусстве и сложения героического эпоса у многих народов азиатских степей¹³. Ярким примером служит выделяемый тесинский пласт изображений, представленный на Кавказской писанице и в комплексах Куни, Полосатой, Тепсей, Оглахты и др.

¹ См., например: *Савенков И. Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. М., 1910; *Вяткина К. В.* Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения. — СМАЭ, 1949, т. 12; *Она же.* Наскальные изображения Минусинской котловины. — СМАЭ, 1961, т. 20.

² Наскальные изображения на территории СССР: Указатель литературы 1962—1975 гг. / Состав. Р. А. Нисканен. Петрозаводск, 1977, с. 93—110.

³ *Хлобыстина М. Д.* Культурная символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири. — СА, 1971, № 1, с. 73—81.

⁴ *Адрианов А. В.* Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. — ИРКИСВА, 1908, вып. 8, с. 42.

⁵ *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 153.

⁶ *Адрианов А. В.* Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1924.

⁷ *Пяткин Б. Н., Капелько В. Ф.* Шалаболинские писаницы. — АО 1977 г. М., 1978, с. 275, 276.

⁸ *Шер Я. А.* Памятники древнего искусства на Енисее. — АО 1969 г. М., 1970, с. 178.

⁹ *Вяткина К. В.* Наскальные изображения..., табл. XLII, 3, II, 16 и др.

¹⁰ *Давлет М. А.* Большая Боярская писаница. М., 1976, с. 9.

¹¹ *Грязнов М. П.* Таштыкская культура. — В кн.: Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1980, рис. 60; 61.

¹² *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Погребальные памятники. Улан-Удэ, 1976, табл. XIX, 18; *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноиндулинские курганы. М.; Л., 1962, табл. XXXV, 4; XLIV; XLV.

¹³ *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. — АСГЭ, 1961, вып. 3, с. 7, 29 сл.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ГОРОДИЩЕ БИЛОВУРТЕПЕ

(ВОСТОЧНАЯ ФЕРГАНА)

Городище Билувуртепе располагается на высоком холме левого берега р. Ак-Буура, на окраине сел. Турабад Ходжабадского р-на Андижанской обл. Работы проводились в 1972, 1973, 1976 и 1977 гг.¹

В плане поселение имеет трапециевидную форму с высоким холмом цитадели в северной части. Южная часть скрыта при землеустроительных работах. Сохранился лишь участок площадью более 1 га (100×100 м). Высота юго-западной части городища 6 м. Западный и южный края срезаны экскаватором. При этом обнажились стена древней постройки и

большая хозяйственная яма. Именно на этом участке и заложили раскоп. В южной половине городища — две большие впадины, вероятно водоемов-хаусов, размерами 36×30 м и глубиной до 4 м.

Раскоп между этими двумя впадинами имел площадь более 300 кв. м. Толщина культурного слоя здесь была от 60 см до 1,5 м. На вскрытом участке обнаружены остатки 10 комнат. В помещении 1 (ширина 3,3 м, длина сохранившейся части 3,7 м) открыт большой очаг, на котором лежала жаровня. В комнате 2 (ширина 4,7 м, длина не менее 4 м) расчищено хум яйцевидной формы с простой крайней. В помещении выявлено четыре уровня полов. Комната 3 (к северу от комнаты 1) дает основание говорить о существовании по крайней мере двух строительных периодов. Внутри стоявшего здесь хума обнаружено скопление косточек винограда. Центральное положение занимала квадратная (5×5 м) комната 4. В заполнении найден костяк собаки. От остальных комнат в пределах раскопа сохранились только небольшие участки стен, которые не позволяют представить планировку. Оба строительных горизонта относятся к одному — мархаматскому — периоду бытования в Фергане красноангобированной керамики.

В траншее, заложенной на юго-западной части городища, культурный слой не обнаружен. На глубине 1 м прослежен прямоугольный контур размерами 100×70 см. После расчистки здесь оказалась вертикальная шахта-колодезь, прямоугольная в плане, глубиной 4,7 м. Мягкая засыпь четко отделялась от стен. В засыпи найден фрагмент керамики. В южной и северной стенках шахты расчищены неглубокие выемки-нишки с плоским основанием для облегчения спуска и подъема, по восемь ступенек в каждой стенке на расстоянии 40–80 см друг от друга. Назначение шахты-колодца остается неясным.

Рис. 1. Городище Билувуртпе. План цитадели

- а — нераскопанный участок;
- б — пол;
- в — валуны;
- г — хозяйственные ямы;
- д — стены

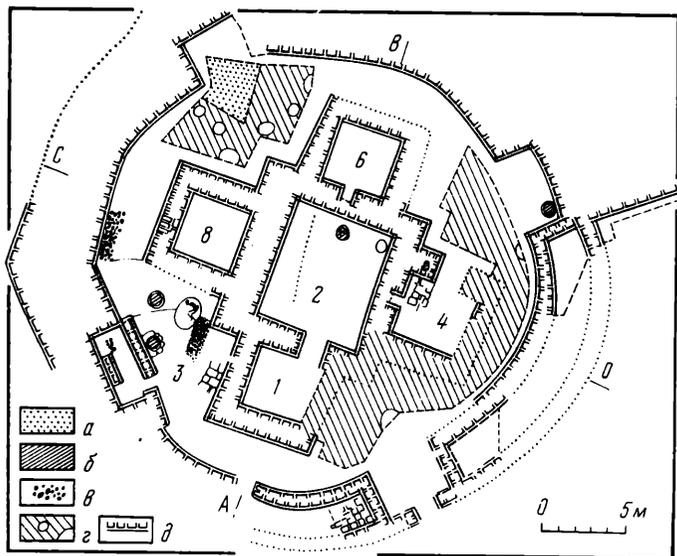
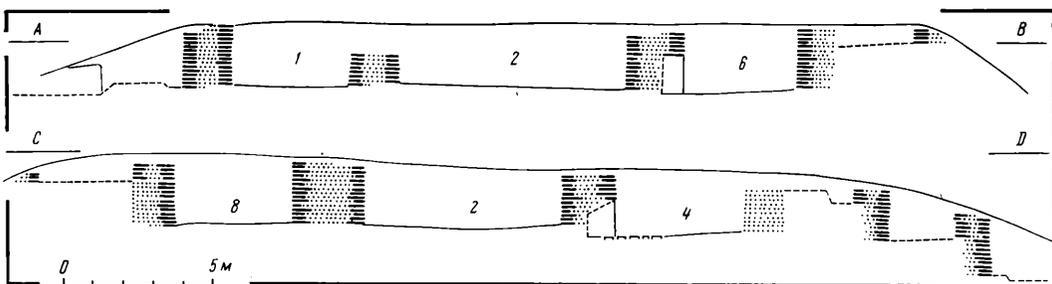

Рис. 2. Городище Билувуртпе. Разрезы через стены

На восточном краю городища в траншее длиной 10 м исследованы остатки глинобитной крепостной стены толщиной до 3,5 м. С внутренней стороны она прослежена на высоту 1 м. Характер кладки установить не удалось, так как стена сохранилась в среднем на высоту 50 см. Основание ее составляют выходы скалы.

Работы имели цель выяснить планировку цитадели и получить материалы для уточнения периодизации и хронологии древнего периода Ферганы. Цитадель имеет форму высокого холма, овального в плане. Его размеры в основании 50×50 м, по верху — 25×25 м (рис. 1; 2), высота — 20 м. В результате проведенных работ на цитадели выявлено три строительных горизонта, два из которых — Билувур I и II — относятся к мархаматскому периоду (первые века нашей эры). Верхний горизонт — Билувур III — содержит культурные наслоения раннесредневекового периода.

На всей поверхности холма цитадели (более 600 кв. м) изучены строительные остатки раннесредневекового периода. Толщина слоя составляла 20—40 см, и поэтому никаких следов построек не сохранилось. На глинобитной поверхности расчищено несколько десятков хозяйственных ям разной формы и размеров и найдено большое количество раннесредневековой керамики. Некоторые ямы в сечении имели грушевидную форму и глубину до 1,5 м. В ямах — кости животных, зола, угли и керамика. В одной яме оказался почти целый череп лошади. Особенно густо изрыта ямами западная половина цитадели. В заполнении ям и на поверхности лежали крупные валуны-галечки, которые в современных домах кладут в основание фундамента.

В цитадели оконтурена с внутренней стороны почти на всем протяжении оборонительная стена с четырьмя башнями. В плане стена цитадели округлой формы. Размеры между внутренними краями стены с севера на юг равны 26,5 м, с запада на восток — 27 м. Вдоль стены были навалены крупные валуны. Толщина завала камней достигала 1 м. Этими валунами-галечками создали платформу для построек периода III.

На юго-западном участке удалось проследить внешний край оборонительной стены толщиной 5,2—5,5 м. Раскопаны внутрибашенные помещения четырех башен. Хорошо сохранилось помещение внутри северо-восточной башни размерами 4,7×2,5 м. Верхний пол залегал на отметке 0,5—0,7 м от поверхности холма. В помещении много крупных валунов от забутовки. В северо-восточном углу в пол вкопана хумча диаметром 46 см. С южной стороны этой башни оборонительная стена состоит из двух стен, между которыми имеется проход шириной 2,1 м. Первая (внутренняя) стена толщиной 90 см хорошо сохранилась в нижней части. Она отвесная и покрыта штукатуркой. Вторая (внешняя) стена расчищена на участке длиной 2 м. Толщина ее около 1 м. Обнаружен внешний угол этой стены, примыкающий к южной стене башни.

На этом же участке, на отметке 4,4 м от репера, обнаружены остатки северо-восточной башни, относящиеся по стратиграфическим данным к периоду Билувур I. В этот период северо-восточная башня выступала за границы цитадели более позднего периода Билувур II.

Изменение планировки на грани периодов Билувур I и II первоначально отмечено в юго-западной части цитадели. В комнате 1 на небольшом участке, прилегающем к южной стене, вскрыт пол. Основанием пола служила вымостка из плоских галек, уложенных в несколько рядов. Сверху она обмазана глиной. В шурфе углубились до 7 м. На этом уровне появилась, видимо, поверхность нижнего горизонта. В западной стене шурфа обнажена стена башни, а в северной — часть стены цитадели и место их соединения. Стена цитадели нижнего горизонта сохранилась на высоту не менее 5 м. В завале встречены целые кирпичи размерами 40—40,30×24×10 см, а также фрагменты керамики с красным ангобом и зернотерки. Стена цитадели нижнего горизонта в верхней части сложена из трех рядов блоков размерами 42×25; 42×40 см и из толстых прямоугольных кирпичей. Ниже верхнего края стены на 40—50 см отмечена

щелевидная амбразура с заострением сверху (высота 80 см, ширина 20 см). Аналогичная амбразура обнаружена на этом же уровне в стене башни. Внутри амбразур расчищены на 50 см. От низа амбразур до основания башни и стены около 3 м. Следовательно, в шурфе открыта часть стены и выступающей прямоугольной башни цитадели нижнего горизонта. Внешний (южный) край стены верхней цитадели отстоит от края нижней на 7 м. Это свидетельствует о том, что в более позднее время площадь цитадели была расширена. Толщина оборонительной стены верхней цитадели составляет 5,5 м, а высота достигает 2 м.

Северо-западная башня сохранилась неполностью. Восточную стену проследить детально не удалось, и поэтому длина внутрибашенного помещения не установлена. Ширина его около 3 м. Стены помещения сильно обгорели. Здесь так же, как и у северо-восточной башни, обнаружены строительные остатки, относящиеся к периоду Биловур I.

В юго-западную башню ведет узкий вход из комнаты 3. Размеры внутрибашенного помещения $4,7 \times 2,1$ м. Стены сильно обгорели. Внешняя (южная) стена сохранилась на высоту 70–100 см от поверхности холма. Северо-западная стена оштукатурена и сохранилась на высоту 1,6 м. Около нее уцелела утрамбованная поверхность пола. Под обмазкой пола, на глубине 20 см, обнаружена кладка из плоских галек, положенных плашмя (так же, как в комнате 1). Внешний контур башни не удалось проследить, поскольку склон холма завален огромным отвалом.

На юго-восточном участке цитадели в 1972 г. открыта комната с проходом, игравшая роль юго-восточной башни. В южной стене ее имелся проход шириной 90 см, где обнаружены остатки деревянной рамы-обвязки и порога. Рама состояла из двух стоек, врезанных в стены. Вертикальные пазы стоек были прямоугольными в сечении. Бревна рамы опирались на плоские гальки. Сохранились остатки трех ступенек порога, на которых лежат плоские валуны. Открыто также круглое в сечении гнездо от горизонтального бревна, лежавшего на ступеньке порога.

Внутренняя планировка цитадели изучена почти полностью. Стены комнат сохранились на высоту 2 м. Они сложены из кирпича, оштукатурены и побелены. Комната 1 имела размеры $4 \times 4,5$ м. Комната 3 была сегментовидной в плане формы. Она находится к западу от комнаты 1. Восточная стена ее смежная с комнатой 1. Длина ее 5,5 м. Северная стена сохранилась на участке около 2 м. На юго-западе стеной комнаты 3 служила оборонительная стена цитадели. Почти у середины этой стены в полу обнаружена яма, в которой помещался хум 1. Он был огражден кольцом сырцовых кирпичей размерами $24-40 \times 20$ см и толщиной 14 см. Хум яйцевидной формы, с воротничковым венчиком. Высота его 1,1 м, диаметр горловины 60 см. Хум перекрыт циновкой, обмазанной глиной, и поэтому не был засыпан землей. Куски глины с отпечатками камыша сняты по краям ямы, в которой находился хум.

Пол с хумом 1 относится к этапу I обживания комнаты 3. На 40 см выше, на уровне горловины хума 2, залегает жилая поверхность. Этот хум находился у северного края комнаты, на расстоянии около 2 м от первого. Хум яйцевидной формы. Высота его 1,45 м, диаметр горловины 62 см. Выше уровня пола II на 50 см проходит жилая поверхность (пол) III с тонкой прослойкой золы и угля, на этой поверхности лежат камни забутовки. Таким образом, стратиграфические наблюдения в комнате 3 позволяют выделить внутри периода Биловур II три этапа обживания.

С уровня пола III начинается яма диаметром около 2 м. На дне ее, у северо-восточного края, лежал сильно разрушенный костяк человека в скорченном положении на правом боку, черепом на запад. Он окружен камнями. Вещей при нем нет. Яма с погребением прорезает северную стену комнаты 3 и, следовательно, относится к более позднему времени.

Комната 2 имела прямоугольную форму и размеры $7,5 \times 6,6$ м. У северной стены оконтурирована яма, в которой стоял разбитый в древности хум (третий в цитадели). В западной части комнаты обнаружены две

ямы, в которых были поставлены столбы-колонны, поддерживавшие перекрытие. Расстояние между ними около 3 м. В одной из ям сохранилась труха от столба. В северо-восточном углу расчищены остатки очага. Восточная стена, поврежденная позднейшими ямами, обожжена на участке длиной более 2 м. Стены сохранились на высоту 2 м. В южной части был проход в комнату 1.

К северу от комнаты 2 располагается комната 6 (4×3,7 м), забутованная обломками кирпича, среди которых найдено несколько раннесредневековых черепков. Пол комнаты 6 находился на одном уровне с полом комнаты 2.

В середине южной стены имеется проход (или ниша). Ниша-проход высотой 1,3 м и шириной 75 см начинается у пола, расширяется кверху и перекрыта доской. Проход расчищен вглубь на 80 см. На другой стороне стены, в комнате 2, возможно, был узкий проход, позднее перекрытый. Стены сложены из кирпича. Толщина западной стены 1,7 м, южной — 1,9 м.

К западу от комнаты 2 расчищена комната 8 (3,9×4 м). Западная стена ее снаружи зачищена на глубину 50–65 см. На небольшом участке оконтурены прямоугольные кирпичи (30–32×60–64×8–10 см). Снаружи кирпичи положены поперек стены, а с внутренней стороны — вдоль. Стена сложена из двух рядов кирпичей, пространство между которыми заполнено раствором. Толщина стены на этом участке 1,2 м. Западная стена комнаты 8 находится на расстоянии 3,2 м от края оборонительной стены. Пол в комнате 8 залегает на одном уровне с полом комнаты 2. Вход в комнату не найден.

Комната 4 (3,9×4,3 м) находится к востоку от комнаты 2. В плотной забутовке оконтурены две стены и только частично — остальные. Раннесредневековые слои на этом участке достигают толщины 1,1 м, южная стена сохранилась на высоту 75 см. В западной стене, смежной с комнатой 2, найден проход-ниша шириной 75 см. Расчищен участок пола, выложенного крупными (40–45×35 см) кирпичами, швы между ними составляют 3 см. Подобная выкладка на полу обнаружена и в комнате 3.

Основную массу находок представляет керамика, преимущественно из траншей, которыми оконтуривали снаружи стены комнат. В верхнем слое периода Биловур III встречена раннесредневековая фрагментированная керамика. Две поливные чаши-пиалы могут быть отнесены к XV–XVI вв., они указывают на посещение людьми древних развалин. Строительные остатки этого времени, да и раннесредневекового периода, на цитадели не найдены.

Открытое монументальное здание относится к периоду Биловур II, характеризуемому распространением керамики с красным ангобом. Распределение керамики по группам показано в табл. 1. Количественное соотношение групп керамики цитадели мало отличается от средних данных по городищу в целом. Они отличаются от данных по шурабашатскому комплексу (табл. 2) и одинаковы для керамики Мархамата, где преобладает посуда с красным ангобом и станковая.

Группы керамики на Биловуре и Мархамате одинаковы. Близко общее количество станковой посуды, а также лепной. Имеются некоторые отличия в количестве кухонной посуды и хумов. Принципиально новым было обнаружение на Мархамате и Биловуре крашеной и расписной керамики шурабашатского облика. Крашеной и расписной посуды в Биловуре оказалось больше, нежели фрагментов с пропарпантным орнаментом — специфической особенностью, свойственной лишь ферганской посуде с красным ангобом и неизвестной в других областях Средней Азии. Из этого следует, что для некоторых памятников мархаматского периода крашенная и расписная керамика составляет неотъемлемую часть керамического комплекса. Ранее небольшое количество такой керамики было найдено только на Гайраттепе, в настоящее время она известна уже в четырех пунктах.

Различия между рассматриваемыми памятниками более явственно про-

Таблица 1
Распределение по группам керамики Биловуртепе (%)

Группы керамики	Цитадель			Городище
	1976 г.	1977 г.	1976—1977 гг.	1972, 1973, 1976, 1977 гг.
I. Красноангобированная	57,2	64,8	61,0	57,4
II. Станковая	13,8	16,4	15,1	20,2
III. Лепная	10,3	8,3	9,3	10,25
IV. Лепная крашеная и расписная	1,6	0,6	1,1	0,95
V. Кухонная	14,4	9,4	11,9	10,1
VI. Хумы	2,4	0,1	1,2	0,7
Итого	99,7	99,6	99,6	99,6
Всего фрагментов	2789	1309	4098	9348

Таблица 2
Распределение по группам керамики Биловуртепе в сравнении с другими памятниками (%)

Группы керамики	Шурабашаг 1957 г. 70 га	Карадарья 1958—1960 гг. 10,5 га	Хонжамбаг 1976—1977 гг. 0,07 га	Биловур 1972—1977 гг. 1 га	Мархамат 40 га
I. Красноангобированная	5,0	21,3	55,8	57,4	65,5
II. Станковая	—	14,1	6,5	20,2	17,6
III. Лепная	48,4	39,5	14,1	10,25	11,7
IV. Лепная крашеная и расписная	26,5	12,2	3,0	0,95	—
V. Кухонная	17,4	1,5	17,3	10,1	1,3
VI. Хумы	2,3	10,6	2,7	0,7	3,7
Итого	99,6	99,2	99,4	99,6	99,8
Всего фрагментов	5305	8637	4742	9348	6166

ступают в том, что в столичном центре — Мархамате — керамика лучшего качества.

Подсчеты дали возможность сопоставить Биловур и Мархамат по набору керамики и процентному соотношению отдельных групп с памятниками шурабашатской культуры.

В целом керамический комплекс периода Биловур II по количественным показателям аналогичен комплексам Мархаматского городища (раскопки Ю. А. Заднепровского 1973 г.) и Гайраттепе².

Выяснена внутренняя планировка цитадели Биловура. Внутри круглых в плане оборонительных стен находилось монументальное здание, состоявшее из нескольких комнат, ориентированное по линии север—северо-восток—юг—юго-запад. Постройка имела крестовидный план, в центре ее располагалась большая (50 кв. м) парадная комната 2. Со всех сторон к ней пристроены четырехугольные, почти квадратные комнаты меньших размеров (15—17 кв. м). В настоящее время вход внутрь здания выявлен только в северной стене комнаты 4. Узкими проходами комнаты 4 и 6 соединялись с центральным помещением. Комнаты 1 и 2 были соединены широким проходом. Комната 8 изолирована. Выявлен пока только один вход в цитадель — через юго-восточную башню.

Оборонительная стена в южной части цитадели состояла из двух частей и имела внутрисканальный проход шириной 2 м. Каждая стена достигала толщины 90—100 см, а оборонительная стена в целом — толщины 4 м. Аналогичное устройство стены выявлено на участке, прилегающем к северо-восточной башне, и на юго-восточном участке у юго-восточной башни — всего в трех разных пунктах.

В комнатах на полу и в нижней части мало находок. Вообще данных о назначении отдельных комнат и постройки в целом мало.

Работы на Билувуртепе выявили дополнительные данные о структуре сельских поселений Ферганы. Цитадель расположена в северной части и занимает площадь около 1000 кв. м, что составляет примерно 0,1 всего поселения. По размерам и наличию обособленной цитадели Билувур относится к типу укрепленных сельских поселений³. Возникает вопрос о назначении цитадели на сельском поселении. Определенных данных по этому вопросу не имеется. Нет материалов, свидетельствующих об использовании монументального крестовидного здания в качестве культового сооружения. В здании площадью 260 кв. м (полезная жилая площадь 113 кв. м.) вряд ли могла обитать большая группа людей. Можно предположить, что цитадель Билувура служила своего рода донжоном — убежищем и местом пребывания представителей землевладельческой знати, а на основной жилой части поселения обитали рядовые общинники.

Овальная форма и размеры цитадели Билувура находят аналогию в Актепе у Арсифа⁴, но в Актепе нет башен, и внутренняя планировка его не изучена.

На сельском поселении Куюктепе (в междуречье Нарына и Карадары), расположенном в 70 км от Билувура, обнаружена цитадель иного типа, прямоугольная в плане, с 10 часто поставленными по периметру прямоугольными башнями, без внутренней планировки. Эта постройка замкового типа занимает площадь 750 кв. м, что составляет $\frac{1}{13}$ всего поселения⁵. По абсолютным размерам, форме, расположению башен и планировке цитадели Билувура и Куюктепе различны. Таким образом, можно говорить о двух разновидностях донжонов древнего периода.

Донжоны сельских поселений отличались от цитаделей городских поселений. Об этом можно судить по цитадели Карадарьинского городища, удаленного от Билувура тоже на 70 км и занимавшего 10 га⁶. В плане она трапециевидной формы, площадь — 400 кв. м, что составляет $\frac{1}{260}$ часть городища. Башни не обнаружены, внутреннее пространство перегороджено на части.

Куюктепе, Билувур и Карадарьинское городище близки по времени и географически. Следовательно, разница в размерах цитаделей может быть объяснена только различием в социально-экономическом типе поселений.

Монументальное здание крестовидного плана Билувура находит прямые аналогии в Ташкентском оазисе, в дворцовом комплексе городища Актобе, в Чардаре⁷, а также в Шаштепе (на территории Ташкента). Все эти памятники относятся примерно к одному хронологическому периоду. Они свидетельствуют о принципиальном сходстве архитектурно-планировочных приемов, примененных древними строителями Ферганы и Ташкентского оазиса и, следовательно, о тесных культурных связях между этими соседними областями.

Обращает на себя внимание центральная комната 2 с остатками оснований двух колонн. Аналогичные по размерам крупные залы парадного облика обнаружены на Кулунчакском поселении (52 кв. м), на поселениях Аралтепе (49 кв. м) и Майдатепе (50 кв. м)⁸. Такое совпадение не случайно и объясняется распространенными в ту эпоху архитектурными приемами и нормами.

Монументальное здание Билувура заставляет вспомнить кушанские «замки», о которых писал А. Н. Бернштам⁹. Цитадель Билувура напоминает раннесредневековые замки Хорезма, а монументальное здание представляет прототип донжонов — особо укрепленных частей раннесредневековых замков, служивших убежищами. Материалы, добытые на го-

родище Билувур, позволяют поставить проблему генезиса одного из ведущих типов поселения Ферганы раннесредневекового периода. Билувуртепе предстает сильно укрепленным городищем, которое входило в оборонительную систему древнего Опского оазиса, защищавшую подступы к столичному городу Ферганы — Мархамату.

- ¹ Краткая информация об этих работах опубликована в АО 1972, 1973, 1976 и 1977 гг. (М., 1973, 1974, 1977, 1978). См. также: *Заднепровский Ю. А., Баранов Л.* Цитадель Билувуртепе.— ИМКУ, 1979, вып. 15, с. 153, 154.
- ² *Козенкова В. И.* Гайраттепе (к истории поселений Ферганы первой половины I тысячелетия н. э.).— СА, 1964, № 3.
- ³ *Заднепровский Ю. А.* Древняя Фергана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.

- ⁴ *Горбунова Н. Г.* Поселения Ферганы первых веков нашей эры.— СА, 1977, № 3, рис. 1, 5.
- ⁵ Там же, рис. 2, 1.
- ⁶ *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники кожных районов Ошской обл. Фрунзе, 1960, рис. 11.
- ⁷ *Максимова А. Г., Мерцеев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, рис. 8.
- ⁸ *Горбунова Н. Г.* Поселения Ферганы...
- ⁹ *Бернштам А. Н.* Древняя Фергана. Ташкент, 1951, с. 17.

Т. В. МИРОШИНА

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВСКОГО РАЙОНА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В 1980 г. Ставропольская экспедиция Института археологии АН СССР проводила исследования курганной группы Веселая Роща III в Александровском р-не Ставропольского края¹. В кургане 22, сооруженном в период средней бронзы, впускное погребение 6 (к северу от 0; ЦС — 3,5 м; ЦЗ — 0,75 м) относится к сарматскому времени (III—I вв. до н. э.). Оно совершено в катакомбе (рис. 1, I). Из 63 сарматских погребений IV—I вв. до н. э., раскопанных Ставропольской экспедицией, в катакомбах совершены 12, или 19% (из них восемь сомнительны). Входная яма в плане трапециевидной формы, ориентирована по линии восток—запад. Размеры ее 0,93×0,9 м, глубина — 1,95 м. На той же глубине в западной стенке входной ямы находился вход в камеру, ориентированную также по линии восток—запад. В плане она имела форму усеченного овала, размеры 2,5×0,9×0,7 м. Свод камеры сохранился частично у западной стены.

На дне лежал костяк мужчины (?) 20—30 лет² на спине, черепом на запад—северо-запад. Руки согнуты в локтях под углом 35°. Левая кисть — ладонью вверх, поверх тазобедренного сустава; правая — ладонью вниз, поверх костей таза. Пяточные кости обращены друг к другу.

У южной стенки, справа от таза, — передняя часть тушки овцы (?), к югу от берцовых костей правой ноги — лепной шаровидный плоскодонный подлощенный кувшин из черной глины (рис. 1, III). Венчик и ручка обломаны. На плечиках прочерчены горизонтальные линии с овальными вдавлениями между ними. Книзу отходят тройные вертикальные линии. Сохранившаяся высота 17 см, диаметр дна 13 см, диаметр тулова 21 см.

В центре входной ямы, в 0,35 м к востоку от правой стопы, — плоский осколок гальки размерами 3,5×2,6×0,9 см. Вдоль правого бедра — железный меч острием вниз (рис. 1, II). У него серповидное навершие и прямое перекрестие, конец линзовидного в сечении острия обломан. Сохранившаяся длина меча 43,5 см. Судя по мелким фрагментам дерева, можно предположить, что меч был в деревянных ножнах.

Инвентарь имеет аналогии в находках прохоровского времени. Сосуды с орнаментом из горизонтальных и вертикальных полос типичны для

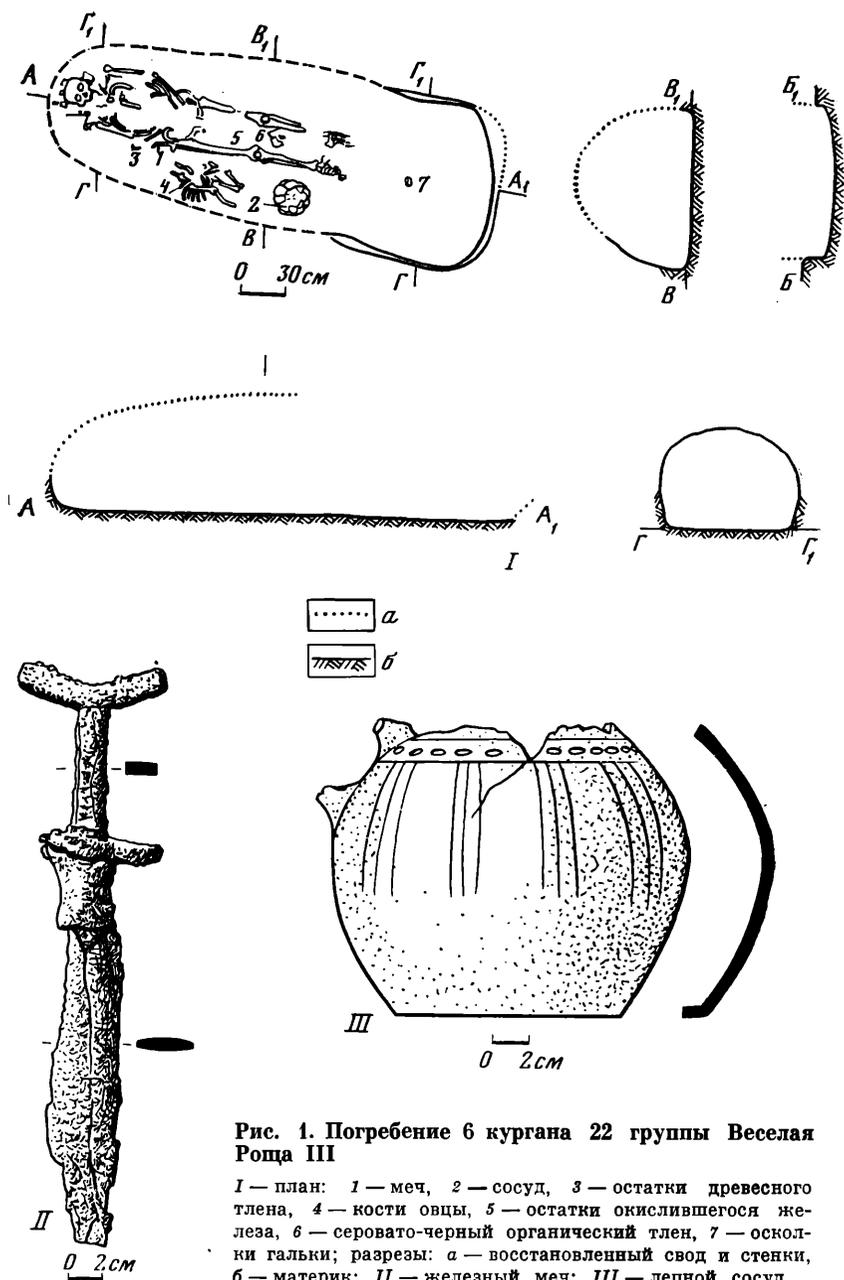

Рис. 1. Погребение 6 кургана 22 группы Веселая Роща III

I — план: 1 — меч, 2 — сосуд, 3 — остатки древесного тлена, 4 — кости овцы, 5 — остатки окислившегося железа, 6 — серовато-черный органический тлен, 7 — осколки гальки; разрезы: а — восстановленный свод и стенки, б — материк; II — железный меч; III — лепной сосуд

прохоровской культуры³. По схеме орнамента и форме сосуд напоминает кувшин из Южного Приуралья III—II вв. до н. э.⁴ Мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием считаются классическими для прохоровской культуры⁵. Похожий кинжал происходит из кургана 8 у хут. Ясырев Ростовской обл. (III в. до н. э.)⁶. На Центральном Кавказе такие мечи относятся ко времени до рубежа нашей эры⁷.

В 1981 г. у с. Грушевское был раскопан курган 10 группы I с единственным сарматским погребением. Курган сильно распахан, имел овальную форму. Диаметры: север—юг — 30 м, запад—восток — 22 м. Современная высота кургана 0,54 м. Выкид прослеживается на уровне погребенной почвы на глубине 0,5 м от 0. Пятно ямы округлых очертаний (3×2,6 м) выявлено к северо-западу от 0 на глубине 1,1 м (ЦЮ — 0,6 м; ЦЗ — 1,1 м). Яма выдолблена в скальной породе, у северной стенки

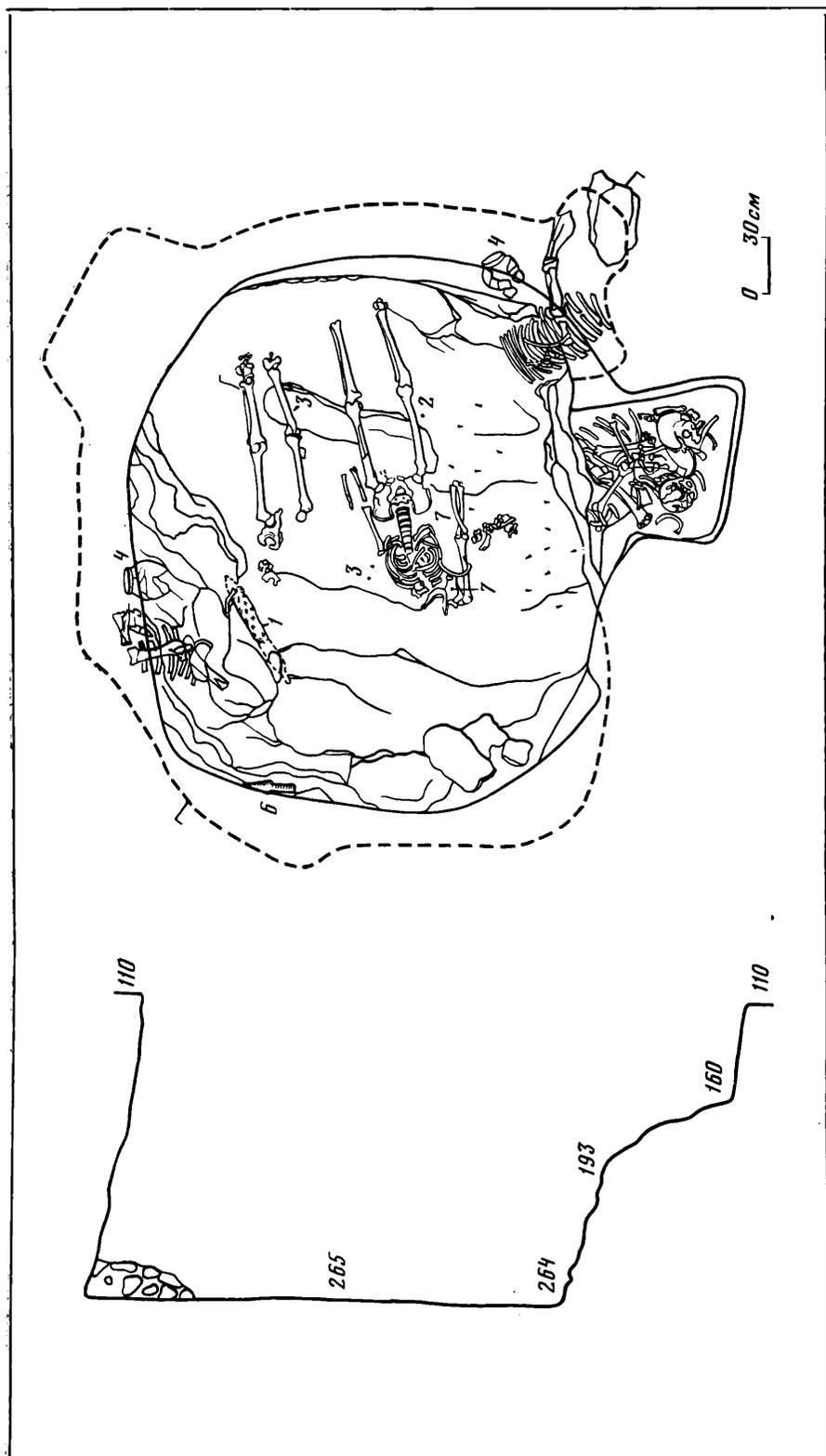

Рис. 2. Курган 10 у с. Грушевское. План и разрез погребения 1

1 — меч; 2 — уголь; 3 — фрагменты железных предметов; 4 — сосуды; 5 — нож; 6 — копье; 7 — золотые бусы; e — бронзовые стрелы

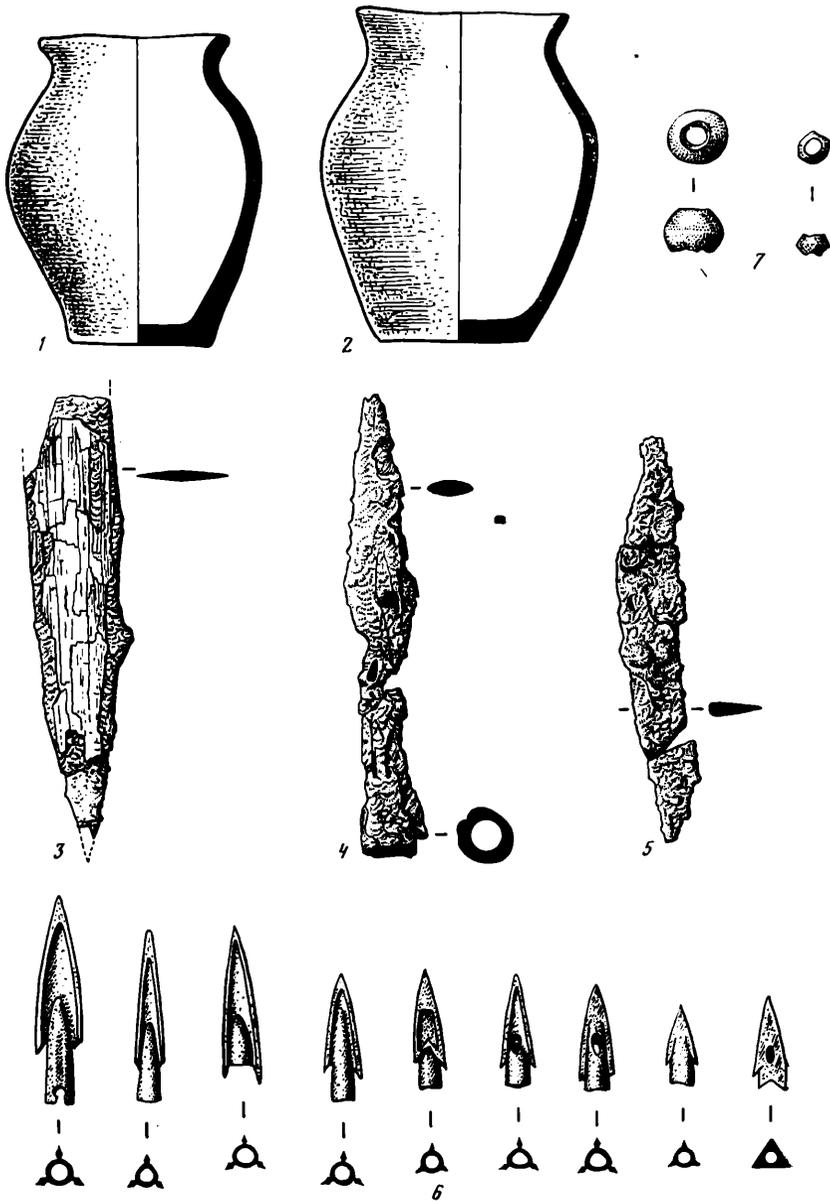

Рис. 3. Предметы из кургана 10

1, 2 — лепные сосуды; 3 — фрагмент меча; 4 — наконечник копья; 5 — нож; 6 — наконечники стрел; 7 — бусы; 1, 2 — керамика; 3—5 — железо; 6 — бронза; 7 — золото

частично заполнена камнями. Заполнение ямы сверху гумусированное ближе ко дну — материковая супесь с камнями. Размеры ямы по дну $2,5 \times 3,7$ м (рис. 2). Дно понижается от западной к восточной стенке от 2,6 до 2,78 м. Все стенки ямы ко дну расширяются.

В южной стенке — прямоугольный в плане уступ размерами $0,8 \times 0,6$ м, понижающийся с глубины 1,63 до 1,93 м. На нем в беспорядке были навалены кости двух человеческих скелетов: два черепа, правое крыло таза, ребра, длинные кости рук. Здесь же лежали кости ноги лошади и мелкие фрагменты бронзового предмета. Возможно, уступ был сделан для заупокойной пищи.

На дне ямы находилось два скелета. Первый (южный) костяк — мужчины (35—45 лет) — лежал на спине черепом на запад, руки вдоль тела. Череп и левое плечо, а также фаланги пальцев рук и ног отсут-

ствуют. Руки вытянуты вдоль туловища. У правого локтя в заполнении ямы на глубине 2,4 м найдена верхняя часть позвоночника. Второй (северный) костяк — женщины (?) (20—35 лет) — лежал на спине, ориентирован на запад. Сохранилась только нижняя часть скелета — ноги и левое крыло таза. Недостающие кости скелетов 1 и 2 найдены на уступе.

В юго-восточном углу, к югу от первого скелета, находились грудная часть и нога лошади, а также раздавленный лепной яйцевидный горшок с отогнутым венчиком (рис. 3, 1). Сосуд асимметричный, серовато-коричневого цвета, со следами копоты на внешней стороне. Диаметр венчика 12 см, наибольший диаметр 16 см, диаметр дна 8,5 см, высота 18,2 см. У правого колена второго скелета зафиксированы угольки. У левого локтя — мелкие фрагменты железа. У правого локтя и правого крыла таза обнаружено по одной золотой биконической бусине диаметром 0,7 и 1,3 см (рис. 3, 7). К югу от первого скелета, на его груди и в северной части погребения, было разбросано 22 бронзовых наконечника стрел: 19 трехлопастных с выступающей втулкой; два трехлопастных со скрытой втулкой и одной опущенной лопастью; один трехгранный с выступающей втулкой (рис. 3, 6).

К северу от второго скелета, у северной стены, лежали лопатка овцы, нога и грудная часть лошади с воткнутым железным ножом с горбатой спинкой длиной 9 см (рис. 3, 5). В 0,2 м к востоку от них — лепной яйцевидный горшок с отогнутым венчиком из серо-коричневой глины с копотью снаружи (рис. 3, 2). По форме сосуд близок описанному. Придонная часть его отсутствовала. Диаметр венчика 13 см, диаметр тулова 16 см, сохранившаяся высота 18 см.

В северо-западной части ямы обнаружен наконечник железного копья (острием на север) с остролистным пером, линзовидный в сечении, с конической втулкой (рис. 3, 4). Длина пера 15 см, втулки — 12 см. Внутри втулки помещена бронзовая пластинка конической формы. К северу от левой бедренной кости второго скелета находился фрагмент нижней части лезвия железного меча (острием на восток—северо-восток), ромбического в сечении (рис. 3, 3). Сохранившаяся длина 26,4 см, видны следы дерева от ножен. У правой берцовой кости второго скелета найдены мелкие фрагменты железа.

Сосуды похожи на упоминаемый М. Г. Мошковой сосуд из Поволжья III—II вв. до н. э.⁸ Копье по типу близко скифским копьям отдела II типа II второго варианта (по А. И. Мелюковой) IV—III вв. до н. э.⁹ Золотые бусы, возможно, местного производства, так как точных аналогий им нет. По комплексу бронзовых стрел погребение можно датировать IV—III вв. до н. э.¹⁰

Хотя, согласно антропологическому определению, второй скелет принадлежит женщине, специфических женских вещей в могиле нет, а рядом со вторым скелетом найдены меч и копье. Это заставляет нас сомневаться в правильности антропологического заключения и наводит на мысль, что и второй погребенный — мужчина. Видимо, первый погребенный похоронен позже второго и поэтому сохранился лучше — во время ограбления еще не распались ткани. Может быть, грабили современники, когда перекрытие было цело, поэтому кости не выбросили из могилы, а положили на уступ.

Если же согласиться с определением антропологов, то можно предположить, что в погребении похоронены супруги, а вещи перепутаны при ограблении. Видимо, супруги были похоронены последовательно: мужчина позже женщины примерно лет на 10.

Погребение интересно наличием уступа, а также тем, что является парным и притом основным в кургане. Основных сарматских погребений среди рассматриваемых всего три (5%), два из них относятся к IV—III вв. до н. э. (еще погребение 1 кургана 5 Жуковской группы II)¹¹. Парных погребений четыре (6%). Одно из них — коллективное (погребение 2 кургана 18 группы Чограй II, III—I вв. до н. э.)¹².

Представляют большой интерес находки оружия и изделий из золота в публикуемых погребениях. Мечи обнаружены в восьми погребениях, стрелы — в шести, копыя — в двух. Полный набор вооружения — меч, стрелы, копье, как в кургане 10 у с. Грушевское, — в погребениях, раскопанных Ставропольской экспедицией, больше не встречен. Золотые вещи только в четырех погребениях.

Видимо, погребение из кургана 10 у с. Грушевское принадлежало представителям знати. Об этом говорят размеры и глубина могильной ямы, одной из самых больших в Ставрополье, полный комплект вооружения и золотые бусы.

- ¹ Благодарю руководство Ставропольской экспедиции за разрешение опубликовать материал.
- ² Все антропологические определения сделаны Г. П. Романовой.
- ³ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 27.
- ⁴ Там же, табл. 5, 27.
- ⁵ Там же, с. 34.
- ⁶ *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Сарматские погребения Ясыревских курганов нижнего Дона.— КСИА, 1973, 133, с. 75, рис. 29, 8.
- ⁷ *Абрамова М. П.* Нижнедзулатский могильник. Нальчик, 1972, с. 21.
- ⁸ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 7, 16.
- ⁹ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-4, табл. 14, 6, 9.
- ¹⁰ Там же, табл. 9.
- ¹¹ *Тихонов Б. Г.* Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г. [Рукопись в Отделе полевых исследований ИА].
- ¹² *Коренько В. А.* Отчет о работе Архирского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г. Архив ИА, Р-1, № 7223.

ХРОНИКА

В. А. АЛЕКСИН

РАБОТА СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА В 1979—1982 ГГ.

В 1979—1982 гг. сотрудники сектора занимались разработкой семи основных тем: теоретические и методические проблемы археологии; неолит европейской части СССР и сопредельных территорий; эпоха бронзы евразийских степей; культура и общественный строй раннеземледельческих племен Средней Азии и Кавказа; культура древних кочевников евразийских степей; история и культура древних городов и поселений на территории Средней Азии и Кавказа; история и культура Средней Азии, Кавказа, Южной Сибири и Тувы в эпоху средневековья.

В этот же период сектором проведены следующие экспедиции: Пенджикентская (А. М. Беленицкий, В. И. Распопова); Сумбарская (И. Н. Хлопин, Л. И. Хлопина); Ферганская (Ю. А. Заднепровский); Каахкинская (А. Я. Щетенко); Бактрийская (В. М. Массон, В. А. Завьялов); Каракумская (В. М. Массон, Л. Б. Кирчо); Кубанская (В. С. Бочкарев, Э. С. Шарафутдинова, В. А. Алексин); Саяно-Тувинская (С. Н. Астахов), в составе которой работали отряды II (А. М. Мандельштам) и V (Г. В. Длужневская); Средне-Енисейская (М. Н. Пшеницына, Н. Ф. Лисицын, Н. А. Боковенко); Сибирская (Э. Б. Вадецкая). В 1980 г. действовала Минусинская экспедиция (Г. А. Максименков). С 1982 г. начал полевые работы Забайкальский отряд (С. С. Миняев).

Большое внимание сотрудники сектора уделяли написанию соответствующих разделов для многотомной «Археологии СССР». Э. С. Шарафутдинова принимала участие в написании тома «Эпоха бронзы евразийских степей»; М. П. Грязнов, Э. Б. Вадецкая, Ю. А. Заднепровский, А. М. Мандельштам, М. Н. Пшеницына работали над разделами для тома «Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время»; В. И. Распопова написала раздел для тома «Средняя Азия в эпоху средневековья». Особо следует отметить огромную работу, проделанную К. Х. Кушнаревой по написанию ряда разделов для тома «Эпоха бронзы Средней Азии и Кавказа» и по редактированию и компоновке таблиц той части текста, которая посвящена культурам бронзового века Кавказа.

В 1979—1982 гг. сотрудниками сектора завершено 35 плановых тем. Среди них нужно отметить большие многолетние темы. В. М. Массон завершил работу над монографией «Древнебактрийские поселения». В. И. Распопова закончила монографию «Стекло Пенджикента». Э. Б. Вадецкая окончила монографическое исследование «Таштыкские грунтовые могильники». Социологическим реконструкциям посвящены два исследования М. Д. Хлобыстиной: «Древние могильники западной части азиатской степи как палеосоциологический источник» и «Особенности ритуала древних могильников евразийской лесостепи (энеолит—бронзовый век)».

В 1979—1982 гг. проведено 120 заседаний сектора, обсуждено 14 докторских и кандидатских диссертаций.

В 1979 г. рекомендованы к защите кандидатские диссертации аспирантов сектора Л. Б. Кирчо: «Культура южной Туркмении в период

ранней бронзы (вопросы происхождения по материалам керамики)» (защищена в ЛОИА в 1980 г.) и Д. Абдуллоева: «Пенджикент периода арабского завоевания и вопрос о согдийском культурном наследстве» (защищена в ЛОИА в 1980 г.).

В 1980 г. рекомендованы к защите кандидатская диссертация В. А. Грошева (Алма-Ата): «Ирригация южного Казахстана в XV—XVIII вв.» (защищена в 1980 г.) и докторская диссертация А. Я. Щетенко: «Первыбытний Индостан».

В 1981 г. рекомендованы к защите кандидатские диссертации — аспиранта сектора С. С. Миняева: «Бронзовые изделия хунну» (защищена в ЛОИА в 1982 г.) и Н. А. Чмыхова (Киев): «Орнамент эпохи бронзы степной Украины как исторический источник в изучении первобытного мировоззрения» (защищена в ЛОИА в 1982 г.).

В 1982 г. рекомендована к защите докторская диссертация И. Н. Хлопина: «Юго-восточная Туркмения в эпоху бронзы».

Активное участие принимали сотрудники сектора в работе ученого совета ЛОИА, где ими сделано 13 докладов, и в работе методологического семинара (шесть докладов).

В 1979—1982 гг. закончили обучение в аспирантуре сектора шесть человек: Л. Б. Кирчо (научный руководитель В. М. Массон), С. С. Миняев (научный руководитель М. П. Грязнов), К. Ташбаева (Основные этапы истории ранних кочевников Тянь-Шаня (по материалам Кетмень-Тюбе и Алая); научный руководитель А. М. Мандельштам), Э. У. Стамбульник (Развитие культуры населения Тувы в последние века до нашей эры — первые века нашей эры (начальный этап эпохи великого переселения народов); научный руководитель А. М. Мандельштам), М. П. Чернопицкий (Курганные сооружения как исторический источник (функции курганов по материалам степных культур бронзы и раннего железа); научный руководитель М. П. Грязнов), А. Е. Симонян (Культура северных районов Армении в эпоху средней бронзы (по материалам могильника Верин-Навер); научный руководитель В. М. Массон). Двое из них, Л. Б. Кирчо и С. С. Миняев, успешно защитили диссертации на ученом совете ЛОИА.

В настоящее время в очной аспирантуре при секторе учатся В. А. Трифионов (руководитель В. М. Массон). Тема его диссертации «Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы».

Сектор подготавливает научные кадры для других учреждений. Под руководством В. М. Массона проходят подготовку аспиранты Т. Д. Аннаев (Поселения раннесредневекового Тохаристана; Ин-т археологии АН УзССР), К. Д. Курбансахатов (Энеолит западных предгорий Копетдага; Ин-т истории АН ТуркССР), Н. В. Полосьмак (Культура населения западной Барабы в скифо-сарматское время; Ин-т истории, филологии и философии Сибир. отд. АН СССР); под руководством Ю. А. Заднепровского — Б. Х. Матбабаев (Локальные варианты чувшской культуры; Ин-т археологии АН УзССР).

При секторе проходили стажировку сотрудники республиканских археологических учреждений: Р. Абдулкаримохунова (Ин-т археологии АН УзССР) и Б. Н. Удемурадов (Ин-т истории АН ТуркССР) — под руководством В. М. Массона; Б. Х. Матбабаев — под руководством Ю. А. Заднепровского.

За истекшее время вышло из печати несколько монографий сотрудников сектора: В. И. Распоповой «Металлические изделия раннесредневекового Согда» (Л., 1980); Э. С. Шарафутдиновой «Памятники предскифского времени на нижнем Дону» (Л., 1980); М. П. Грязнова «Аржан — царский курган раннескифского времени» (Л., 1980); В. М. Массона «Алтындепе» (Л., 1981); Р. М. Джанполадян «Сферокопические сосуды из Двина и Ани» (Ереван, 1982); А. Я. Щетенко «Первыбытний Индостан» (Л., 1979); Э. Б. Вадецкой, Н. В. Леонтьева, Г. А. Максименкова «Памятники окуневской культуры» (Л., 1980); Э. Б. Вадецкой «Сказы о древних курганах» (Новосибирск, 1981). Ряд статей сотрудников сектора

опубликован в сборниках «Успехи среднеазиатской археологии» (Л., 1979) и «Преемственность и инновации в развитии древних культур» (Л., 1981).

За рубежом переведена монография В. М. Массона «Страна тысячи городов» (*Das Land der tausend Städte. München, 1982*). В США издана книга «Согдийская живопись», часть разделов которой написана А. М. Беленицким и Б. И. Маршаком (*Belenitskii A. M., Marshak B. I. The Paintings of Sogdiana.— In: Asarpay G. Sogdian Painting. Berkeley, 1981*). Статьи сотрудников сектора В. М. Массона, Л. Б. Кирчо, И. Н. Хлопина, Л. И. Хлопиной опубликованы в сборнике «Цивилизация бронзового века Средней Азии» (*The Bronze Age Civilization of Central Asia. N. Y., 1981*).

Три сотрудника сектора побывали в зарубежных научных командировках. В 1979 г. В. М. Массон был в командировке в США. В 1981 г. А. Я. Щетенко находился в научной командировке в Непале. В том же году В. М. Массон принял участие в советско-американском симпозиуме в г. Бостон (США), посвященном древнейшим цивилизациям Древнего Востока и Средней Азии. В 1982 г. В. М. Массон и Р. М. Джанполадян приняли участие в советско-индийском симпозиуме «Археология и древняя история Индостана и Средней Азии».

За истекшее время сектор принял большое количество зарубежных ученых из различных стран мира. Некоторые из них выступили с докладами на заседаниях сектора. Так, в 1979 г. стажер-исследователь из СРВ Фам Куанг Шон сделал доклад «Археологическое изучение южного Вьетнама», а в 1981 г.— «Неолит и „неолитическая революция“ в юго-восточной Азии». В январе 1979 г. был заслушан доклад болгарских археологов М. В. Аврамовой и П. Д. Георгиева «Некоторые проблемы болгарской преистории».

В 1979—1982 гг. сотрудники сектора участвовали во многих археологических конференциях. Это Конференция по скифской археологии в Кемерово (1979 г.); Региональная западносибирская археологическая конференция в Томске (1981 г.); Конференция по средневековой культуре в Алма-Ате (1981 г.); Всесоюзный археологический пленум в Тбилиси (1981 г.); Археологическая конференция, посвященная памяти академика А. П. Окладникова в Иркутске (1982 г.); Сопровождение по проблемам срубной культуры в Куйбышеве (1982 г.); Всесоюзный симпозиум «Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа» в Ереване (1982 г.).

Кроме того, сотрудники сектора приняли участие в работе международного конгресса под эгидой ЮНЕСКО по проблемам древней истории Центральной Азии (апрель 1982 г., Душанбе) и в работе первого советско-французского симпозиума «Древняя Бактрия (среда, развитие, связи)» (ноябрь 1982 г., Душанбе).

К числу наиболее интересных полевых открытий истекшего периода следует отнести раскопки богатых «княжеских» погребений в Адыгейской а. о. Майкопским отрядом (начальник А. Д. Резепкин) Кубанской экспедиции (начальник В. С. Бочкарев) и первую находку живописи бытового характера в Пенджикенте Пенджикентской экспедицией (начальник А. М. Беленицкий).

В 1982 г. исполнилось 80 лет со дня рождения и 60 лет научной деятельности старейшего сотрудника сектора М. П. Грязнова, внесшего значительный вклад в развитие советской археологии.

В 1979—1982 гг. в секторе произошли некоторые кадровые изменения. В 1979 г. стали научными консультантами А. М. Беленицкий и М. П. Грязнов. В 1980 г. присвоены звания младшего научного сотрудника В. А. Завьялову и Л. И. Хлопиной. В 1981 г. младшими научными сотрудниками сектора стали Г. В. Длужневская и Л. Б. Кирчо, в 1982 г.— Д. Абдуллоев, С. С. Миняев, Л. И. Хлопина.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИМГУ — Антропологический институт Московского государственного университета
АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
БКНИИ — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВМУ — Вестник Московского университета. М.
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДВГУ — Дальневосточный государственный университет
ДВНИЦ — Дальневосточный научный центр
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИРКИСВА — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб.
КМ — Красноярский музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАЭСТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ООН — Отделение общественных наук Академии наук СССР
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры. М.; Л.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
СЭ — Советская этнография. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР. М.
ТКОПОРГО — Троицко-Савск-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского Географического общества
ТувИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЮТАКЭ — Южноуркменская комплексная археологическая экспедиция
ААН — Acta Archaeologica Hungaricae. Budapest
BMMA — Bulletin of the Metropolitan Museum of Art
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London
JRS — Journal of Roman Studies. Oxford
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
MMJ — Metropolitan Museum Journal
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
SHA — Scriptorum Historiae Augustae

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>В. А. Могильников.</i> К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII—VI вв. до н. э.	3
<i>Э. Б. Вадецкая.</i> Таштыкские наконечники и прически	7
<i>В. А. Галибин.</i> Особенности состава фаянсовых и стеклянных украшений из памятников Южной Сибири V в. до н. э.— I в. н. э. (по данным количественного спектрального анализа)	14
<i>С. С. Миняев.</i> К топографии курганных памятников сюнну	21
<i>И. Л. Кызласов.</i> Гуннский напильник	27
<i>В. П. Никоноров.</i> Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи	30
<i>В. А. Мешкерис.</i> Змея — хтонический атрибут маргианской богини	35
<i>Т. В. Барцева.</i> Химический состав наконечников копий Северного Кавказа VIII—VII вв. до н. э.	42

Публикации

<i>Ю. С. Гришин.</i> О некоторых медно-бронзовых изделиях эпохи бронзы и раннего железа со среднего Енисея	50
<i>В. Ф. Генинг, Л. Н. Корякова.</i> Комплекс раннего железного века на Чупинском поселении	52
<i>Ю. Е. Вострецов.</i> Раскопки жилищ кроуновской культуры на поселении Киевка в Приморье	60
<i>Н. А. Кононенко.</i> Каменный и костяной инвентарь янковской культуры	64
<i>А. В. Матвеев, Н. П. Матвеева.</i> Саргатский могильник у д. Тютрина (по раскопкам 1981 г.)	69
<i>Н. В. Полосьмак.</i> Могильник Новочекино 2 в северной Барабе	76
<i>Н. В. Леонтьев, Н. А. Боковенко.</i> Кавказская писаница на Тубе	82
<i>Ю. А. Заднепровский.</i> Городище Билувуртепе (восточная Фергана)	88
<i>Т. В. Мирошина.</i> Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края	95

Хроника

<i>В. А. Алекшин.</i> Работа сектора Средней Азии и Кавказа в 1979—1982 гг.	101
Список сокращений	104